

Саша Урбан

Неспящие

После нескольких экологических кризисов Земля стала той еще помойкой. Большая часть территорий превратилась в пустыню, а немногочисленные выжившие, чтобы сохранить свой вид, обратились к технологиям. Нейросети стали решать, как распределять ресурсы, кому сколько и где работать. Если тебе повезло, и ты можешь приносить пользу программированием или обучением, то ты живешь, как нормальный человек. Если нет — становишься помоечной крысой. Рем всегда был помоечной крысой, но хитрая судьба дала ему шанс пробраться в мир богатых и успешных. Вот только никакое это не везение, и теперь единственная задача Рема — выжить.

Глава 1. Прощай, Фелиз!

Рем прикрыл глаза буквально на секунду. Просто хотел сбросить напряжение, стиснувшее голову горячим кольцом. Организму и этого небольшого движения век оказалось достаточно, чтобы расслабить все мышцы и пустить черные точки перед глазами — если бы не волевое усилие, Рем бы точно задрях. Неудивительно, он не спал уже пятые сутки, и теперь все его мысли сводились к тому, чтобы занять горизонтальное положение на одной из скамеек в тесной комнатке для прощаний и вздремнуть минутку-другую. Окружавшая его темнота так и манила, обещая сладкий сон, крепкий, как у мертвеца. Атмосфера, кстати, располагала.

Вдруг тишину прорезал визг включающихся динамиков и треск помех. Человек, стоявший у микрофона, прочистил горло, чтобы избавить голос от ноток, которые выдавали бы, как ему уже осточертела эта работа.

«Кто-нибудь из присутствующих желает произнести речь, чтобы почтить память покойницы?»

Рем обернулся в сторону Дези. В своем нынешнем состоянии он уже вряд ли мог бы выговорить собственное имя, так что вся надежда была на сестру. Та, однако, поджала губы и отрицательно помотала головой.

«Отлично, быстрее закончим. В добрый путь», — с облегчением сказал оператор и отключил динамик.

В тесной, но прохладной комнатке для прощаний их было всего двое: брат и сестра, Рамон и Дезире Домингос-Сальва. Они стояли плечом к плечу, чуть ли не прижимаясь носами к толстому огнеупорному стеклу во всю стену. По ту сторону, завернутая в белый саван, лежала их мать Фелиз (или просто Лиз).

В камере для кремации что-то защелкало, затрещало. Одновременно в комнате для прощания загудели вентиляционные шахты, поставляя в крохотное помещение потоки прохладного воздуха. На стене торжественно загорелась выложенная неоновыми лампочками молитва, надерганная из всех религий сразу и оттого (по мнению Рема) ставшая совсем бессмысленной:

«Из пепла начался наш путь, и пеплом он оканчивается. Но конец для одного — всегда начало для другого».

Рем тупо пялился на эти слова, но чувствовал себя так, словно его хватил инсульт. Каждое слово по отдельности он понимал. Даже если их собирать в пары, он мог разобрать смысл, но целиком предложение просто утрачивало всякое значение. Интересно, кого эти похоронщики пытаются успокоить такой писаниной? Людей, которые готовы отправиться на кремацию всей семьей после потери кормильца?

Трекер-браслет на руке жалобно запищал. На сенсорном экране высветилось уведомление о слишком частом пульсе. Затем последовало издевательское: «Уделите немного времени экспресс-медитации». Заметив, что брат пялится в экран, Дези недовольно ткнула его в бок. Рем и не заметил, что за время, пока он рассматривал расплывающиеся перед глазами буквы, оператор во всю развел огонь, и пламя голодно облизывало саван. Уже показались первые дыры, но плоть, пусть и мертвая, все равно будто сопротивлялась.

В последний путь их ма уходила также, как жила: через «не хочу» и «не могу».

Ей было аж пятьдесят шесть. Она почти дважды побила среднюю продолжительность

жизни в Нижнем городе. Врачи и специалисты по долголетию должны были обивать порог их дома, снимать ее для телека, внести в какую-нибудь книгу рекордов, но ничего этого, конечно, не произошло.

Фелиз Домингос-Сальва ушла из жизни душным апрельским днем, возвращаясь с смены в госпитале. Просто села на трамвайной остановке и больше не встала. Новость о ее смерти уже через несколько часов утонула в разговорах о росте цен на рис и гормоне ночных шоу. Никто даже не поинтересовался, что выдернуло ее дух из тела: инфекция, рак или, может, сердечный приступ. Даже коронера и других ее коллег-врачей такие подробности не интересовали. Они зафиксировали факт смерти, отправили отчет в нужные инстанции, и посоветовали ее двадцати шестилетнему сыну, новому главе семьи, не затягивать с похоронами, а то морг и так забит под завязку, а в жаркий сезон никакие холодильники не справляются.

Они с Дези умудрились выбить окно на кремацию на следующий же день. Им даже дали целый день выходного, чтобы как следует погоревать. Фелиз растила их одна, практически заменив умершего отца. Она была бы недовольна, если бы узнала, что из-за пятиминутной церемонии ее дети потеряли целый день работы, но брат с сестрой решили, что так будет правильно. Поэтому они прилипли взглядами к стеклу и смотрели во все глаза, стараясь не упустить ни одной из последних секунд их матери на земле.

Огонь уже пировал на начавших показываться костях. Оператор, видимо, очень спешил на обед, поэтому прибавил жару. Да так, что Рем почувствовал, как воздух в комнате начинает нагреваться, несмотря на стекло. На спине выступила испарина.

Еще через минуту жарко стало, как на улице. Одна радость, вентиляция работала исправно, и в помещении хотя бы не воняло. Все стерильно. Запах хлорки щекотал нос, но недостаточно, чтобы вызвать желание как следует чихнуть.

Дези взяла его за руку, потные ладони шлепнулись друг о друга. Рем снова вынырнул из мыслей о дискомфорте и посмотрел на сестру.

— Как ты?

— Нормально, — поджала губы Дезире.

Ей исполнялось восемнадцать. Она с детства помогала матери в больнице, а еще подрабатывала в столовой, чтобы приносить хоть что-то кроме благодарности пациентов домой. Рем и Фелиз до этого дня надеялись, что они скопят денег и через год-другой подмажутся к нужным людям, чтобы отправить Дези в Верхний город ассистентом какого-нибудь медика. Не весть какая должность, да и общаться нельзя будет, но всяко лучше, чем здесь. А теперь, со смертью Лиз, этот план превратился в пустое обещание. Теперь девушке предстояло встать на место матери и пахать, пока сердце не откажет, в надежде когда-нибудь протолкнуть наверх уже собственных детей. Дези старалась не подавать виду и убедительно играла роль скорбящей, но почему-то вместо тоски и одиночества она чувствовала только обиду и злость.

Ее идеальная жизнь, полная надежд на лучшее, испарилась. Лиз забрала ее с собой в жаркие объятия огня.

— Хочешь, оставим прах тут? — предложил Рем хриплым шепотом, стараясь не нарушать плотную тишину.

— Хуй там, — фыркнула Дези. — Чтоб они ее потом распылили в качестве удобрения на своих плантациях, а нам продавали фасоль оттуда по конской цене? Ну уж нет. Мама бы такого точно не хотела.

— Тебе виднее.

Через пять бесконечно долгих минут все закончилось. Тело в белом саване превратилось в плотно набитый бумажный пакет, выехавший из окошка в стене, как чипсы из старого вендингового автомата. Пахнуло гарью.

Рем опередил Дези и взял пакет в руки. Прижал к себе, как ребенка, про себя с удовольствием отмечая, что пока (или уже) ничего не чувствует. Только желание поскорее оказаться дома и сгрузить останки в жестяную банку, поставить на полку рядом с такой же покоцаной эмалированной посудиной, которая стоит у них на кухне уже пятнадцать лет.

К этому нестерпимому желанию прибавилось еще одно чувство, не очень уместное для дня похорон. Это было небольшое удовлетворение при виде лица сотрудника крематория, которому Дези отсчитывала кругленькую сумму монетками и мелкими купюрами старого образца. Лицо щуплого бледного мужчины в строгом костюме вытягивалось с каждой падавшей в его ладонь монетой, которую по закону он должен был принять. Благо, наличные все еще были в ходу для государственных организаций.

«А что вы хотите с такими ценами? Чтоб я выдал все деньги за месяц и сказал “спасибо”?» — хмыкнул про себя Рем и улыбнулся так торжественно, словно на его глазах вершилось величайшее правосудие.

Когда они с Дези вышли из крематория, время лениво ползло к полудню. Брат с сестрой шли под испепеляющим солнцем. Они пытались выбирать маршрут, на котором можно было бы спрятаться в тени от низеньких домиков с крышами из солнечных панелей. Но тени исчезли, под навесами битком набились бездомные и попрошайки. Те, кому не повезло, и работы для них не нашлось. Они выходили на улицы и делали то единственное, что им можно было делать бесплатно: спали во всех мыслимых и немыслимых позах. Некоторые постанывали во сне от голода, другие так и умирали. Специально собирались за этим вокруг крематория, чтоб городским службам не тратить время на поиск тел.

Дези задержалась возле одного семейства, развалившегося под навесом. Она достала из кармана новенькую упаковку галет и небольшой мешочек сушеной фасоли и со звоном бросила свою скромную подачку в миску, стоявшую на коленях у заснувшей сидя женщины. Та кивнула, не поднимая головы. Дезире бросила вопросительный взгляд на Рема, чтобы проверить, нет ли в его глазах осуждения. Все-таки, в эмалированную миску упал хороший по меркам их общины обед, а попрошайки у крематория регулярно получают неплохие угощения от скорбящих.

Но Рем только кивнул и поторопил ее. Они потопали дальше по выбеленным солнцем улицам. С рекламных щитов на них смотрела одинаковая улыбчивая физиономия девицы с белой кожей, которая крикливым шрифтом с завитками напоминала о необходимости пользоваться солнцезащитным кремом даже в пасмурный день. Тот идиот, который купил эту рекламу, должен был знать, что в Нижнем городе дом проще купить, чем этот их крем. Домов хотя бы хватает.

Вообще, вся жизнь в Нижнем городе была абсурдной. На первый взгляд он напоминал муравейник с кривыми домами, лепившимися друг к другу в поисках хоть какой-то поддержки, прямо как люди, которые жили в них. У них была крыша над головой, но почти никогда не было еды. У них были работы, но не было денег, зато был страх этой работы лишиться. У них был пляж прямо рядом с домами, но не было моря, только безжизненная дюна.

Хотя море как раз-таки было. Фелиз его даже застала, когда была совсем ребенком.

Когда-то Лас-Риас был просто портовым городом на скалистом побережье океана. Тут было полно людей со всего мира и они в основном занимались тем, что рубили лес и отправляли его на кораблях по всему миру. Дорубились. Если не вдаваться в подробности, то по планете прокатилась парочка экологических кризисов, потом экономический, потом опять экологический, и они пришли к тому, к чему пришли. Вместо сотни с чем-то стран и миллионов городов на всех континентах у них осталось только с десятков городов государств. Там, где был океан, осталась мутная лужа, на месте лесов — пустыня. В некоторых частях света даже крысы сдохли. А люди выжили. И непонятно, кому повезло больше.

Одним из таких городов-государств был Лас-Риас. Он торговал всеми видами стекла для создания биосфер. Ну, как «он». Торговал Верхний город, расположенный на вершине горы с нахлобученным на него стеклянным куполом.

А Нижний город предоставлял людей, которые будут работать на плантациях и фильтрационных установках под другими такими куполами. Вот только была проблема. У Лас-Риаса был заложен предел объемов производства. Он не мог вырастить больше бобов или построить больше куполов — ученые посчитали, что это как-то повлияет на состояние окружающей среды. А вот люди плодились и размножались. Их становилось все больше, а работы — нет. Поэтому вскоре, чтобы купить себе обед, ты должен был работать без сна и отдыха трое суток. Еды не хватало. Шмотки донашивались и перешивались. А Верхний город доверял все больше работы роботам и искусственному интеллекту.

Но Нижний город это не то, чтобы беспокоило. Жители ходили на работу, вечером — по барам. Скупали барахло с помоек Верхнего города и ждали, когда богатеи спустят со своей горы очередной грузовик «гуманитарной помощи», по-другому известной как Витамин X12. Одной белой таблетки было достаточно, чтоб вспалывать грядки на плантации двенадцать часов кряду. Государство словно сказала: «Хотите работать — работайте». И все с радостью жрали эти витаминки и пахали. А иногда просто жрали. Без пахоты и работы. Их же все равно бесплатно раздавали.

Когда таблетки появились, Рем еще не очень разбирался в витаминах, несмотря на все усилия Фелиз. Он знал, что витамины нужны и содержатся в овощах и фруктах, но ни от одного яблока у него так сердце не заходило, как от половины несчастной белой таблетки. Когда Фелиз поймала его с этой дрянью в руках, то отметелила с силой, неожиданной для сорокалетней женщины. Она что-то говорила про наркотики, но, когда дела стали совсем плохи, и сама начала подбедать таблетки. И ему разрешила. Просто нарисовала схему, по которой можно было пить таблетки и спать так, чтобы организм не помер от истощения. Пока эта схема работала. Их семейка, благодаря разработанному матерью графику сна, смогла сохранить человеческий вид.

Но что дальше?

Рем ускорил шаг. Перед глазами, как ниспосланное свыше виденье, стоял их дом с крышей из солнечных панелей и белеными стенами. Ему вдруг показалось, что по какой-то причине из дверного проема с минуты на минуту выйдет мама. Не вот это белое безликое тело в саване, а как она любила — в широком платье с самодельным рисунком, с платком в волосах и этой ее улыбкой, маскировавшей всякую усталость. Рем нервно сморгнул и покрепче перехватил пакет с прахом. В ушах застучала кровь.

Он и не заметил, что Дези, в противовес ему, совсем замедлилась, а несколько шагов спустя и вовсе остановилась, как вкопанная.

— Рем, подожди.

— Давай быстрее, Дез.

— Я не могу, — сказала она и вдруг начала рыдать прямо посреди улицы. — Пока мы не зашли, мне кажется, что она все еще там.

Шумный вздох и снова рыдания. Потом опять вдох в попытках успокоиться. Почти получилось. Полные губы растянулись в улыбке, но слезы пробивались, как помехи.

Рем обреченно помотал головой, стараясь затолкнуть ворочавшуюся под горлом тошноту обратно в живот. Потом подошел к сестре и, взяв за плечо, притянул к себе. Дез вцепилась в насквозь мокрую футболку и принялась выть, трястись и всхлипывать. А Рем стоял рядом, словно не хотел смущать. Он снова и снова переводил взгляд то на кудрявую голову Дези, то на их дом в конце улицы.

И тут до него дошло.

Теперь там будут жить только они вдвоем.

Никто больше не заставит их брать выходные так, чтобы хотя б раз в неделю устроить семейный ужин.

Никто не будет ругаться из-за оставленного на столе хлеба.

Никто не расскажет историю о жизни в старые времена, когда океан еще облизывал этот берег. Никто не будет петь старые песни прокуренным голосом и готовить кашу в микроволновке.

Никто не подбодрит своим неизменным: «давай через “не могу”».

Фелиз Домингос-Сальва ушла навсегда.

И Рем заплакал.

Глава 2. Давай через «не могу»

Рем проснулся с полпинка. Буквально.

Когда он распахнул глаза, Дези заносила уже покрасневшую ногу, чтоб еще раз поддеть носком его ботинок.

— Да встал я, встал, — пробурчал молодой человек и, в подтверждение своих слов, оторвал задницу от набитого мягким мусором мешка, служившего ему и креслом, и зачастую, постелью.

За несколько часов сна тело задеревенело, напоминая ноющей болью о том, что он приближается к отметке средней продолжительности жизни и ему (по официальным данным) не так уж много осталось. Spина подтверждающе хрустнула, заставляя пожалеть о том, что он вообще предпринял попытку поспать. Если бессонница его не доконает, то это сделает разваливающийся позвоночник.

— Я не могла добудиться тебя полчаса, — надула губки Дезире и бухнулась на второй такой же пуф. Загорелые коленки оказались на уровне головы, и вся ее поза со скрещенными на груди руками делала Дези больше похожей на ребенка, чем на взрослую. А взрослеть уже было пора.

Рем встряхнулся. Трекер, подключенный к единой системе здравоохранения Лас-Риаса запищал, выводя на экран информацию о сне: четыре часа, из них глубокого сна только двадцать минут, при немедленном употреблении витамина X12 можно приступать к работе. К счастью, у Рема был выходной на целые сутки.

Он взмахнул рукой, и экран заморгал, выводя последние новости, сводки погоды и сообщения. Около десятка человек, кто близко общался с их семьей, успели выразить свои соболезнования и в тревожной торжественности поприветствовать Рема как нового глазу их скромного семейства. Кто-то в надежде напроситься на приглашение на поминки тратил кучу символов, чтобы напомнить, какой замечательной, смелой и «своей» была Лиз. Не то, что большинство фиф из Верхнего города, которых тридцать лет назад первыми выгнали после забастовки врачей.

— Это все очень мило, но поминки мы организовывать не будем, — пробубнил Рем.

— Мы же не богачи, — поддакнула Дези. Она уткнулась в трекер и теперь сидела в социальных сетях. Сквозь окошко экрана подсматривала жизнь в Верхнем городе, словно ничего и не случилось. Только чуть резковатые движения рук выдавали ее нервозность.

Рем еще раз потянулся и обошел дом, словно примеряя его на себя вместе с новой ролью хозяина. Владения у него, правда, были скромные. Четыре картонные стены, крыша, два пуфа, низкий стол, микроволновка, маленький холодильник (когда-то он был отельным). Пара перегородок прятали от любопытных глаз душ (в котором вода появлялась дважды в сутки) и сортир. Главная гордость — мини-биосфера из толстого стекла со специальной лампой. По сути, это был аквариум без воды, в котором в фиолетовом свете лампы Фелиз выращивала то фасоль, то горох, то острый перец. Последний был ее гордостью.

Фелиз родилась в Верхнем городе. Училась там, долгое время лечила богачей. У нее все было схвачено, и семья ею гордилась, готовили ее замуж за какого-то чиновника, создавшего большинство действующих протоколов для системы здравоохранения. А потом она приняла участие в забастовке врачей, которые требовали сделать медицину доступной для жителей Нижнего города. У власти ответ был простой: «Хотите — делайте». Всех участников

собрали и выслали в Нижний город. Фелиз даже никакие связи не помогли. Но она ни разу об этом не пожалела, по крайней мере вслух. Она поселилась прямо в больничном корпусе и принялась лечить. Вышла замуж за своего же пациента, в общем, у нее жизнь сложилась довольно неплохо. Ее все любили.

«Все любили», — повторил про себя Рем. Он вдруг понял, что уже минуту пялится на полку. Там две покоцанные банки из-под круп стояли впритирку друг к другу. На одной Дези написала «тӕе», а на второй — «раі». Снова вместе. Сердце защемило. А через секунду тупая ноющая боль выродилась в какую-то лихорадочную энергичность. Захотелось что-то сделать прямо сейчас: передвинуть все, что не приколочено, разжиться краской и покрасить стены, что угодно.

А еще нужно было найти Дези работу. После смерти Фелиз ее место занял кое-какой врач без квалификации, и Дези перестали пускать медсестрой. Мол, на младший персонал ресурса нет. Это было ударом ниже пояса. Вообще-то Дези неплохо справлялась с ролью медсестры. Она с самого детства таскалась с матерью в госпиталь, меняла пациентам повязки, ставила уколы, накладывала швы, а иногда просто развлекала их разговорами, держала за руку умирающих, которым очень хотелось (хоть и было невыносимо) перед последним вздохом увидеть красивое, играющее всеми красками жизни лицо. Но теперь без корочки врача получить должность было нельзя даже по старой доброй памяти.

А с вакансиями дела обстояли не лучше. Как только появлялась работа, на нее тут же подавалась как минимум сотня человек. На трекары безработных приходила рассылка, и кто успевал вовремя ткнуть на нее, мог рассчитывать на победу в этой дикой лотерее. Главным призом были двадцатичасовые смены на какой-нибудь плантации, в столовой или еще где. Дези подрабатывала в одной столовой, но за двенадцать часов зарабатывала только на бутылку воды. Искать что-то лучше ей не очень хотелось.

Вот и сейчас, когда Рем завел с ней разговор о работе, она закатывала глаза и прикидывалась глухой. На каждый его аргумент она придумывала с десяток «не хочу» и «не могу». Тут ей не хватало силы, там выносливости, в третье место вообще ехать далеко. Рем не сдавался. У него была уверенность главы семьи. Он продолжал давить, напоминая Дез, что она теперь взрослая. И вот, когда ему казалось, что он почти вправил ей мозги, Дезире достала козырь.

— Понимаешь, это все не мое.

— Чего? — он аж воздухом поперхнулся. А Дези закатила глаза так, словно это он был главным дубиной в радиусе километра.

— Ну не мое это: поливать фасоль, таскать паллеты и разливать еду по тарелкам.

— А кто вообще считает, что это «их»? Есть работа — ты работаешь.

— Это неэкологично.

— Неэкологично — бумагу не перерабатывать.

— Нет, ты не понимаешь, — опять она закатила глаза. — Это очень ограниченное мышление, мешающее поиску истинного призвания и раскрытию своего истинного потенциала.

— И какое же у тебя призвание?

— Жить в Верхнем городе, — уперла руки в бока Дези.

Рем устало провел ладонью по лицу. Однажды этот разговор у них уже состоялся, пока мама была жива. Дези, стоит отдать ей должное, быстро научилась пользоваться интернетом и ночами напролет могла смотреть стримы о жизни в Верхнем городе. Дай ей лист бумаги

— она по памяти карту нарисует и назовет каждое кафе на главной улице. А мама возьми и ляпни про свою жизнь там, и с тех пор Дези была уверена, что скоро к ним придут бабушка с дедушкой и, преисполнившись любви, заберут их семейство обратно в стеклянные многоэтажки, где есть ванна и холодильник. Поэтому она и соглашалась вкалывать в госпитале. Мама довольно быстро сообразила, что к чему и опустила дочь с небес на землю. Если проще: сказала, что бабушка с дедушкой уже давным давно умерли, а их имущество скорее всего попало в распоряжение администрации Лас-Риаса. Рем был уверен, что Дези поняла, что в Верхнем городе ловить нечего. Как выяснилось, он ошибался.

Он долго смотрел на сестру, думая, как бы помягче выразиться. А потом решил, что тут уж точно не до нежностей.

— Сама ударишься о стену или тебе помочь?

— Просто подумай... — потянула она умоляющим тоном. — Почему ты не хочешь даже попытаться? Мама бы так хотела...

— Мамы здесь нет!

Эти слова должны были отрезвить Дез, но резанули почему-то самого Рема.

Дези, паршивица, увидела это и провернула свой безотказный прием: начала хлюпать и шмыгать носом, выдавливая крупные, как фасолины, слезы. Рем знал, что мелкая гадость придуривается, но всякий раз, как она начинала хныкать, мозг самовольно вставал на ручник и объявлял забастовку. Хорошо еще, что этот номер удавался исключительно Дезире.

— Хватит, — потребовал Рем, стараясь не растерять остатки достоинства.

— Я не могу, — хныкнула она, размазывая по лицу слезы.

— Давай через «не могу».

Зря он это сказал. Тут Дези разревелась уже по-настоящему. Ее рыдания было слышно, наверное, на всю улицу, а слезами можно было и умыться, и остатками пол протереть.

Рем закатил глаза, признавая техническое поражение.

***

Когда испепеляющее солнце стало наливаться красным, Дези окончательно успокоилась и даже повеселела. Приготовила им обоим ужин. Этим жестом доброй воли она как бы сообщала, что перегнула палку, но вслух этого не признает. Рему оставалось довольствоваться тишиной и звуком жевания.

— Я тут подумала...

— Ну никуя себе.

— Ой, завали, — сморщила нос сестра. — Почему бы тебе не взять меня с собой на работу?

— Исключено.

— Но почему?

— Я знаю, что ты собираешься сделать. Ты будешь подмазываться к Тайнаре, чтобы она подбросила тебе халтуру в Верхнем городе. Поэтому еще раз — нет, — и для убедительности он воткнул ложку в пюре из всего подряд, словно ставя точку в этом разговоре.

— Но я же хочу помочь, — надула губы Дези.

— Ты сможешь, если у тебя будет официальная работа, по которой тебе будет полагаться зарплата и продуктовые талоны. Может, униформа, чтоб твоя одежда меньше загаживалась. А с Тай и остальными работать буду я.

Опять обида. Дези кинула ложку в тарелку и порывисто встала, вышла на улицу и

затопала пятками по крыльцу изо всех сил. Рем только ухмыльнулся и убрал остатки еды в кастрюлю. Дез по привычке сварила на троих.

Через окно он видел, как сестра мечется туда-сюда по крыльцу, то и дело бросая на него испепеляющие взгляды. Им бы сесть, поговорить, переварить произошедшее. Рем это понимал, но ничего поделать не мог. Чем сильнее он вел себя как взрослый, тем больше капризничала Дези. Как будто она по дороге ударилась головой и часть ее мозга вернулась в пятилетний возраст, чтобы не отвечать ни за что, кроме хныканья и топанья ногами.

Повисшую тишину разорвало жужжание трекера. На экране высветился номер и фото контакта. Рем устало закатил глаза, а вот Дези тут же сунула нос в дом.

— Это Тай?

— Брысь отсюда, — шикнул Рем. Дези обиженно хлопнула дверью. А юноша нажал на кнопку приема вызова. — Тайнара.

Можно было и поласковее, но ей и этого хватило.

— Привет. Соболезную.

— И тебя туда же. Давай к делу, что произошло? — сказал он, разваливаясь в кресле-мешке. Спиной к окну, чтоб мелкая не вздумала по губам читать.

— Слушай, прости. Я помню, что у тебя выходной и похороны, и...

— Тай, — цокнул он языком. — Что. Блядь. Случилось?

— Ты нужен. Они выкатили обновление без предупреждения, система сбросилась и все слетело к чертовой матери. Я знаю, что нужно нажать пару кнопок, чтобы откатить все назад, но у меня... я...

— Успокойся, — Рем резко выпрямился. — Ты ничего не тыкала?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— А если проверю?

— Просто приедь и сделай свою работу, — в мгновение ока из девы в беде она превратилась в его босса. В этом была вся Тайнара. Она паниковала, пока не вспоминала, что ей есть к кому обратиться. — Проставлю шоты в память о Лиз.

— Ты сама предложила, — хмыкнул Рем и обернулся в сторону окна. — Дези со мной.

— С какого перепуга?

— Как «с какого»? У нее сегодня тоже мать сожгли.

Пауза, короткое «ладно», гудки. Рем вздохнул и пошел было сообщить Дези, что придется все-таки выбраться в клуб, но та уже все слышала и смерчем носилась по дому, выживая подходящие шмотки из ящиков и даже из корзины для грязного белья.

— Ты прикалываешься? — закатил глаза он. — Надень что-нибудь черное. Как-никак, поминки подъехали.

Глава 3. Механик

Солнце шлепнулось о горизонт и растеклось красными разводами. Трамвай, натужно постанывая, с горем пополам катил их в гору, словно спасая от затопления в этом алом зареве. Рем и Дези ехали к самой границе Верхнего города.

Тут жизнь была получше, чем у них в низине. Жилые дома, конечно, все так же липли друг к другу в поисках опоры и поддержки, зато в них было по два этажа. Были лавки, магазинчики и мастерские, где продавалось все, что душе угодно: шмотки, барахло, семена, обломки техники, запчасти и всякий хлам, выгашенный из помоек Верхнего города. В основном, конечно, барахло, но оно приносило деньги. Хотя один раз в одной из таких лавок Рем нашел несколько книг. Настоящих таких, бумажных, прямо со свалки. Это было что-то древнее, про какого-то Одиссея и какую-то Трои, но Фелиз была вне себя от счастья. Даже зачала эту рухлядь, как подарок на день рождения. Требовала, чтобы Рем тоже прочитал эти книги, но все никак. А теперь с него и спросить-то было некому.

Рем дернулся, переводя взгляд на проползавшие мимо дома и магазины, размалеванные светящейся краской. Сейчас закат догорит, и улицы наполнит мягкое свечение. И местные фрики закинутся своими витаминками и выползут на ночные тусовки, несмотря на законы и комендантские часы. В этом районе как будто не действовали законы, работавшие во всем остальном Нижнем Городе. Даже копы были... лояльнее, что ли. А может, им просто не хотелось работать.

Рема же раздражали все эти попытки района Фундо косить под верхний город. Но была одна вещь, которая ему нравилась — это вид. Отсюда Нижний город был виден как на ладони: дороги, протянувшиеся по высохшим руслам рек и лиманам, гусеницы переполненных трамваев, тянувшаяся за горизонт дюна, на которую двадцать лет назад в последний раз по старой памяти выбросился кит. И куча мелких людей, которые ползли по своим делам. Архитектурка у них была не весть какая, мусора было достаточно, над домами в плотные гнезда сбивались провода и бельевые веревки, но в закате все равно было красиво. Особенно, если смотреть сверху-вниз, как будто это не тебе предстоит возвращаться в эти трущобы.

Он так проникся видом, что даже не заметил, как трамвай оказался переполнен людьми. Несчастное транспортное средство всеми силами цеплялось за рельсы и, кажется, просило пощады. А кто-то, невзирая на железные стенания, открыл бутылку домашнего самогона и начал тусовку прямо на ходу.

Рем на всякий случай подтянул Дези поближе к себе. Тут-то он заметил, что все это время она листала фотографии на крошечном экранчике трекера. Сперва он подумал, что она просто чистит память. Палец на секунду зависал над экраном, точно решая невидимое уравнение под названием «удалить или оставить». Но, присмотревшись, Рем увидел, что на всех фотографиях была мама. И он.

Дези нырнула ему под плечо и развернулась так, чтобы ему было лучше видно. Так и ехали до конечной.

Тайна ждала их у дверей клуба «Мамма Вруха». По сути, это был небольшой ангар с пристройкой из нескольких корабельных контейнеров. Из помещения уже доносился ухающий бит, а каждый раз, как в сторону отъезжала дверь, воздух наполнялся запахом

подслащенного дыма. У дверей уже вытянулась очередь ребяток, надеявшихся дешево выпить и не знаящих, что их удовольствие сегодня полностью в руках Рема. Вдоль толпы сновали Проныры — ребята в капюшонах, которые продавали за деньги или витаминки то, что называли, дизайнерскими таблетками. Обещали, что одна спрессованная белая конфетка обеспечивала волшебную ночь, если запить ее достаточным количеством алкоголя. Один парень так нахваливал свой товар, что Дези вытянула шею. Рем потянул ее за собой.

— Не слушай этих уектов, там просто огромное количество сахара.

— А-а-а-а, — протянула она. — Ну да, сахар с алкоголем это такое... ночь и правда будет улетной, но печень скажет «пока-пока».

— Поэтому этих говнюков копы и не ловят. Они им могут пришить максимум мошенничество, — хмыкнул он.

Тут-то к ним и подскочила Тай в своем обтягивающем черном платье с барахолки. Она была очень бледной, почти прозрачной. Такой вот результат работы по ночам. Волосы и брови у нее тоже были бесцветные, по лицу яркими пятнами была размазана косметика. Управляющая «Матта Вуха» была на пару лет старше Рема и почти одного с ним роста, стремительная, подвижная, она выглядела немного неестественно из-за своей нервной худобы.

Она была управляющей уже два года и за это время успела раскатать заведение. Днем это был пункт приема контрабанды и различного барахла, в обед — пункт сбыта, вечером — клуб. У Тайнары были покровители по обе стороны городской стены, они же назначили ее на должность, и она справлялась. Правда, ценой кучи таблеток и литров алкоголя, который приходилось списывать. Такова была цена ее тревоги и панических атак. Поработав с Тай полтора года, Рем был уверен: если бы алкоголизм и секс были видами спорта, то Тайнара могла бы возглавить сборную. В последнее время ее основными «снарядами» были скрипучий стол в кабинете и Рем, но Дези об этом знать не стоило. Да и вообще никому в клубе. Если народ узнает, что с начальством можно спать и получать за это выходные, то очередь из желающих выстроится такая, что работать будет некому.

Управляющая еще раз выразила брату и сестре свои соболезнования, поцеловала обоих в щеки. В нос, до самого мозга, ударили ее духи. Потом Тайнара подхватила их обоих под руки и отбуксировала напрямиком в темную глотку клуба.

Она что-то тараторила, но ее слова тонули в истерично скрипевшем техно. Сперва она болтала что-то о дневной жаре, потом снова рассыпалась в соболезнованиях, вспомнила о своих покойниках и попыталась завершить тирады каким-то бесполезно оптимистичным выводом в духе «надо жить дальше».

Она протащила их через весь зал и сбросила Дези прямо у барной стойки. Показала на голографическом меню, какие напитки лучше не брать, махнула бармену Луи, передавая мелкую на его попечение, а потом вцепилась обеими руками в Рема и чуть ли не за дреды оттащила его в каморку в дальней стене. Там, в тесноте (зато с кондиционером) расположился ее кабинет. Через стену с этой стороны можно было наблюдать раскачивавшуюся в свете неоновых ламп толпу.

На секунду Тайнара припала к стеклу, словно их кто-то преследовал. Потом помассировала виски и указала на монитор, стоявший посреди многострадального стола.

— В общем... как-то так... — проговорила она, внимательно следя за каждым движением Рема. Тому достаточно было тронуть мышку, чтобы оценить масштаб бедствия по количеству открытых вкладок. Если немного посидеть, можно было бы даже догадаться,

на каких страницах с Тайнарой случилась истерика.

— Это называется «ничего не трогала»? Да тут...

— Я была уверена, что делаю все правильно, — тут же парировала Тай. — Никто не предупреждал об обновлении. Если ты ничего не сделаешь, то в соответствии с новыми нормами все отрубится, заблокируются холодильники, а если система найдет неучтенные напитки в холодильниках, то она их утилизирует.

Даже в полумраке было видно, как у нее дергается глаз.

— Дай угадаю, и коктейли только по показателям здоровья, — ухмыльнулся Рем.

— Да, мы должны прокатывать трекер каждого гостя перед продажей напитка. Если человек пьяный, система не даст нам ни хрена ему продать.

— Все строже и строже, — пробормотал Рем, залезая под оболочку обновления. — Видимо, чтоб не было пьяных дебошей.

— Или чтобы процветал домашний алкоголизм.

Тайнара достала свою таблетницу с «витамишками», зажала в кулаке и принялась потряхивать в такт музыке в зале.

Рем же ковырял код. Просто откатить проверку было нельзя, система безопасности заметила бы это, приехала бы проверка, а за ней копы и штраф. Но вот если аккуратно сломать пару строк, чтобы программа работала, но не мешала, то можно будет выдохнуть до следующего обновления. В этом и заключалась работа и талант Рема: он ювелирно ломал технику и умудрялся обходить протоколы безопасности на уровне интуиции. В его ведение входили все ограничивающие алгоритмы, системы слежения и сбора данных. Если для большинства людей эта работа напоминала копошение в хаосе символов, то самому Рему это напоминало прохождение лабиринта, в конце которого система играла с ним в Дженгу. И каждый раз он с удовольствием выигрывал.

В первый раз его талант обнаружился еще лет десять назад, когда он решил поиграть с компьютером в госпитале их района и случайно отключил им счетчики электричества. Полгода они не платили налоги и оперировали день и ночь. Потом, конечно, недосдачу заметили, но разбираться так и не стали, просто уволили пару человек в Верхнем городе. Рем, конечно, тоже получил по жопе от матери, а потом она отдала его под крыло Барону, владельцу большинства клубов и баров в Нижнем городе. Под его протекцией Рем спасал соседей от налогового гнета, а постепенно научился и более тонким операциям. Например, отменять спущенные сверху решения о том, во сколько заведению закрываться и гасить огни. Или скрывать, где находится тот или иной владелец трекера.

Змейка загрузки принялась крутиться на экране, проверяя, не слишком ли Рем «наследил», пока делал свою работу. Механик откинулся назад и расплющился в спинке кресла. Голову словно набили ватой. Очень хотелось вздремнуть хотя бы полчаса, чтобы не есть очередную таблетку, особенно когда Тайнара завлекательно трясла своими, будто в трансе.

— Я все, — сказал он, когда система перезагрузилась.

— Так быстро? — управляющая тут же забыла о своей медитации и подскочила к экрану, как будто могла в нем что-то разобрать. — Знала бы я, что ты справишься за пятнадцать минут, не стала бы так психовать. А то я уже съела свою норму, а время только восемь часов.

— Ты же в курсе, что витамины не успокаивают? — скрестил руки на груди Рем и поморщился. Еще и с Тай ему нянчиться не хватало, особенно сейчас.

— Да. Зато они помогают сконцентрироваться на чем-то еще, — развела руками Тай. — Я даже успела составить план закупок и новую шоу-программу.

— Была бы польза.

— Как ты их не ешь горстями, с твоим-то стрессом? — не унималась Тай. Рем смерил ее внимательным взглядом. Очень ему не нравилось, когда Тайнара донимала его вопросами.

— Делю таблетку на четыре части. Эффект есть. И экономить получается, и показатели трекера стабильные.

— Кстати об этом, — она перегнулась через стол, давая Рему шанс скользнуть взглядом в вырез. Уперлась одной рукой в столешницу, а второй дотянулась до ящика стола и вынула оттуда набитую трекерами коробку. — Новые чинуши попросили пофиксить, чтоб на картах не отображались перемещения по Нижнему городу.

— У меня выходной. И поминки.

— Окей, — коробка с лязгом грохнулась обратно в ящик, а сама Тай пристроила задницу на стол и свесила ноги. Коснулась носком туфли колена Рема. — А как насчет...?

— У меня выходной. И поминки, — повторил Рем, отодвигаясь назад. — К тому же Дез в зале. Это все равно, что трахаться в одной комнате с котом.

***

Бармен Луи встретил Рема горячим рукопожатием. Со словами: «Это все благодаря тебе», — показал на пьяную парочку, растекшуюся на дальнем краю стойки. Он смотрел на них так, словно они были венцом творения и истинным шедевром в области барменского искусства.

Дези сидела на высоком стуле и болтала ногами. Перед ней стояли несколько пустых рюмок, на лице играла глуповатая улыбка. Бодрый бит уже выбил из головы все невеселые мысли. Рем и Тайнара сели рядом с ней. Луи тут же выставил перед ними патронташ из рюмок. Рем протянул по одной девчонкам.

«Ну, помянем»

Горло обожгло смесью специй и спирта. Музыка стала глуше.

Тайнара тут же схватила вторую рюмку и отсалютовала Рему: «Ну, за тебя». Пришлось пить еще раз.

— Повезло тебе с братом, — со знанием дела Тайнара обратилась к Дези. — С ним не пропадешь.

Сестра кивнула, и из пухлого рта полился поток историй и воспоминаний. Плевать, что они виделись впервые. Болтали, как давние подруги, словно знакомы были всю жизнь. Рем до этого не разрешал Дези появляться в «Мамма Вриха», а работа в госпитале не оставляла ей шансов это сделать, и теперь сестра наверстывала упущенное.

Рем же переговаривался с Луи.

— Славная была женщина. Сердечная. Почти святая, — говорил бармен, болтая в пальцах рюмку с настойкой. — А ты знаешь, я мало о ком могу сказать такое.

— Просто никто больше не взялся бы твою дурную голову зашивать, — хмыкнул Рем.

— Тоже правда. Потому и святая.

Он плеснул еще. Пока никто не видел, сунул руку в банку с витаминками, которые гости оставляли «на чай». Деньги у них тоже были в ходу, но чтоб система не отслеживала транзакции и часы работы бара, после официального времени закрытия пользовались таблетками или наличкой. Такая вот экономика Нижнего города.

— Что теперь будешь делать? — Луи скривился, запивая таблетку.

— Работать, пока не сдохну.

— Ну, с этим проблем не будет, тебе немного осталось, — расхохотался бармен. — А если нужна будет подработка, к Тай тут обратились, нужно кое-какое барахло из Верхнего города притащить.

— Не мой профиль.

— Из Верхнего города? — тут же оживилась Дез. Рем тут же сжал кулаки и бросил испепеляющий взгляд на Луи, но тот, как всегда, все неправильно понял.

— Да, плевая работка. Встретиться с барахольщиком, забрать товар и принести. Да, Тай?

— Ага, — отозвалась управляющая и смерила Дези пристальным взглядом. — Ты, кстати, можешь и подойти. Мне как раз нужно новое лицо.

— А что стало со старым? — стиснул зубы Рем. Тай тоже отключила способность понимать намеки.

— Производственная травма, — ответила она будничным тоном. Рем усмехнулся.

— Так и скажи: полиция забила досмерти за незаконное проникновение и сопротивление.

Он бросил внимательный взгляд на Дез в надежде, что на нее подействуют такие подробности, но сестра уже загорелась идеей.

— Я много знаю про Верхний город. И отлично лажу с людьми, — потом перевела взгляд на брата. — Ты же хотел, чтобы у меня появилась работа.

— Исключено.

— Дай ей хотя бы попробовать, — вступилась за мелкую Тайнара.

— Нет, это опасно.

— Это все потому что я девушка? — надулась Дез.

— Потому что ты моя сестра.

— Это сексизм!

— О, господи.

— Вообще-то да, сексизм, — скрестила руки на груди Тай. Рем еле сдерживался, чтоб не схватиться за волосы, содрать себе скальп и прекратить свое существование на этой брешней земле.

— Почему вы называете сексизмом любую попытку выгородить ваши жопы? — скрежетнул он зубами. Выяснить что-то было поздно. Они уже спелись и синхронно ответили: «потому что это сексизм».

Луи сделал единственное, что было в его силах — поставил перед Ремом стопку в качестве моральной поддержки.

Глава 4. Суть дела

На следующий день Дези не вышла на подработку. Естественно, ее уволили, а она и не расстроилась. Даже наоборот, с гордостью сообщила Рему, что она теперь свободна и едет к Тайнаре в Фундо, чтобы взяться за дело. Рем скрежетал зубами и потел.

За эти сутки он уже несколько раз успел подумать, а не слишком ли он жестко контролирует сестру. В конце концов, если верить цифрам, она уже взрослая и может самостоятельно отвечать за себя. Но, решил он, будь у нее достаточно мозгов, необходимости в контроле вообще бы не было. Еще и Тайнара с какого-то перепугу взялась потакать ей, как будто ее как-то касались их семейные дела.

Стоило ему так подумать, как Тай ввалилась в кабинет и улыбнулась. Опять бледная и неспавшая. В тех же шмотках, что и вчера.

— Не хочешь устроить перерыв? — спросила она, привычным движением пристраивая задницу на рабочем столе.

— Нет.

Знал он эти ее перерывы. Она от них скакала, как в жопу ужаленная стрекоза, а он — ползал и засыпал, так что приходилось жрать таблетки.

— Когда вы с Дез успели обменяться контактами? — нахмурился он.

— Почти сразу, — пожала плечами управляющая. — Она у тебя хваткая девчонка, мне такие нужны.

— Ну так пройдишь по улице и нахватай парочку. Дез не впутывай.

— Я делаю это и ради тебя, — сказала она. Вот это были новости.

Рем даже отвлекся от ковыряния очередного трекера, владелец которого хотел скрыть свои походы к местным девкам. Механик сел поудобнее, всем своим видом демонстрируя, что Тай удалось завладеть его вниманием. Управляющая фыркнула и положила ладонь ему на предплечье, вынуждая вытянуть руку. Ткнула на экран его трекера, выводя статистику.

— Сколько ты спал за месяц?

— А сама не видишь?

— Скажи, — настаивала она. Рем закатил глаза.

— Двадцать часов. И что?

— То, — она отбросила его руку. — Если у Дез будет работа с нормальной оплатой, то вы оба сможете нормально жить. Спать хотя бы сорок часов в месяц. Это же фантастика. И ты знаешь, как у нас ведутся дела, ни одна система не подкопается. Тем более, Дезире нужно сменить обстановку, ты сам говорил, что...

— Ты ей в матери решила заделаться? — фыркнул Рем. Тайнара поджала губы, взмахнула средними пальцами и встала со стола. — Ну вот и все тогда.

Еще один трекер отправился в коробку с готовыми. Рем в уме посчитал, сколько он заработал, и получилось до отвратительного мало. Новых обновлений трекеров пока не выкатили, а сломанные им в прошлый раз системы работали так стабильно, что и доламывать было нечего. Так что заказов не было. К тому же надо было учитывать комиссию клуба. Рем бы и рад работать на себя, но клуб приводил к нему клиентов и отваживал копов. К тому же нужно было разобраться с долгами, в которые они влезли, чтобы похоронить Лиз.

Рем слышал истории о тех смельчаках, кто отпраплялся в вольное плавание и начинал

нормально зарабатывать. Система их вычисляла моментально, стоило им начать тратить больше соседей. Тут же приезжали безопасники и все конфисковали. Вот и приходилось корячиться в клубе за гроши, зато с какой-никакой стабильностью, а также едой и сексом за счет заведения. Он устроился получше многих.

Тайнара вернулась с двумя тарелками еды и осуждающим взглядом в качестве приправы. Бахнула тарелки на стол и протянула Рему ложку, как трубку мира. Механик кивнул. В эмалированной миске фасоловое пюре просачивалось в подложку из слипшегося риса. Если хорошенько покопаться, можно было найти куски мяса. Тай все-таки пустила в расход вековые мясные консервы.

— Я возьму отсыпной на следующей неделе, — сообщила Тайнара. Рем кивнул. — Могу и тебе дать, пока заказов мало. Кстати недавно ученые выяснили, что когда люди спят вместе то лучше высыпаются. Особенно, если спят голышом.

— Посмотрим. Вообще заманчиво, — он даже сподобился на улыбку. Для этого пришлось напомнить себе, что Тай в его проблемах не то, чтобы виновата.

— Тем более, если Дези выйдет на работу...

— Ну я так и знал.

Аппетит пропал. Желудок сжался в кулак и толкнулся в горло. Тай на секунду зависла, не зная, какой прием проверить: давить на жалость или воздействовать авторитетом. В результате подняла руки в знак перемирия.

— Хорошо, тогда давай поспорим.

— На что?

— Даже не «о чем»?

— Да ясное дело, что о Дез.

Тай улыбнулась, поправляя платье.

— Смотри, я не буду нанимать ее. Пока. Но сегодня отправлю ее наверх на испытание. Если она справится, я выиграла.

— И какой приз ты хочешь? — скрестил руки на груди Рем.

Она смерила его внимательным взглядом, делая вид, что раздумывает.

— На три отсыпных ты мой. Будем проверять, не наврали ли ученые.

— А если она не справится?

— За свои деньги вытащу ее из участка.

— Как-то щедро.

— Я дорожу своими людьми, — сказала она и улыбнулась. Вот в этот момент она показалась ему особенно красивой.

Пришлось все-таки устроить перерыв.

***

Тайнара сама попросила Дези приехать пораньше, чтобы провести инструктаж и объяснить суть дела. Стоило девчонке переступить порог клуба, Тай тут же взяла ее в оборот и принялась таскать за собой по всем гримерным для танцовщиц, выуживая из кучи блессток и ремней что-то в стиле Верхнего Лас-Риаса.

«Дельце-то небольшое. Нужно приехать в центр. От навигаторов и камер мы тебя спрячем. Сядешь в нужном баре, встретишь нашего барахольщика, заберешь товар. Если он что скажет — запомнишь и перескажешь. Ничего не записывай, не фотографируй и не включай трансляцию. О себе ничего не говори. С местными не разговаривай. Если к тебе обратились — пожала плечами и ушла в сторону».

И правда, чего сложного?

Наконец, она нашла пакет, вытасченный из самой фэшенебельной мусорки Верхнего города. Внутри оказался черный костюм из тонкой струящейся ткани. К нему Тай подобрала пару туфель почти в идеальном состоянии и бумажный пакет с бантиком и надписью «Parabens!». Аргументировала это тем, что подарки досматривают реже.

— А что в посылке-то? — не унималась Дез. Закончив с переодеваниями, Тай потащила ее к зеркалу и усадила на высокий стул.

— Меньше знаешь — крепче спишь, — сказала она и принялась смешивать крема и пигменты. Как только ей казалось, что получился нужный цвет, она тут же шлепала им на лицо Дези. — На самом деле ничего такого. Барахольщики просто выносят то, что не нужно Верхнему городу и что пригодится Нижнему. Семена, старую технику, один раз были трусея.

— Не думала, что на них есть спрос.

— Когда-нибудь наденешь и поймешь, — хмыкнула Тай. В ее сосредоточенном лице не было и тени игривости или дружелюбия. За пару минут она стала холодной и сосредоточенной Тайнарой, которая была способна поставить на место не только щеголей из Верхнего города, но и всех высокопоставленных покровителей клуба.

Дези же вознамерилась пробиться через эту ледяную маску.

— Как ты получила место здесь?

— Сама раньше шаталась по Верхнему городу. Это было до Теракта. Тогда пропускную систему еще не ввели.

— Тоже носила барахло?

— Ну почему же, — гордо улыбнулась Тай. — Я всяким успела позаниматься. Танцевала в клубах, потом развлекала влиятельных ученых и не только. А потом после взрыва попасть в город стало сложнее, и я решила осесть здесь. Да и политика их мне не нравится. Они слишком следят за здоровьем. Курить им вообще нельзя и не дай бог сожрешь сахар. Тебя сразу потащат в больничку на детокс.

— Ой, — скривилась Дез.

— Об этом в стримах не рассказывают? — ухмыльнулась Тайнара и положила руки ей на плечи. — Теперь сиди прямо.

Кисти сменились на расчески. Тай разделила облако кудрей на несколько зон и принялась плести тонкие косы. Потом из еще одного мешка она достала несколько покоцанных хвостов и принялась нитками пришивать их к косам, как на каркас. Дези во все глаза следила за своим перевоплощением.

— Ты классная, — сказала Дезире, через отражение обращаясь к Тайнаре. Управляющая благодарно кивнула.

— Я знаю.

— И чего тогда время на Рема тратишь?

— Потому что могу.

Дези фыркнула, довольная ответом. Тайнара закончила колдовать над прической, а через несколько минут появился и Рем с новеньким трекером.

— Свой оставишь тут, а этот будешь использовать для работы, — сказал он и нацепил второй браслет ей на руку. — Если его будут пытаться отсканировать — не паникуй.

— Поняла.

Рем смерил ее тяжелым взглядом и покачал головой. Тайнара снова принялась трясти

своей таблетницей. Вдруг управляющая сказала:

— Кстати, витаминки оставляй здесь.

Дези достала плотный тканевый мешочек и отдала было ей, но в последний момент передумала и протянул заначку брату. Рем кивнул и спрятал мешок в карман.

— Витаминки только для бедных, — пропела Тайнара и все-таки открыла таблетницу.

— Ты еще можешь отказаться, — напомнил Рем. Дези в ответ только высунула язык. Весь в белом налете от таблетки. Рем перевел взгляд на волосы, которые Тайнара пришила к голове сестры.

— А если их с трупа срезали? Или с псины?

— Значит, даже у псины волосы получше твоих будут. И вообще заткнись.

***

К вечеру она была абсолютно готова. По крайней мере, так говорила Тай. Дез быстро наловчилась ходить в туфлях, держать пакет так, словно в нем действительно подарок, но главное — делать «сучье лицо». Ей это удавалось так, что несколько ранних гостей сразу приняли ее за фифу из Верхнего города. Дези была довольна, но Тай посоветовала не расслабляться.

Когда по горизонту разлился закат, их троица вышла через служебный вход и прошла по пыльной улице к толстой бетонной стене Верхнего города. Преграда уходила на четыре метра вверх, а дальше начинался толстенный стеклянный купол, подпиравший небо. Сам Рем не любил оказываться под этой стеклянной шапкой.

Под завалом мусора находилась старая вентиляционная шахта. За щедрые жертвоприношения из обеих частей города, ее не заделывали, не проверяли и не охраняли. Рем отодвинул тяжелую решетку. Из шахты повеяло сыростью и холодом.

— И главное, — предостерегла ее Тай, — не пялься по сторонам.

— Я справлюсь, — махнула рукой Дези и нырнула в темноту.

— Чует моя жопа... — только и протянул Рем.

— Не нагнетай, — закатила глаза Тайнара. Рем перехватил ее руку и притянул девушку к себе. Замер, наблюдая, как в темноте растворился последний отсвет трекера Дезире.

— Такой вопрос. У тебя нигде мужских шмоток не припрятано?

Тайнара рассмеялась, потом махнула рукой: «Дадим ей немного форы. Но вообще-то это мухлеж».

Глава 5. Неспящий город

Дези вынырнула из шахты прямо в заросли чего-то зеленого, колкого и ужасно свежего. Оно было повсюду, так что на секунду девушка даже почувствовала легкую панику. А еще было очень светло. Все вокруг пронзал ровный белый свет, без каких-либо переливов закатного красного. И воздух был влажный, мягкий, он насыщал легкие, а не раздирал нос и горло жаркой сухостью с примесью запахов человеческой деятельности. Куда ни поверни голову — повсюду были кустарники и деревья. Такое количество растений Дез видела только на плантациях — там они росли ровными рядами и между ними было достаточно места, чтобы видеть всех сборщиков, не кладет ли кто-то себе в карман яблоко или горсть гороховых стручков. Тут же заросли были такими плотными, что надежно скрывали Дез. Она все равно пригнулась и начала медленно пробираться по протоптанной дорожке.

То и дело Дези приподнимала голову и раздвигала гибкие ветви, чтобы осмотреться. Вокруг, не сколько хватало взгляда, простирались зеленые заросли. Она ожидала увидеть высотки и многоэтажки из стекла и металла, как в стримах, но вместо этого повсюду были деревья, кустарники и лианы. А воздух дрожал от рокота, как будто кто-то открыл гигантский кран с водой. Еще тихо играла музыка. Девушка напрягала слух, надеясь услышать человеческую речь, но был только шум. Так что ее единственным ориентиром была почти незаметная тропинка. Она встряхнула трекер: на экране высветилась карта с обозначенным пунктиром маршрутом. Дези вздохнула и продолжила путь.

Так она шла с четверть часа. По дороге она заметила, что музыка становится все отчетливее, а купол уходит вверх так высоко, что вскоре она перестала его замечать, ощущать его давление на плечи. Тропинка оборвалась у сплошной зеленой стены — на тонких нитях болтался плющ, плотно переплетаясь стеблями. Девушка аккуратно коснулась растения, палец немного зацепало, кожа покраснела. Дези поджала губы и заозиралась по сторонам. В этот момент музыка прекратилась, раздался мелодичный перезвон и приятный женский голос эхом разнесся по всему Верхнему городу: «Восемь часов. Переход на вечернее освещение». В одну секунду весь теплый желтый свет исчез. Дези тут же все поняла, накинула на голову капюшон, спрятала руки в рукава и принялась пробираться сквозь плющ. Три бесконечно долгих секунды — и она была на другой стороне, на посыпанной песком дорожке, где стояли неподвижно, как статуи, люди, в кромешной темноте ожидавшие включения света.

С тихим щелчком зажглись тусклые желтоватые лампы. Силуэты ожили, зашевелились. С этой стороны живой ограды показались первые домики — небольшие постройки, как жилые дома в Нижнем городе, только поновее. Не из дешевого гипсокартона, а из плотного стекла. За толстыми стенами все еще сидели люди, что-то изучали на больших мониторах. А дальше, если присмотреться, можно было заметить те самые высотки. Издали они казались стеклянными осколками, натканными в кучу мха. И они, как и все тут, были покрыты зеленью: лианы свисали с балконов и подоконников, на крышах росли целые леса.

Дези поправила одежду и, еще раз сверившись с трекером, направилась вслед за толпой. Поток людей неторопливо тек по песчаной дорожке к остановке трамвая. Там, у стеклянного козырька с подсветкой, собралась длинная очередь. Люди не толпились, как в Нижнем городе, а вставали в линию на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Несколько человек оглядели эту длинную очередь и пошли дальше. Дези осталась.

Вскоре подъехал пустой трамвай. Часть очереди заползла внутрь, люди расселись. Как только сидячие места оказались все заняты, трамвай с тихим шипением закрыл двери и покатил дальше. Дези еле удержалась, чтоб не вскинуть бровь — в Нижнем все бы попытались штурмовать трамвай одновременно, заняли бы все доступное пространство, хоть бы для этого пришлось сесть к кому-нибудь на коленки. А вы думаете, откуда в Нижнем городе такая бешеная рождаемость?

Дези удалось сесть только в третий трамвай. Когда двери закрылись и махина покатила вверх, в гору, девушку снова охватила тревога. Рука потянулась к карману, чтобы привычным движением смять мешочек с таблетками. Вспомнив, что она оставила его Рему, девушка чуть не застонала. Ей казалось, что здесь, в коконе обшивки, она как на ладони. Достаточно одному из пассажиров задержать на ней взгляд, как все тут же поймут, что она самозванка. Но пассажирам было все равно. Они смотрели трансляцию в своих трекерах, слушали музыку в наушниках, читали электронные книги. Те люди, кто намеренно сел вместе, вполголоса переговаривались, обсуждая влажность воздуха и недостаточно плавный переход между режимами освещения. Дези выдохнула и привалилась лбом к окну.

Мимо проплывали выглядывавшие из зарослей дома. С каждым витком дороги они становились все выше, а огибавшие их пешеходные маршруты — все шире. Вскоре они приблизились к плотно застроенным районам. Тут на земле почти не было места даже для одинокого деревца, поэтому зелень выращивали прямо на зданиях. От этого даже человек не казался таким уж безжизненным.

Один раз они проехали настоящий мост. Нет, Дези и до этого видела настоящие мосты, их полно в Нижнем городе. Они достались их труппам в наследство от портового прошлого. Но здесь под мостом текла вода. Настоящая. Она была мощным потоком из недр горы, брызги зависали в воздухе, когда плотные струи разбивались о камни. Свет пугался в этих невесомых каплях и застывал, как светящееся облако. У Дези аж руки зачесались снять это, сохранить в своем облаке, а потом показывать Рему или просто пересматривать в одиночестве. Это было просто удивительно.

Ей казалось, что красивее она уже ничего не увидит и не заметит. Но вот, рельсы сделали еще один поворот, и показалась самая известная часть Верхнего города, фото которой можно было найти в сети: высотки, стоявшие бок о бок чинной толпой, освещенные круглыми желтоватыми сферами улицы, фонтаны, кафе.

Трамвай остановился на центральной улице, по обе стороны стиснутой высотными зданиями. В стеклянных окнах-стенах горели огни, позволяя заглянуть внутрь. Там люди, как в аквариуме, занимались своими делами: кто-то ужинал за длинным столом, кто-то танцевал, а одна женщина корчилась на полу в странных позах, то и дело поднимая к потолку преисполненное благодати лицо. Если бы эти люди посмотрели вниз, они бы увидели, как трамвай высадил своих пассажиров, и те неторопливо рассредоточились по улочке, занимая места в многочисленных ресторанах и кафе, тянувшихся, казалось, до самого горизонта. Дези на секунду замялась, чтобы осмотреться. Люди вокруг нее сбивались в группки и пары, обменивались короткими поцелуями в обе щеки или рукопожатиями, просачивались в заведения, занимали места, предъявляли трекары официантам и барменам, после чего получали возможность заказать еду и напитки.

Дезире двинулась дальше по улице, пока не добралась до небольшого заведения. На вывеске витиеватым шрифтом было написано «Old Fashioned», сквозь стеклянные, как и везде, окна-стены была видна массивная мебель из дерева, глубокие тяжелые кресла,

тяжеловесные столы, а люстры свисали, как гигантские гроздья бананов из цветного стекла. Внутри сидели всего несколько человек, все старые, как волшебники из фильмов. Дезире в жизни не видела таких старых людей.

Один из них, мужчина в шелковом костюме с пятнистым принтом, поднял голову и жестом пригласил войти. Дези сверилась с трекером — она оказалась у дверей бара вовремя, минута в минуту. Человек в костюме встал со своего места и двинулся ей навстречу. Абсолютно белые волосы он стянул в низкий хвост на затылке, видимо в попытках убавить количество морщин на лице. Как и большинство людей здесь, он был бледноват. Хотя, по меркам Нижнего города, здесь даже те, кто родился со смуглой и темной кожей, были бледными. Но несмотря на то, что внешне он дышал на ладан, двигался старичок шустро, и глаза у него были что надо. Он окинул Дези быстрым взглядом и тут же приблизился, чтобы звонко чмокнуть ее в обе щеки. Дезире только успела сложить губы свистком, а он уже отстранился и повел ее к столику.

— Ты очень-очень вовремя. Тай молодчинка, порадовала старика, так ей и передай, — проворковал он и взмахом руки предложил Дезире занять место в обитом скрипучей кожей кресле. Дези благоговейно коснулась обивки. Мужчина торопливо цокнул языком, и девушка тут же бухнулась в кресло, не желая испытывать его терпение.

— Понятливая актрисулька, молодец, — хохотнул он и уселся напротив. Барахольщик сложил руки «полочкой» и водрузил на них подбородок. — Ну, рассказывай.

К такому повороту ее Тайнара не готовила. Дези облизнула губы и осторожно, будто танцуя по минному полю, произнесла:

— Нынешний протокол перехода на ночное освещение... работает чересчур резко, не находите? — каждое слово упиралось, спотыкалось о язык и зубы, и наружу вылетало нервным, покоцанным. Дези едва сдерживалась, чтобы не ущипнуть себя. Но старик оказался доволен.

— А я давно предлагаю написать петицию.

— Хорошая идея, — она даже не знала, что это такое. Старик довольно откинулся назад и усмехнулся.

— Наконец наша мамочка нашла кого-то стоящего. Я — Гато. Надеюсь, это не последняя наша встреча.

На удивление, у него на месте были все зубы. Даже в тусклом свете они блестели, как отполированные.

— Я тоже, — ответила Дези. Гато улыбнулся еще шире и достал из сумки, стоявшей рядом с его креслом, увесистую коробку, обернутую тонкой бумагой.

Дези коротко поблагодарила и протянула руки, но Гато шлепнул ее по тыльной стороне ладони и снова поцокал языком.

— Не так быстро, юная леди. Позвольте сначала угостить Вас, — ухмыльнулся он. — О, не пугайтесь, это заведение несколько старомодно, так что тут показатели здоровья не спросят.

Он ткнул по столешнице. На поверхности полированного дерева засветилось меню. Дези неловко опустила глаза.

— Нехорошо уходить так быстро. Это будет выглядеть подозрительно, — объяснил барахольщик.

Дези остановила выбор на воде со льдом. Гато взял напиток, называвшийся также, как заведение. через секунду появился официант и поставил заказ на стол. Гато коснулся его

руки — запищал трекер, подтверждая транзакцию. Официант благодарно кивнул и ушел в другой конец зала.

— Отличный выбор, моя дорогая. Но предупреждаю, после этого вода из бутылок будет казаться помоями.

— Верю, — кивнула девушка и сделала первый глоток. Брови удивленно поползли вверх. У воды действительно не было никакого привкуса. Вообще никакого: она не горчила, не была сладковатой, не отдавала тухляком. И все же вкусовые рецепторы пришли в такой восторг, что она чуть не застонала. Гато прыснул со смеху.

— Хорошо?

— Очень.

— Бывала в нашем захолустье раньше?

— Захолустье?

Гато махнул рукой, указывая на город за стеклянной стеной, толпу людей, текшую мимо ресторанов и кафе.

— А как это иначе назвать? Лас-Риас всегда был той еще задницей, и сколько бы ученых сюда ни свезли, сколько бы денег ни влили — это не изменит то, чем он является на самом деле. Генетическая память, скажем так.

— Мне кажется, тут довольно красиво.

— Красота не мешает цветущему дереву гнить изнутри, — изрек мужчина и сделал еще глоток из низкого стакана. Идеально круглый ледяной шар звонко стукнулся о толстую стеклянную стенку. — Кстати, дорогуша, узнай, не нужны ли Тай раритеты. Через неделю будет караван со всяким хламом: холодильники, телефоны, игрушки. Так и передай.

Дези кивнула. Лед в ее стакане медленно таял, и она старалась пить по чуть-чуть. Ей даже удалось немного расслабиться, когда она поняла, что половина дела сделана. Осталось только добраться вниз, снова продраться через заросли. Словно прочитав ее мысли, мужчина взглянул на время на трекере.

— Если выйдешь сейчас, то поедешь вниз на старом трамвайчике. Там нет камер.

Дези кивнула, забрала посылку, еще раз поблагодарила Гато. Старик снова приподнялся и с самой благодушной улыбкой потянулся, чтобы снова поцеловать ее. Тут уж Дези была готова и подставила щеку. Сухие тонкие губы едва мазнули по коже, и в самое ухо старик шепнул: «Передай Тайнаре, что близится сезон дождей».

***

Обратно она ехала расслабленная, даже немного сонная. Действие таблетки прошло, а может, дело было и в отпустившей ее тревоге. Дези привалилась головой к окну и баюкала на коленях пакет с посылкой. На губах играла улыбка. Уезжать из освещенного центра было тяжело. Неисчерпанное любопытство требовало остаться еще хотя бы на пять минут, но Дезире пообещала себе, что сделает так в следующий раз. А сейчас нужно, чтоб Тайнара была довольна.

Трамвай остановился у подножья Верхнего города. Дези вышла на дорожку вместе с еще несколькими людьми. Они, тихо переговариваясь, побрели в сторону подсвеченных стеклянных домиков. Дези отошла немного в сторону, дожидаясь, когда они уйдут достаточно далеко. Глазами нашла нужную ей живую изгородь. Фонарь рядом с ней натужно мигал. Вдруг поодаль она заметила еще огни. Далеко впереди из крон выглядывало еще одно многоэтажное здание. Ни одно окно в нем не светило, а если присмотреться, можно было

заметить, что в них и стекловато не было. Только скелет из перекрытий, без пола и стен. Несколько мощных прожекторов освещали громаду, возвышавшуюся над деревьями, словно призрак.

Дези прикинула, что в этом здании, при желании, можно было бы расселить целый район Нижнего города. Она попыталась представить их соседей-оборванцев живущими в таком здании. Детей-голодранцев, паренька Сэми, который не спал уже полгода, хоть и сидел без работы, Лулу, которая только и делала, что прыгала с одного мужика на другого. Нет, местная благородная публика с пробежками и тренажерами вряд ли бы оценила такое соседство. Но может...? Она усмехнулась своим мыслям.

— Согласен, — раздался мягкий, вкрадчивый голос. Дези обернулась. В нескольких шагах от нее стоял молодой человек в дорогом костюме (а у кого здесь они дешевые?). Кожа у него была настолько светлая, что, кажется, просвечивала. Темные волосы мягкими завитками ниспадали на плечи, а взгляд голубых глаз был сосредоточен на Дезире. Незнакомец был похож на типичного парня из любовных драм старых времен.

Дези не сразу поняла, что пялится. Она опустила взгляд, кивнула, хмыкнула и сделала полтора шага в сторону. Но молодой человек повторил ее движение.

— Простите, я не хотел Вас напугать. Я часто прихожу сюда подумать. Меня зовут Гектор Рива, — он протянул руку для рукопожатия и улыбнулся так, словно его фамилия имела значение. Дези на всякий случай улыбнулась и кивнула.

— Рада знакомству, — кивнула Дези. Еще шаг в сторону. Еще полшага вдогонку. Гектор словно не замечал ее напряженности. Он махнул в сторону здания и с легкомысленной улыбкой сказал:

— Снести бы эту штуку, правда? Столько места занимает.

— Неужели ее не хотят достроить? — хмыкнула Дези, пытаясь поддерживать беседу с постной миной истинной жительницы Верхнего города. Слова вылетели сами. Дези была уверена, что только что выдала себя с головой, но Гектор словно и не слышал ее.

— А давайте я Вас провожу? Вы же где-то здесь живете?

— Нет, спасибо, — она уже откровенно пялилась. — Мне тут недалеко, я и сама дойду.

— Я тоже живу тут рядом. Получается, соседи? — еще одна ослепительная белозубая улыбка. — Будем в гости друг к другу ходить, мисс...

Он положил руку ей на плечо, слегка приобнял. Нос девушки защекотал запах одеколона. Мысли заметались бесконтрольным роем мошек. Прикосновение Гектора Ривы было легкое, невесомое, но Дези в этот момент казалось, что ее связали и бросили в измельчитель. И она сделала первое, что пришло ей в голову.

Она закричала: «Насилуют!», а потом перешла на пронзительный, прерывистый визг. Гектор тут же отшатнулся, отступил на полшага, поднял руки в миролюбивом жесте: «Мисс, мисс, ну что Вы». А еще через мгновение он оказался сбит с ног и чиркнул симпатичным лицом по песчаной дорожке. Сверху на него обрушился рослый мужчина в полосатом костюме, в пиджаке на голое тело. Он придавил Гектора к земле, уперся коленом ему в плечо, лишая возможности пошевелиться. Повернул голову, и Дези чуть не вскрикнула от радости, наткнувшись на испепеляющий взгляд голубых глаз брата.

Рем предупреждающе поджал губы и кивнул Дези в сторону живой ограды.

— Сэр, это недоразумение, — запричитал Рива. — Я не хотел ничего такого, сэр, я...

— А чего ты хотел? — не без удовольствия, Рем надавил сильнее. — Чего ты хотел?

— Я просто собирался проводить юную мисс, я... Я простой архитектор, я ничего

такого... сам недавно переехал, можете спросить мою арендодательницу, она подтвердит, у меня положительный рейтинг.

Дези дождалась, когда фонарь мигнет еще раз и под покровом темноты нырнула в заросли плюща. Тут-то Рем и отпустил бедолагу. Помог ему встать, отряхнуться.

— Не мне тебе рассказывать, что бывает за домогательства, — только и сказал он, хлопнул Гектора по плечу и круто развернулся на каблуках.

— Вы не станете дожидаться копов? — проямлил весь бледный Рива.

— Тебе надо — ты и жди. Бывай, — махнул рукой Рем.

Он сделал еще пару кругов по парку, пока не нашел запасную тропинку, и через нее вернулся в Нижний город. Если бы кто-то знал, как сильно он не любил выбираться в Верхний... И как ему сдавливали ноги подобранные Тайнарой туфли.

***

— Рива, говоришь? — хмыкнула управляющая, выслушав отчет Дезире. В целом Тайнара была довольна работой девушки и, вопреки всем протестам Рема, пообещала ей с завтрашнего дня зачислить Дези на работу. В системе она будет отмечена как «работа с поставками». Оплата в пределах минимальной, все бонусы — вчерную, либо продуктами.

— Кто-то из старых знакомых? — съязвил Рем.

— Фамилия как будто была на слуху, — кивнула Тай и забила ее в поисковике. Она издала короткий смешок и шлепнула себя по лбу. — Как я могла забыть. Это архитектор, который создал тот долгострой, из-за которого начались проблемы.

Рем понятливо кивнул. Дези замотала головой, не понимая о чем речь.

— Это вот та развалина, которую они подсвечивают?

— Ага. Лет пятнадцать назад мистер Г. Рива спроектировал «дом всех». Предполагалось, что там, в качестве эксперимента, расселят часть жителей Нижнего города, дадут доступ к воде и обучению. Не всем это нравилось, и в результате произошел теракт. Во всем обвинили Нижний город, мол, не смогли договориться, кто первым переедет. И после этого выходцам из Нижнего нельзя находиться в Верхнем. Вот такие дела. Ты еще мелкая была, не помнишь, — объяснила Тай. — Кстати, сам Рива погиб в том взрыве.

Она развернула экран к Дезире. Во всю ширину была развернута фотография смуглого черноволосого мужчины в белой каске, такой же белой, как его зубы.

— Может, это был его сын? — пожалала плечами Дези.

— Это не имеет значения, — отмахнулась Тайнара. — У нас все хорошо прикрыто, нет никого, кому не была бы выгодна наша работа. Но на время поменяем твои маршруты. Рем!

— Что? — молодой человек делал вид, что его вообще нет в этом кабинете, а сам блаженно разминал онемевшие от остроносых туфель ноги.

— Завтра загрузишь Дези новые маршруты. И еще, напомни, я давала тебе команду раздеваться?

— А костюмчик и правда хорош, — хихикнула Дезире.

Рем еще никогда не чувствовал себя настолько окруженным.

— Кстати, а что значит «сезон дождей»? — вдруг спросила девушка. Тайнара улыbnулась одним уголком рта.

— Вроде шторма. Когда внешние обстоятельства хреначат со всех сторон, и тебе остается только держаться изо всех сил, чтоб потом отряхнуться и пойти дальше.

Рем поджал губы и фыркнул, мол, и на том спасибо. Хоть тут Тайнара проявила

осмотрительность.

Глава 6. Обещание

Дези получила работу, а Рем, как и обещал, притащил свою задницу домой к Тайнаре. Признаться честно, он был даже рад на время выскочить из судорожных метаний между домом и работой. Он старался не думать о том, что три дня без работы встанут ему в кругленькую сумму, но, с другой стороны, теперь что-то начала зарабатывать Дези. Тайнара утверждала, что Рему будет полезно попробовать отпустить контроль. Рем же придерживался мнения, что где-то под городом есть склад мусорной литературы по личностному росту, и женщины ходили туда, как в церковь, преисполняться мудрости.

Дези была готова сослать брата хоть на целую неделю, чтоб вырваться из-под его опеки. Рем сказал: «Не дождешься» и уехал в Фундо.

Тай жила недалеко от клуба. Несмотря на их отношения, выходившие за рамки трудовых, Рем ни разу не был у нее в гостях. В Нижнем городе это было как-то не принято. Дом был просто местом, где ты падаешь и спишь пару часов. Если повезет — ешь, а в основном хранишь свое барахло и нервные срывы. Для всего остального были улицы, бары и клубы. Там ты показывал себя с лучшей стороны, общался с друзьями или заводил их. Когда ты живешь в реальности, где твои знакомые к тридцати годам умирают от истощения, то дом — это последнее место, куда ты пригласишь друга. Так что в Нижнем городе все завязывали отношения и трахались, как подростки: украдкой, быстро и если повезет. Рождаемость, несмотря на их условия жизни, была бешеной. Так что Верхний город ввел систему интернатов. Младенцев туда забирали сразу после рождения, отправляли под отдельный купол и там растили. Тех, кто был поумнее, пристраивали в Верхний город, остальных отправляли обратно в Нижний, расселяли по пустым домам. Были, конечно, редкие семьи, которые не расставались с детьми, так что иногда можно было увидеть на плантации новоиспеченных матерей с младенцами на перевязи. Такие дети долго не жили.

Жилище Тай располагалось в доме из нескольких водруженных друг на друга корабельных контейнеров. Поднимись по шаткой лестнице — и окажешься в комнатке с душем и кухней, как у всех. Вот только у Тай, в отличии от большинства соседей, еще была настоящая мебель. Высокий стол со стульями, холодильник и кровать. Настоящая, с ножками и пушистыми подушками. Она была, конечно, узковата и поместиться на ней вдвоем было сложно. Но они справились. Переплелись ногами и руками, Тай положила голову ему на плечо и тихонько теребила его дреды, словно никогда раньше подобной прически не встречала. Нос щекотал ее запах: если смыть с Тайнары все парфюмы и пот бессонных суток, то оставался запах мыла и приторный тонкий аромат «витаминок». Она пропиталась им насквозь.

Рем старался лежать неподвижно и не мешать ей. С момента, как он пересек порог, они почти не разговаривали, и теперь молчание достигло своего пика. Сквозь тонкие, но прочные стены до них доносилось уханье музыки в клубе, свист толпы, разговоры на улице. И все-таки тишина становилась такой вязкой и неудобной, что Рем чувствовал себя в ней особенно голым.

— Чем ты занимаешься, когда не работаешь? — вдруг спросила Тай.

— Я всегда работаю, — хмыкнул Рем. — Либо сплю. Пару раз в неделю.

— Я тоже. Раньше еще были встречи с друзьями, но они теперь тоже все работают. Либо удобряют почву, — шмыгнула носом Тайнара. Рем понимающе кивнул.

Это обычная история, когда какой-нибудь умник, наевшись витаминок, забывал о том, что такое спать, и умирал от истощения. Либо получал какую-нибудь дурацкую травму и опять умирал. Либо заводил семью и, пытаясь содержать ее, брал на себя больше работы, объедался таблетками до кровавой рвоты и, снова, умирал. Для таких был даже специальный реабилитационный изолятор, созданный Фелиз. Оттуда никто не возвращался. Была какая-то точка, после которой организм самоуничтожался, но никто так и не выяснил, где она находится и в чем дело.

Тайнара зашевелилась, вырывая его из раздумий. Она села на кровати, нагнулась, подставляя тусклому свету ламп бледную спину с выпирающим гребнем позвонков. Подняла с пола какую-то тряпку и натянула на себя.

— Это моя футболка, — заметил Рем. Тайнара только улыбнулась.

— Здесь она тебе не понадобится.

Рем откинулся на спину и вперил взгляд в потолок. Потом потянулся во все стороны, пытаясь понять, куда делась копившаяся в его теле усталость. Она никуда не исчезла, кажется, ее стало так много, что места для сна не осталось.

— И что дальше? — спросил он. — В таком темпе три дня?

— Ну, поспать тоже нужно будет. А то смотри, — она вытянула руки. От локтей до кончиков пальцев они тряслись так, словно Тайнару били током.

— Жестко.

— А чего ожидать? Мне почти тридцать. Считай, вся жизнь за плечами.

Она легкомысленно улыбнулась, хлопнула себя по острым коленям и одним суматошным движением поднялась. Взглянула на него поверх плеча.

— Ты расслабься. Не хотела грузить. Да и не за этим я тебя пригласила, если честно. И не только за сексом, хотя так сразу и не скажешь. Просто, ты показался мне хорошим человеком. Славным.

Рем напрягся. Сел, всмотрелся в ее лицо, словно в словах Тайнары был скрытый смысл и, если смотреть на нее достаточно долго, то истинное значение проступит на лбу или впалых щеках.

— Так обычно про покойников говорят, — сухо заметил он. Желание спать пропало окончательно, Рем поднялся и принялся втискиваться в шмотки. Тай тут же подорвалась, щеки и шея покрылись пунцовыми нервными пятнами.

— Извини, извини, ты прав. Хрень сболтнула. Как насчет поесть? Ты хочешь есть? У меня есть немного еды. Еще можем фильм посмотреть, из старых. Правда, надо будет делать это по защищенному каналу, а то система решит, что мы нихрена не работаем, раз у нас есть время фильмы смотреть. Вот, я недавно смотрела фрагмент фильма, очень интересный...

Рем сидел неподвижно, а она ураганом носилась по комнате, собирая разбросанное повсюду барахло и сваливая его в ящики. Молодой человек наблюдал за ее рваными нервными движениями, и все это казалось слишком уж знакомым. Под его пристальным взглядом Тайнара, наконец, добралась до холодильника и распахнула плотно прилегавшую дверь. Повеяло холодом, неподвижный воздух наполнился звоном бутылок, стоявших в кармане дверцы плотным рядом. На полке выше теснились доверху набитые банки с таблетками. Рем присвистнул.

— Запасаясь?

Тайнара смущенно покраснела.

— Это со старых времен. Когда я еще в Верхнем городе подрабатывала. Хочешь? — она

достала с полки банку витаминок и открыла крышку. Высыпала на ладонь целую горсть.

Рем помотал головой.

— У тебя вроде отсыпной. Если сожрешь это сейчас, то не уснешь еще месяц.

Девушка только неопределенно пожалала плечами и принялась ссыпать таблетки обратно, одну за другой, провожая каждую тоскливым взглядом.

— До чего ж они бесполезные на самом-то деле, — ухмыльнулась она. Чем меньше таблеток оставалось, тем медленнее двигалась ее рука. — Хотя иногда я думаю о том, чтоб наесться их и закатить вечеринку, как на день рождения. Пить, танцевать, пока сердце или мозг не откажет.

— Тай, — Рем напрягся, но сниматься с места не спешил. Он смял простыни и поморщился, слова Тайнары ощущались так, словно ему в уши ткнули слюнявыми пальцами.

Тай замерла с парой таблеток на ладони и уставилась на Рема с глуповатой улыбкой на губах.

— Ты, кстати, в курсе, что люди умирают не потому, что таблетки воздействуют на организм, а потому что сами не могут остановиться? Им не хватает времени в сутках, и они начинают жрать их горстями, и...

— Я в курсе. Положи, — произнес он, стараясь сохранять спокойствие в голосе.

Тай ссыпала оставшиеся белые кругляши в банку и завинтила крышку. Опустила взгляд, а в следующую секунду снова подняла глаза на Рема. Они горели лихорадочным блеском. Губы нервно подергивались в попытке имитировать улыбку.

— Слушай, извини. Я не хочу тебя пугать. Вообще я нормальная, просто вся эта работа и клуб немного заставляют съехать с катушек. Но ты не обращай внимание, это просто усталость. Я... Я не обижусь, если ты уйдешь, просто...

— Все нормально, — проговорил он и аккуратно поднялся с кровати. Тай непроизвольно сжала руку на банке, словно держала не таблетки, а гранату с сорванной чекой. — Давай поужинаем, фильм посмотрим...

— Я все испортила, да? — она привалилась спиной к холодильнику, запустила руку в волосы. Каким-то образом это вернуло ей крупицы самообладания. — Слушай, давай вот что. Проясним все сразу. Тебе вообще есть до меня дело?

Рем остановился на полпути и удивленно взглянул на Тай, пытаясь найти подсказку, подобрать правильные слова. И чем дольше он медлил, тем сильнее становилась ее нервозность. Глаза горели. Дрожь в руках усилилась. Ее образ перед глазами Рема распался на десятки лиц, знакомых и не очень. Десятки людей, с которыми ему пришлось попрощаться, потому что никто вовремя не скрутил этих идиотов, не пристегнул их к кровати и не заставил отсыпаться, потому что каждому нужно было пахать, как сволочь, чтобы что-то есть. Друзья, знакомые, соседи, пациенты Лиз. Они пронеслись перед глазами нестройным хороводом, натягивая нервы до предела.

«Почему вы всегда ищите виноватых вокруг себя?» — хотел сказать он, но сдержался.

— Тай...

— Ради всего святого, забудь, — она снова всплеснула руками, вытерла подступившие к глазам слезы. — Это все усталость. Я становлюсь сама не своя. Мысли скачут, и я...

— Я знаю, — кивнул Рем и подошел к ней. Разжал ей пальцы, отставил банку с таблетками в сторону и как-то неуклюже обнял ее. Тай тут же обмякла, повисла на нем, уронила голову на костлявое плечо.

— Прости. Я ужасно устала.

— Верю, — сказал он и положил руку ей на затылок. — Я рядом.

— Спасибо, — всхлипнула она. — Только никому не слова.

— Все мы страдаем такой херней за закрытыми дверями.

— Я иногда так устаю, что у меня нет сил жить и дышать. Так не хочется. Я не знаю, зачем я продолжаю это делать.

— Тебе нужно поспать, — повторил он. И, словно по команде, Тай отключилась прямо у него на плече.

Рем подхватил ее и отнес обратно на кровать, укрыл тонким одеялом. Потом убрал банку обратно в холодильник, от греха подальше. Пошерстил по полкам, нашел несколько банок с тушенкой пятидесятилетней давности, вывалил их в глубокую миску, засыпал макаронами и приготовил немудреный ужин. Потом и сам улегся спать.

Они проспали почти целые сутки, и на следующий день проснулись разбитыми, словно пили всю ночь. Но что-то изменилось. Мысли перестали скакать, и им удалось говорить связно. Пожалуй, за эти выходные они обменялись большим количеством слов, чем за все время с момента знакомства. Тай оказалось хоть и с прибабахом, а довольно приятным собеседником. Шебутная, конечно, и все время на связи, но... Рем бы даже рискнул назвать ее хорошей. Если бы только не ее уверенность, что она скоро умрет.

— Может, ученые и правы, и такие совместные ночевки действительно продлевают жизнь, — сказала она на третий день.

— Хрен его знает, — пожал плечами Рем и все же предложил. — Хочешь проверить?

Она согласилась.

Глава 7. Месяц спустя

Сколько бы Рем не надеялся, что в один прекрасный день Дези скажет: «нахрен это всё», ничего подобного не происходило. Даже наоборот, сестра бралась за любую работу в Верхнем городе, а её было немало. Ее энтузиазм не угасал, и единственное, что менялось в их непростой и суматошной жизни — это времена года и количество денег. Ну и настроение Тай, каким-то образом тесно втершейся в их круг общения. Дези не возражала против того, что Тайнара периодически появлялась у них дома, а Рем порой уезжал к ней на целую неделю.

Ее, на самом-то деле, вообще перестала интересовать жизнь в Нижнем городе. Ее пленил Верхний Лас-Риас. Если Дези не занималась перевозкой барахла или передачей заказов, она исследовала город. Девушка находила новые маршруты, на которых было меньше камер, изучала людей, сидела в кафе и осматривалась. Официантам говорила, что ждет друга, и те понимающе оставляли ее в покое. Конечно, никаких друзей у нее не было, но в некотором роде эти посиделки на террасах и верандах напоминали свидания. Только ее партнером был не человек, а город.

По сути, Дези делала то, что до нее даже не пытался сделать никто из подручных Тай. Она раскрыла глаза и уши, забыла все, что говорили о Верхнем городе внизу, и начала изучать его заново. Так, например, в Нижнем городе считали, что богачи из верхнего — ханжи, которые рисуются показателями здоровья. Понаблюдав за ними, Дези заметила, что чем лучше у тебя показатели здоровья, тем больше у тебя шансов получить продвижение по работе и занять апартаменты в районе получше. Даже могли разрешить заводить домашних питомцев или ребенка. А вот если ты постоянно чихал и кашлял, тебя не пускали в кафе и могли даже снять с трамвая. Если ты еще и много пил, то тебя вообще могли сначала изолировать, а потом и в Нижний город сослать, мол, твоя жизнь ничего не стоит.

В Нижнем городе думали, что богачи снисходят до них, чтобы подразнить деньгами. Но по сути в Верхнем городе вообще не знали, как протекает жизнь за стеклянным куполом. Новости наверху сообщали только о новых научных разработках и открытиях, об обновлениях городской системы и повышении среднестатистических показателей здоровья. О Нижнем городе здесь говорили, если больше никаких новостей не оставалось. И то, в ход шли какие-то громкие и скандальные новости: как мужик жену расленил, как взорвался домашний самогонный аппарат, скольким людям не хватило лекарств от гепатита. И их не слишком интересовало, насколько такие новости правдивы, пока они позволяли отвлечься и порадоваться, что жизнь в Верхнем Лас-Риасе свободна от подобных ужасов.

Больше всего Дези любила вылазки к Гато. Как только у него появлялось какое-то интересное барахло, он тут же посылал за ней. И он никогда не отпускал Дези, пока она не попробует что-нибудь новенькое из меню в «Old Fashioned».

В этот раз она взяла салат с орехами, яблоком и сыром. Сыр был странный, терпкий, острый. У него был вкус, он раскатывался по языку. Не то, что хрень из Нижнего города, которая напоминала размокшую замазку и застревала в зубах.

— Хорошо, да?

Дези кивала, стараясь не есть слишком быстро. У нее появилась новая привычка в Верхнем городе — она то и дело озиралась по сторонам, ожидая, что из-за угла появится Гектор Рива. Но с их первой встречи прошел уже месяц, и больше она его не видела. Хотя

порой ей казалось, что в толпе мелькает знакомый силуэт.

— Спасибо Вам, — сказала она, подцепив вилкой ломтик хрустящего яблока.

— За что? — удивленно вскинул брови Гато.

— За это, — она указала на тарелку, а потом обвела вилкой круг, указывая на все помещение. — Нет, правда, для меня это дорогого стоит.

— О, я знаю. Поэтому я это и делаю. Не имею привычки метать бисер перед свиньями.

— Чего?

— Это выражение такое, — отмахнулся Гато и, прежде, чем она успела что-то спросить, усмехнулся. — Вот видишь, я уже даже забываю, откуда ты. Так скоро и дочьрю начну тебя называть.

— А у Вас есть дети?

Старик прищурился и едко спросил:

— С какой целью интересуешься?

Дези тут же безразлично пожала плечами и зацепила еще один кусок яблока с какой-то бесполезной кислой травой.

— Не хотите — не говорите, я просто спросила.

Но старика ее ответ не удовлетворил. Он осмотрелся по сторонам, словно ища, что бы привести в пример. Не найдя ничего подходящего, просто начал перебирать ладонями по столу.

— Нет, деточка, так дела тут не делаются. Когда человек готов выложить тебе свою личную информацию, ты не можешь просто махнуть рукой и сделать вид, что это не так уж важно. Либо не задавай вопросов вообще, либо будь любезна и иди до конца.

— Да я же просто спросила, — нахмурилась Дези. — Если что, просто попрошу пробить Вас по системе.

Гато устало потер переносицу.

— Вы с этими дурацкими трекерами совсем перестали ценить конфиденциальную информацию. Ты не понимаешь. Отказаться от личной информации из первых рук — все равно, что отказаться от цветов, десерта или признания в любви.

— Все три вещи не имеют смысла.

— Это поколение еще хуже, чем я думал, — простонал Гато и заказал себе еще один коктейль. — Так вот. Даже если эти три вещи, по-твоему, не имеют смысла, они на самом деле очень важны. Они показывают, что человек, который дает их тебе, выражает таким образом свое доверие. Значит, перед тобой он не боится показаться сентиментальным любителем углеводов, не боится быть незащитным, неидеальным, нервным параноиком с тревожным типом привязанности. И это доверие может связать вас очень крепко, может, даже на всю жизнь. Если только ты сможешь правильно принять его, показать, что тебе не все равно, или даже предложить что-то взамен.

— Ну, мне давать-то нечего, — хмыкнула Дези.

— Это ты так думаешь, — махнул рукой старик. — Давай-ка попробуем, по-другому не поймешь. Например... Я ненавижу носить трекары. Меня бесит, что какая-то хрень на батарейках говорит мне ходить десять тысяч шагов, когда я просто хочу сидеть на диване и пить пиво. Но эта хреновина...

Он недовольно затряс рукой, так что Дези не удержалась и прыснула со смеху.

— Я тоже не люблю носить трекер, — сказала она.

— И чего? — заскучал Гато. — От меня ты узнала причинно-следственную связь.

Давай, шевели извилинками, девочка.

— Я не люблю носить трекер, потому что...потом мой брат узнает, где я была, и устраивает мне втык, — с горем пополам закончила девушка. Простая фраза заставила ее вспотеть, как будто Дези изо всех сил складывала предложение из иностранных слов.

— Хороший у тебя братец, — хихикнул Гато. — Передавай ему мое уважение. Ну, теперь поняла, как это работает? Ты даешь другому человеку какой-то факт, но в него завернуто еще много информации, из которой можно построить настоящую связь.

— Никогда об этом не задумывалась. И как вы понимаете, что информация полезна?

— Не бывает бесполезной, моя дорогая, — расплылся в улыбке старик. — Просто бывает несвоевременная. Или искаженная. Но оценить ее ты можешь не сразу. Это называется «информационная асимметрия». Тоже по-своему прекрасная вещь, добавляет отношениям азарта.

— То есть Вы не понимаете, врет человек или нет? — нахмурилась Дезире. Старик кивнул. Она снова закатила глаза. — Бессмыслица какая.

— В какие-то моменты только она и имеет смысл. Ну, давай, ты уже почти доела. Попробуй еще раз задать свой вопрос.

Дези повторила вопрос про детей. Гато ухмыльнулся, почесал затылок, зачем-то полез в трекер.

— Ну, в теории детишки у меня есть, я когда-то был донором спермы. Может, ты даже одна из них. По миру шастает около сотни моих потомков.

— Фу, — скривилась Дези.

— Но не переживай, наследство никому из них не полагается, я пообещал потом сделать из своего дома приют для кошек, — расхохотался старик.

— Да мне и не надо, — пожалала плечами Дези. — Моя мама тоже была из Верхнего города.

Смех Гато тут же оборвался. Старик подался вперед, вперил взгляд в Дезире так, словно видел ее впервые. Если б не пристальные взгляды официантов, он бы схватил ее за щеки и повернул к свету, чтоб получше разглядеть ее черты.

Но он сдержался, откинулся на спинку кресла и заказал себе еще один коктейль.

— То-то я думаю, у тебя лицо знакомое. Как думаешь, у тебя есть родственники здесь?

Дези неопределенно пожалала плечами. В груди заворочалось беспокойство, не много ли она уже сказала. Вся эта беседа была грубым нарушением инструкции Тайнары, но с другой стороны...

Не думали же они с Ремом, что она будет с радостью до конца жизни заглядывать Верхнему городу в рот?

Глава 8. Кана

— Закрыли тему, — Рем стиснул зубы, сдерживая рвавшийся наружу рык. Его лицо так перекосило от усилий, что Дези пришлось отшатнуться.

Был еще один жаркий полдень. К испепеляющему солнцу прибавились порывы холодного ветра, предвещающие скорую смену погоды — ясное небо вот-вот должно было скрыться за слоем пылевой бури, которая продлится пару недель. Напряжение висело в Нижнем городе, трепыхалось на ветру, как флаги в праздничный день. Все делали запасы и работали, как не в себя. Но не забывали и тусоваться. Тай рассчитывала сделать гигантские выручки в последние дни перед бурями.

Пару дней назад они с Ремом провели еще одни выходные вместе. Такое времяпровождение стало чем-то вроде хорошей привычки. После нескольких суток сна с перерывами на еду и секс, Рем чувствовал себя как-то по-человечески. Мысли не путались, не запинались об извилины мозга, речь начинала включать в себя сложные предложения. На время даже исчезала вспыльчивость и постоянно ворочавшаяся под кожей ярость.

Но Дези словно специально выводила его из себя. Стоило ему хоть немного успокоиться, она появлялась и вносила какое-нибудь дурацкое предложение. Хотя, в последние дни ее беспокоил только один вопрос: не пытался ли Рем когда-нибудь разыскать их родственников в Верхнем городе? Она намекала, она предлагала ему заняться этим вопросом, но преуспела только в одном — теперь ей достаточно было пары фраз, чтоб его душевное равновесие рассыпалось в песок, как зубы у их соседа.

Рем вообще не понял, как разговор вышел в это русло. Он проработал в клубе всю ночь, ломая и латая трекеры, наушники и кое-какую древнюю технику, не занесенную в систему. Дези вернулась с отсыпного дома и начала собираться на новую вылазку за барахлом. Рем спросил у сестры, как дела. Она ответила, что все нормально, а потом понеслось, и она снова завела разговор о бабушке с дедушкой.

— Вот не гони мне, что никогда сам не пытался их разыскать. Ты же гениальный хакер. Тебе это должно быть как нехрен делать, — продолжала стоять на своем Дез, снова втягивая Рема в этот разговор.

— А нахрена?

— Ну в смысле? Они же семья. А ты сам говорил, что семья важнее всего, — она повысила голос. Рем тоже.

— Они позволили маме оказаться здесь. Не забыла? Зашибись, родственнички! Встретишь — приглашай в гости на чай. Но пусть приходят со своим, а то у нас кончился.

— У нас его и не было.

— Вот именно, — хлопнул в ладоши Рем. — Все, кончай херней страдать.

— Но если бы не их поступок, мама не встретила бы папу, — жалостливо проговорила Дези. — И нас бы не было. Хотя бы благодаря этому ты мог бы...

— Нет, — скрестил руки на груди брат. — Нет, Дез. Моя семья — это ты. И мне плевать на остальных. Запомни это уже наконец.

— Вот как...

Ее взгляд скользнул поверх его плеча. Рему даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что в дверях «офиса» стоит Тайнара и сверлит его спину взглядом. На секунду повисло молчание. Управляющая пересекла зал, цокая каблуками, схватила Дези под локоть

и увела в сторону служебной двери, чтобы обсудить сегодняшний маршрут.

Рем остался в одиночестве. Когда в клубе не было народу, он казался просто огромным. Гулкое эхо работающей вентиляции заполняло пространство, заставляя прохладный воздух дрожать. Луи был на отсыпном, его сменщик пока не приехал, танцовщицы тоже отсыпались перед сутками непрерывной работы. Рем осмотрелся по сторонам, потянулся, стряхивая с себя паршивое настроение. Затем приблизился к барной стойке и как бы случайно провел ладонью по столешнице, вызывая панель управления. Набрал пароль техперсонала и досрочно разблокировал холодильник с питьевой водой и фруктами. Во всяком случае, так содержимое было записано в системе.

В первых рядах на полках действительно стояли бутылки с водой и жухлые лимоны, но за ними скрывалась целая артиллерия незарегистрированных бутылок. Не то, чтобы Рем любил пить на рабочем месте, но тут уже было дело принципа.

Если все вокруг могут творить, что вздумается, и действовать ему на нервы, то кто он, чтобы сопротивляться этому настроению? Он достал одну из неучтенных бутылок, стакан и от души плеснул себе едкой жидкости с химозным лимонным душиком. Настроение начало улучшаться, стоило пальцам ощутить прохладу стеклянных стенок. Запах щекотал нос, язык уже предвкушал кислую горечь, как вдруг входная дверь в клуб грохнула, и в полумрак вкатилась девчонка.

— Мы закрыты, — проговорил Рем, но девица уже захлопнула за собой дверь и принялась шарить в поисках щеколды или задвижки. — Не слышишь, что ли? Выметайся.

Ему очень не хотелось выходить из-за стойки, выпускать прохладный стакан. Но девка тоже не торопилась делать то, что ей говорят. Она попятилась, отошла от двери, а через секунду уже оказалась у стойки, грудью на столешнице, обеими руками схватилась за предплечье Рема, проливая на себя содержимое бокала.

— Эй, полегче!

— Пожалуйста, помогите. Полиция не должна меня найти, — протараторила она с очень странным акцентом. Она говорила так, словно зажала зубами палку. Рем удивленно уставился на ее руки. Трекера на ее запястье не было.

— Не, подруга, выметайся. Кем бы ты ни была, если тебя ищут — лучше не создавай проблем.

— Проблем не будет, обещаю, — сказала она, но руку все же выпустила. Встала у стойки так, чтобы ее не было видно со стороны входа.

Рем решил прибегнуть к любимой тактике: если я буду игнорировать это достаточно долго, оно само пройдет. С зубной болью это работало. Но девчонка оказалась настойчивой.

— Послушайте, мне нужна помощь.

От обращения на «Вы» Рем чуть не поперхнулся. Кинул на девчонку еще один удивленный взгляд. Даже в темноте было видно, что она из Верхнего города. Белая кожа аж светилась в полумраке, круглое лицо с узкими темными глазами чем-то даже напоминало Луну. Такая же печально-встревоженная физиономия бедной родственницы. Черные волосы уложены в причудливую прическу, пусть и растрепавшуюся. От шеи и дог она была укутана в черный костюм, как в скафандр. Даже на руки перчатки натянула.

— Чего натворила? — спросил Рем.

— Вышла погулять, — сказала она и бросила еще один вороватый взгляд на дверь. Рем устало вздохнул и набрал новую комбинацию на панели управления — на голографическом экране появились картинки с камер наблюдения. Полицейские нестройной кучкой

прочесывали улицу и стучались во все лавки и магазины, где были люди. К тому же просвечивали тепловизором здания, где якобы никого не было.

— Охрененно погуляла, ничего не скажешь, — хмыкнул мужчина, демонстрируя ей запись. — Никому тут проблемы с копами не нужны.

— Я не думала, что меня будут искать, — она опустила глаза, как виноватый подросток. — Просто хотела осмотреться. Я не преступница, просто ученый, приехала по программе обмена знаниями между городами.

Рем устало закатил глаза.

— Ну, теперь, когда мы все прояснили, мне стало гораздо спокойнее. Хотя бы не выпишут штраф за укрывание.

Девушка шумно выдохнула и посмотрела на него исподлобья.

— Все не настолько плохо, чтобы я тебя упрашивала, — сказала она наконец. Рем кивнул и все-таки ткнул пару кнопок на панели.

— Надеюсь, ты хорошо переносишь жару.

Входные двери заблокировались, вентиляция прекратила работать. Воздух начал стремительно нагреваться, становился обжигающим, вязким. Девушка улыбнулась.

— Не такой уж ты и... эм... говнюк. Я Кана.

— Рем, — кивнул молодой человек. — Пересидишь пятнадцать минут, потом девчонки вернут тебя в Верхний город. Ученым не стоит шататься тут и возвращаться в свои хоромы под конвоем.

— О, вы и таким промышляете? Я думала тут обычный...

— Притон, — закончил за нее Рем. — Естественно, ты сразу забудешь о том, что была здесь. Договорились?

Девушка кивнула и села за барную стойку. Рем окинул ее еще одним взглядом и поставил перед ней второй стакан, капнул на дно немного настойки.

— Спасибо, — кивнула она и поднесла стакан к губам, сделала вид, что пьет. Рем фыркнул.

— Откуда приехала?

— Из Нары. Слышал об этом городе?

— Где-то на Островах, вроде.

— Да. У нас лучшая программа по улучшению социального здоровья и устойчивого экономического развития, — улыбнулась Кана.

— Нихрена не понял, но можешь не объяснять, — хмыкнул Рем. — Тут-то ты зачем?

— Обмен знаниями. Изучаю вашу систему социального мониторинга, — она указала на его трекер. — Но в Нижний город меня не пускали, так что... я решила сходить сама. И вот, я здесь.

— И как? Интересно? Какая-то польза науке от наших трущоб есть? — хмыкнул Рем. Полицейские добрались до «Матта Вгуха» и теперь просвечивали его тепловизорами. Рем напрягся. Даже старался не дышать. Ученая повторила за ним. Несколько бесконечно долгих секунд копы рассматривали двери клуба через свои очки, пока, наконец, главный не дал отмашку, и небольшая кучка ребят в форме двинулась дальше.

Кана шумно выдохнула и несколько раз втянула носом раскаленный воздух. Потом схватила стакан и залпом осушила его.

— Ты об этом пожалеешь, — хмыкнул Рем и достал из кармана таблетницу. — Витаминку, чтоб быстрее протрезветь?

— Что это? — вскинула бровь Кана. — Это те самые стимуляторы?

— Таблетки для бедных, — неопределенно пожал плечами Рем. — Главное не пережрать.

Кана оживилась и протянула раскрытую ладонь.

— А можно мне парочку для исследований? Если не сложно, конечно. В Верхнем городе их не достать, а мне очень нужно, и ...

— Не грузи, — попросил Рем и положил два порошковых цилиндра ей в руку. Таблетки неприятно липли к потным пальцам. — У меня есть запас.

— Ты не из болтливых, — кивнула Кана.

— Если хочешь дожить до тридцати и сохранить нос, то лучше помалкивать время от времени. Спрячь таблетки куда-нибудь, чтоб при досмотре не всплыли, а то проблем не оберешься.

Кана кивнула. Наконец, полицейские скрылись.

— Так, говоришь, отсюда можно незаметно вернуться в город? — спросила она. Рем кивнул. — Я так понимаю, за отдельную плату?

— Именно так, — прогремел голос Тайнары, ворвавшейся в клуб, как фурия. На секунду она совершенно забыла о чужачке и накинулась на Рема. — Какого. Хрена? Ты что творишь?

— Я Кана, приятно познакомиться, — не слишком дружелюбно, но все же с улыбкой произнесла ученая и поклонилась. Тай повернулась к ней. Губы расплющились в тонкую нить. — Ваш коллега сказал, что я могу с вашей помощью попасть в Верхний город. Уверена, мы сможем договориться.

Тай тут же вспомнила, что она — бизнес-леди. Она уперла руки в бока и посмотрела на Кану свысока, как настоящая хозяйка Нижнего города. Лицо ученой превратилось в неподвижную маску, застывшую в холодной полу-улыбке.

— Это недешево, — хмыкнула Тай.

— О, я понимаю, — девушка принялась шарить по карманам, пока не вытащила небольшой прозрачный пакет с кучей ампул и капсул. Положила его перед управляющей. — Жаропонижающие, обезболивающие и противовоспалительные. Без побочных эффектов, можно беременным женщинам и детям. Этого хватит? Помогает при мигренях.

Глаза Тайнары загорелись. Она бросила на Рема недовольный взгляд, но все же приняла плату. Кана еще раз благодарно поклонилась.

— Наш человек отправляется через пять минут, она тебя проводит. Пойдешь в повязке, и если кто-то узнает...

— Я поняла, — отчеканила девушка.

— Буду ждать у дверей.

Тай бросила на Рема еще один красноречивый взгляд, как бы намекавший, что потом его ждет очень серьезный разговор. Кана немного задержалась и протянула Рему маленькую заламинированную карточку с ее инициалами и адресом. В ответ на его вопросительный взгляд, она просто пожалала плечами.

— Вдруг понадобится.

Рем убрал визитку в задний карман и помахал рукой. Тайнара завязала нежданной гостье глаза и передала ее Дези, строго-настрого запретив подопечной говорить в присутствии ученой.

Рем привел в порядок бар и включил вентиляцию. Тай вернулась, плюхнулась на место гостыи и требовательно щелкнула ногтем по боку пустого стакана. Рем тут же наполнил его.

— Ну, давай, говори, — сказал он.

— Плевать тебе на всех, значит? Ты либо хреновый врун, либо у тебя проблемы с памятью.

Глава 9. Проблемы

Предупреждения о приближении песчаной бури присылали каждые 4 часа. Но даже без напоминаний системы безопасности о необходимости укрепить жилье, запастись питьевой водой и продуктами питания, Нижний город чувствовал надвигающуюся непогоду. Днем солнце все еще бессовестно пекло, но налетавший со всех сторон ветер был холодным и прикасался к разгоряченной коже тяжелыми ледяными пощечинами.

Небо хмурилось, как бы намекая, что скоро картонным домам мало не покажется.

Те, кому повезло получить работу в куполах-плантациях, теперь бились за недельные вахты, которые они проведут без сна, зато в укрепленных сооружениях. Остальные готовились, как могли. Но в основном «подготовка» заключалась в громких и шумных тусовках. Во время бурь каждый год умирали десятки тысяч человек. С этим уже смирились. Поэтому под звуки штормовых предупреждений закатывались самые масштабные вечеринки под лозунгом: «На случай, если этот раз — последний». В некотором роде жители города, не очень верующие большую часть года, преисполнялись уверенности, что щедрые угощения для каждого встречного откроют им дорогу в лучший мир. Самые отчаявшиеся раздавали свое добро соседям, со всей серьезностью прощались с близкими, либо же объедались таблетками и веселились так, что выпускали дух прямо на празднике жизни.

В последние дни перед штормом «Мамма Вруха» работала круглые сутки, чтобы удовлетворить максимум страждущих. В тесном мрачном клубе все на неделю забыли о том, что такое сон. Танцовщицы сменяли друг друга каждые несколько часов, только чтобы на время стащить с себя туфли и тесные костюмы. Алкоголь лился рекой без разбору. Тайнара только успевала откуда-то притаскивать новые бутылки и банки таблеток. А Рем следил за тем, чтобы техника не сбоила и не перегревалась.

Из клуба он практически не выходил, и с Дези переписывался только в чате. Дни слились, превратились в застоявшиеся тягучие сутки, наполненные битом, воплями, тостами, вкусом алкоголя и сладковатым дымом. Поэтому Рем и не заметил, что Дези не появлялась несколько дней. Он бы и вовсе не обратил на это внимания, если бы Луис не переслал ему просочившуюся из Верхнего города новость о девчонке, которую задержали за незаконное проникновение и попытку ограбления. На весь экран высветилось фото Дези в наручниках. Под локоть ее держал тот самый хлыщ из Верхнего города, Гектор Рива. Заголовок гласил: «Молодой инспектор на страже порядка». О самой Дези было буквально три слова.

Рем выругался и тут же бросился в кабинет Тайнары. Дверь оказалась заперта, но Рема это не остановило. Сперва он как следует наподдал по ней ботинком, но сопротивление его не заставило взять паузу и трезво все обдумать, раз уж появилась такая возможность. Вместо этого он разблокировал дверь с помощью технического доступа и, для верности, открыл ее с ноги.

Тайнара сидела с телефонной трубкой у уха, бледная, с трясущимися руками. Звонки по этой развалюхе вообще никогда ничего хорошего не предвещали. Из трубки доносился раздраженный мужской голос.

— Ты понимаешь, что это твоя ошибка?! Я думал, ты находишь профессионалов! А это что? Если через нее они выйдут на клуб, то вы все останетесь на улице! Ты понимаешь это своей тупой башкой?

— Да, сэр, — механически ответила Тайнара. Она бросила быстрый взгляд на Рема, без слов умоляя его заткнуться и подождать до конца этой экзекуции. Рем прикрыл дверь.

— Это уже третий провал за полгода. Хотя до этого они ни разу не попадались системе безопасности. Тут ты превзошла саму себя!

— Я понимаю, сэр.

— Этот Рива, — сигнал прервался, несколько секунд из трубки доносились только треск и бульканье. — ... Молись, чтоб девчонка додумалась откусить себе язык!

— Я понимаю, сэр, — протараторила Тайнара. Под тяжелым взглядом Рема она продолжила. — Но я уверена, что это ошибка. Девушка за это время принесла нам огромную прибыль. Я думаю, нам стоит...

— Исключено. Была бы она хорошим профессионалом, не принесла бы проблем. Думай, что будешь делать, когда явится инспекция.

Гудки и тяжелый вздох, клацанье опускаемой на рожок трубки. Кабинет погрузился в тьму. Но даже через мрак было видно горящие глаза Рема. Тайнара всхлипнула и спрятала лицо в ладонях.

— Она там не останется, — сказал молодой человек, глядя на Тайнару.

— Прости меня.

— «Прости»?! — Рем невольно дернулся. Первым желанием было схватить Тай за волосы, хорошенько встряхнуть, приговаривая: «А я говорил». Вот только это ничего бы не изменило. — Ее отправят в пустыню, оставят там умирать. Потом заберут труп и пустят на удобрения. И ты, блядь, говоришь мне «прости»?!

— Я ничего не могу сделать. Этот Рива не из наших... я...

— Мне насрать! Хоть сама за ней в Верхний город отправляйся.

— Я не могу! — закричала в ответ Тайнара и стукнула кулаками по столу. — У меня личный запрет, меня пристрелят на месте.

— Какая жалость, — поджал губы Рем. — Тогда оставайся тут.

— Рем, не вздумай. Остайся. Подожди немного, просто дай немного времени...

— У Дез этого времени может не быть.

Он круто развернулся и пошел к выходу, игнорируя оклики Тай, растворявшиеся в шуме и грохоте музыки. Когда он оказался на улице, легкие сжались от холода, так что ему пришлось сбавить шаг. Он только сейчас заметил, что сжал челюсти до крови на деснах, а ногти оставили глубокие борозды на мякоти ладоней.

Над городом разлилась глубокая ночь, и до рассвета было еще далеко. Идеально. Верхний город блекло светился сквозь густые тучи. Рем направился к вентиляционной шахте. Если по ту сторону стены его будут ждать безопасники — тем лучше, он не бросит Дез. Если нет, и получится проникнуть в город, то...

Логическая цепочка тут обрывалась. Он вообще не представлял, что тогда делать и где искать Дези. Рем сунул руки в карманы и сделал несколько прерывистых вдохов, пытаясь привести мысли в порядок. В этот момент в палец впился острый угол заламинированной визитки. Рем сдавленно усмехнулся, вспоминая слова отца: «А Фортуна — та еще старая сучка».

И все же, терять ему было нечего. А адрес Каны Хикари был его единственной зацепкой, которая в теории помогла бы помочь спасти Дези. У ученых же куча привилегий.

Не оставляя себе времени на раздумья, Рем направился в Верхний город.

***

На той стороне шахты его никто не ждал. Значит, Дези не успела проболтаться. Это хорошо. Он проверил по навигатору, жильё Каны Хикари было в самом подножье, недалеко от Башни Бедняков. Вернее, от ее подсвеченных обугленных останков. Трамваи в этот час уже не ходили, так что пришлось пройти пешком.

Было около четырех утра. Идеальное время между «слишком поздно» и «слишком рано», когда случайные встречные, не спящие в этот час, могут сделать вид, что не видели друг друга — лишь бы не стать соучастниками. Видимо, этой ночью удача все же решила повернуться к Рему своей лучшей стороной — он никого не встретил. Благонравные и обеспокоенные своим здоровьем жители Верхнего города усердно досыпали положенные им восемь-десять часов. Правда, камеры бессовестно пялились во все стороны, и Рему только оставалось надеяться, что он не пропустил обновление, и его трекер создает визуальные помехи, скрывая его от механических глаз города.

Жильё Каны Хикари уж очень напоминало Нижний город. На широкой площадке, среди деревьев стояли несколько двухэтажных домов. Правда, в отличие от трущоб, постройки тут были не из картона, а из стекла и толстых спрессованных в прочные блоки и доски волокон. Все соседи мирно спали, а вот в доме Каны горел свет. Через стену-окно виднелась просторная гостиная. Хозяйка сидела на огромном диване, подперев голову ладонью, и читала книгу. Настоящую. Бумажную.

Нарядилась она, конечно, не как в прошлую их встречу. На ней был широкий халат из яркой тяжелой ткани, перехваченный тяжелым поясом, начинавшимся под грудью и оканчивавшимся где-то в районе бедер. Так и не поймешь, то ли на вечеринку собралась, то ли это домашняя одежда. Да и Рему, собственно, было все равно. Воровато оглядевшись, он подошел к двери и нажал кнопку замка.

По газону мелькнула тень Каны, а через секунду дверь отворилась, и показалось ее удивленное лицо. Она тут же спрятала эмоцию за маской ледяного спокойствия.

— Что-то случилось, — проговорила она и тут же сделала шаг в сторону, жестом приглашая войти.

— И тебе привет. Не спится?

— Ботинки можешь снять тут, — она указала на маленькую скамеечку, а сама тем временем провела ладонью по панели управления умным домом. Все окна тут же затянуло темной пленкой, скрывавшей происходящее в доме от посторонних глаз.

— Ты об этом пожалеешь.

— Тогда лучше оставь, — согласилась ученая. — Нужна моя помощь?

— К сожалению, да, — кивнул Рем.

Кана понимающе кивнула и жестом попросила Рема проследовать за ней в гостиную. Она шла маленькими шагами, так быстро, как только позволял узкий подол халата. Из-под широкого воротника виднелась белая спина. В черных волосах блестели заколки.

— Ждала кого-то?

— Только вернулась из центра, — тактично ответила девушка и бросила взгляд на часы. — То есть, вернулась и зачиталась.

Она собрала несколько пустых чашек, стоявших на низком журнальном столике, и отнесла их на кухню. Рем увидел огромное количество шкафов, ящиков, огромную плиту на несколько конфорок и кучу всякой технике. Ему казалось, что такое могли себе позволить разве что рестораны. Через секунду Кана вернулась с двумя чашками теплой воды, одну

поставила перед Ремом, а сама села на диван. Похлопала по сиденью рядом с собой, приглашая занять место рядом. Молодой человек аккуратно сел на пружинистый островок.

— Я слушаю. Где болит, какие симптомы?

— Я по другому делу.

Он ткнул на трекер. На экране высветилась новость о задержании Дези. На секунду брови Каны взмыли вверх, но она тут же вернула себе самообладание и немного наклонилась вперед. Не говоря ни слова, она продолжила рассматривать картинку.

Молчание стало давить.

— Это моя сестра, — пояснил Рем. — Я хочу ее найти.

— Понятно, — кивнула Кана и снова отстранилась. Села с безукоризненно прямой спиной, руки на коленях. — Я не очень знаю, как у вас это работает, но могу предположить что... я ничем не могу помочь.

Рем шумно выдохнул, словно его ударили под ребра. Собственно, это было ожидаемо. Кана заметила перемену в его поведении и тут же оживилась.

— Мне очень жаль, правда. Может, ты... — она задержала на нем долгий пронизательный взгляд. — Тебе больше не к кому обратиться?

— Забей, — махнул рукой Рем и порывисто поднялся с дивана. Кана встала следом за ним.

— Куда ты?

— Не важно.

В мозгу проскочила мысль: а что, если попросить Кану вызвать полицию. Она скажет, что в ее дом вломилась, и Рема тут же под конвоем отправят к Дези. А там уж они как-нибудь разберутся. Он уже собрался озвучить свою идею, но Кана его опередила.

— Давай ты останешься на ночь, — предложила она. Рем опешил. — По тебе видно, что ты в тяжелом состоянии.

Она приблизилась и непонятно откуда взявшимся фонариком посветила ему в глаза. Рем зашатался, как будто его ударили по голове.

— Так и думала. Сколько ты не спал?

— Понятия не имею.

— Сейчас ты ничего толкового не придумаешь, — цокнула языком ученая, убрала фонарик в широкий рукав и потеряла ладони. — Можешь лечь спать на диване, душ и кухня в твоём распоряжении.

Рему показалось, или она сделала особое ударение на слова «душ»? Он не успел это обдумать как следует, куда больше его интересовал другой вопрос:

— Зачем ты все равно помогаешь? Сказала же, что ничего не можешь.

— Я не знаю, как помочь твоей сестре, — чеканя слова, объяснила девушка. — Но я вижу, что тебе нужна помощь и делаю то, что в моих силах.

Количество слова «помощь» так зашкалило, что вся речь Каны Хикари свалилась в голове Рема сплошным комком замудренных мыслей. Он тряхнул головой, перед глазами заплясали черные точки. Еще и тело начало ломить. Проходило действие последней съеденной витаминки.

— Душ, говоришь?

Хозяйка дома указала ему на нужную дверь.

Внутри был мягкий желтый цвет, огромное зеркало во всю стену (тоже с подсветкой), блестящая техника. Не то, что ржавая лейка у Рема дома, которая то булькала, то плевалась

водой, то подвывала тем, кому хватало хорошего настроения, чтобы петь в душе. Но больше всего Рема впечатлил теплый пол. Стоило ему поставить ногу, и все тело начало клониться вниз, к мягкому, обволакивающему теплу. Хотя жара успела осточертеть за эти месяцы, Рем словно забыл об этом. Так бы и распластался, если бы не раздался звонок в дверь.

Рем встряхнулся, собирая последние крохи бодрости, и приоткрыл дверь. Было слышно, как Кана быстро перебирает ножками в сторону двери, и каждый ее шаг тонул в звуках надрывавшегося звонка. Девушка же каким-то образом сохраняла спокойствие, певуче произнесла: «Я иду!», как будто ее вовсе не беспокоили свалившиеся на голову полуночники.

«А что если она все-таки вызвала копов?» — подумал Рем. Он поправил штаны, умылся, надел обратно ботинки и уже собрался навстречу ночным гостям, словно на собственную коронацию, но до него долетели отзвуки разговора.

— Сэр, я не уверена, что Вам стоит заходить.

— Я понимаю, госпожа Хикари, — раздался заискивающий мужской голос. Рем припал к стене и осторожно выглянул из-за угла. В затемненном окне, как в зеркале, плясали отражения. Лица нового гостя не было видно, зато было заметно, как немолодая, но крепкая рука удерживает дверь, которую Кана старалась закрыть с неизменной вежливым выражением лица.

— И человеку вашего положения не стоит находиться здесь в такой час, — проговорила она, перехватив дверную ручку поудобнее.

— Но я прибыл за медицинской помощью, — рука шевельнулась, дверь открылась чуть шире. — Я совершенно не могу спать, понимаете? А вы должны знать, как важно человеку моего возраста спать достаточное количество часов. Сегодня на приеме вы так интересно рассказывали про эти дыхательные практики и массаж специальных точек...

— Я смогу принять Вас утром, — поджала губы ученая.

Рему даже стало ее жаль. Он огляделся в поисках чего-то бесполезного. На глаза попала огромная ваза. Пока Кана через стену от него препиралась с ночным гостем, Рем снял посудину с полки и со всей силы ударил ею об пол. Черепки разлетелись во все стороны. Разговор стих. Рем воспользовался заминкой и крикнул:

— Детка, прости, я поскользнулся. Не ходи босиком, порежешься. Тут все в осколках, — для верности он наступил на остатки керамического бока. Те жалобно захрустели под его ботинками.

— Уже иду, — отозвалась Кана и тут же повернулась к гостю. — Простите, мне страшно неудобно.

— Ничего-ничего, — заискивающий тон тут же сменился беспокойным, торопливым. — Все в порядке. Я найду... в другой раз.

— Это будет просто замечательно. Доброй ночи.

Клацнула закрывающаяся дверь. На несколько секунд все замерло. Потом Рем откашлялся и спросил:

— Чем богатые убирают с пола?

Вместо ответа раздался писк. Одна из стальных панелей отъехала в сторону, и оттуда выполз круглый робот с щетками. В коридоре появилась Кана.

— Спасибо, — она опустила глаза и тяжело вздохнула, будто слова давались ей с огромным трудом. — Ты снова выручил меня.

— Фигня вопрос. В следующий раз просто сразу бей в горло.

Девушка удивленно вскинула брови и приложила руку к шее.

— Боюсь, с этим человеком так не получится. Если губернатор Никколо пострадает... — она прикусила язык и махнула рукой. — Теперь я точно обязана тебе помочь. Завтра я позвоню своему знакомому и спрошу, что можно сделать.

Они вернулись в гостиную. Кана дала Рему лист бумаги и карандаш, попросила записать все, что может пригодиться, для освобождения Дези: род деятельности, возраст, номер идентификатора трекера.

Пока Рем на коленке выводил цифры и буквы, его сморило. Так и уснул сидя, запрокинув голову.

Глава 10. Вкус богатой жизни

Свет бил прямо в лицо, так что даже закрытые глаза залило красно-оранжевым, словно под веки Рему впрыснули все закаты в мире. Некоторое время он просто лежал, пытаясь восстановить последовательность событий. Воспоминания нескольких бессонных дней смешались и распались на фрагменты, как после бурной пьянки. Рем и чувствовал себя, как перебравший самогона подросток: голова трещала, тело ныло, во рту пересохло, а язык распух. Еще и этот свет.

Рем сначала нахмурился, попытался перевернуться на живот, а через секунду вспомнил, где находится и что произошло. Рем дернулся и попытался встать с дивана. Ноги запутались в покрывале, и молодой человек с грохотом рухнул на пол. Судя по тупой боли в боку, он так падал уже не один раз. Зато хоть зрение начало проясняться. Из ослепительного света начали вырисовываться очертания жилища Каны Хикари. Диван, на котором развалился Рем, книжные полки, журнальный столик. Все стало таким резким, что глаза заболели, словно мозг преисполнился ощущений и пытался выдавить органы чувств из черепа. Рем мог даже рассмотреть узор пола. Он по привычке потянулся за своей таблетницей, но тут на глаза попался сложенный вчетверо лист бумаги, оставленный на низком столике. На нем большими печатными буквами было выведено: «РЕМ»

Молодой человек поднялся с пола, потянулся и бухнулся обратно на диван. Развернул записку. Интересно, госпожа Хикари предпочитала печатные буквы просто так или боялась, что Рем не слишком грамотен?

«Дорогой Рем...»

Рем поворошил память в попытках припомнить, не сделал ли он чего, чтобы заслужить такое трогательное обращение. Массаж там или что ещё любят женщины из Верхнего города. Но исходивший от него запах давал понять, что обращение «дорогой» — просто формальность. Вряд ли Кана подпустила бы его к себе с таким-то душком.

«... Я пыталась тебя разбудить, но мне это не удалось. Я договорилась со своим коллегой, мы поедem в участок и постараемcя забрать твою сестру. Надеюсь, у нас все получится. Господин Тимидо очень внимательно отнёсся к твоей ситуации. Он попросил передать тебе следующие инструкции:

Пока меня не будет — дом в твоём распоряжении. Можешь брать всю еду, которая есть в холодильнике. В ванной я оставила для тебя полотенце. Одежду можешь освежить в специальном шкафу.

Никому не открывай дверь. Не отвечай на звонки, не снимай затемнение с окон. Если кто-то придёт, сделай вид, что никого нет дома.

*P.S. Пока не связывайся ни с кем из Нижнего города
Кана»*

Рем взглянул на время. Был почти полдень. Молодой человек подумал было завалиться и немного доспать. В конце концов, не каждый день удаётся поспать на мягком диване, который как будто обнимает тебя своими изгибами, так что ты даже собственных костей не чувствуешь. Но желудок требовательно завыл.

Рему и самому было интересно, что можно найти на кухне. Она была такой большой, что на несколько секунд молодой человек растерялся, не зная, какую из многочисленных дверей открыть первой. Он начал аккуратно исследовать стол. В пузатом стеклянном

графине обнаружился кофе. Настоящий, горький и немного кисловатый. Ничего общего с маслянистой сладостью растворимого, которым они запивали таблетки в Нижнем городе. Напиток уже давно остыл, и все же Рем выхлебал его весь, морщась от скрипевшего на зубах жмыха. Рот стянуло от горечи, желудок завязался узлом. Казалось, что это схлестнулись не кофеин и желудочный сок, а голод и жадность.

Жадность быстро победила. Спазм прошёл. Рем выпрямился, отчего-то осмелел и направился к холодильнику. Белый электрический свет озарил холодную камеру, больше напоминавшую пещеру с сокровищами из сказок. Там были пучки зелени, ярко-красные томаты, баклажаны, какие-то продукты были замотаны в бумагу, и Рем боялся коснуться их даже взглядом. Он остановил свой выбор на сэндвиче, одиноко лежавшем на тарелке. Хлеб успел засохнуть, да и зелёный лист уже напоминал забытую в раковине тряпку, но запах от него был такой... пряный, солоноватый. Рем осторожно откусил и почувствовал, как на язык упало что-то гладкое, волокнистое. Он осторожно приподнял кусок хлеба и чуть не вскрикнул. Между хлебом и овощами был зажат огромный толстый шмат ветчины. В следующую секунду Рем жадно вгрызся в сэндвич, закатывая глаза и постанывая от удовольствия.

В последний раз настоящее мясо он ел с полгода назад, когда в клуб привезли контрабандную партию. Ему тогда достался обрезок сплошь из жил и жира. И вот теперь он вгрызался в этот обмазанный соусом кусок ветчины, забыв напрочь о хлебе и овощах.

Кажется, он в жизни так не возбуждался. Даже в подростковые годы, когда гормоны хлестали во все стороны, и любой девке с сиськами навывкате было достаточно просто появиться в поле зрения, чтобы член попытался отвесить ей приветственный поклон.

«Теперь у тебя встает на ветчину. До чего мы докатились?» — думал Рем. Ветчина нырнула в заполненный кофе желудок. Следом молодой человек начал пропихивать остатки сэндвича. Как ребенок, помогал себе пальцами протолкнуть как можно больше еды за раз. На секунду ему даже перехватило дыхание, в глазах потемнело. Ему показалось, что сейчас он умрет самой дурацкой смертью, но через секунду все прошло. Комок из хлеба и зелени, царапая горло, двинулся дальше к желудку. Только Рем отдышался и собрался снова заглянуть холодильник, все тело пронзило ощущение, предельно ясно дававшее понять, что кофе достиг финальной точки своего маршрута. Рем ломанулся в ванную.

Там он провел, по ощущениям, вечность. С глуповатой улыбкой и четкой уверенностью, что он ни о чем не жалеет.

Затем настала очередь душа, раз уж Рема занесло в этот райский уголок с теплым полом и мягким светом. Как и все в доме, душ умный и управлялся с сенсорной панели на стене. Регулировать можно было все: температуру, напор воды, освещение, даже музыку включить. Вот только, сколько бы электронной прибуды туда ни напихали, стоило Рему включить воду, его, как дома, сперва облило ледяной водой, потом ошпарило кипятком. Он отскочил напрямик в полку, на которой стояли всевозможные банки и склянки, те с грохотом повалились на пол. Кабину тут же начало затягивать плотным паром. Рем сделал еще полшага в сторону и тут же почувствовал, как под ногой предательски перекатилась одна из бутылок. В следующую секунду Рем был прижат лопатками к мокрому полу. В лицо била мощная струя воды. Можно сказать, что в первом раунде душ победил нокаутом.

«Хоть бы кусок мыла оставила, ну в самом деле», — думал Рем, вытираясь полотенцем. Оно было таким белым, что в его сторону даже было страшно дышать. Он долго вчитывался в надписи на этикетках, пытаясь понять, что и чем нужно мыть. Но он так и не понял, на кой

черт Кана держит в ванной соль и масло. На любительницу есть в душе она не очень похожа, хотя, кто ее знает.

От Рема теперь пахло смесью всего и сразу. А вот одежде повезло меньше. После «освежения» в каком-то умном шкафу ткань стала расплзаться. А запах... омбре напоминало вонь от прокипяченной старой тряпки. Втискиваться в свою одежду после купания в горячей воде, сытного сэндвича и настоящего кофе было непривычно. Ему казалось, стоит натянуть свое выстиранное шмотье, и вся магия исчезнет. Он проснется где-нибудь на полу в «Мамма Вруха» с пробитой головой. Но других шмоток у него не было.

Он завалился обратно на диван. Его разморило и снова начало клонить в сон. Рем положил руку на раздувшийся от еды живот, лениво гоня в голове текущие мысли. Сквозь затонированное стекло он смотрел на жителей соседних домов. Кто-то выбрался на террасу с планшетом, чтобы поработать на свежем воздухе. Какая-то женщина скакала на лужайке и хлопала в ладоши то перед собой, то над головой. Потом улеглась на спину и принялась просто пялиться в небо, блестя от пота. Рему даже показалось, что ей плохо и надо бы позвать помощь, но из дома вышел мужчина и принес ей стакан какой-то зеленой жижи. Еще странная парочка в спецодежде кружила вокруг куста, просвечивая его странными датчиками и замеряя его лазерными указками, чтобы в конце концов срезать одну топорищившуюся веточку. Это было так странно и забавно.

Он уже начал проваливаться в сон, как вдруг на дорожке между дома появились трое. Он сначала не узнал Дези: на ней был халат, вроде того, что Кана носила накануне. Но Дези была меньше ростом, поэтому подол волочился, как бы она ни старалась его удерживать. Волосы она собрала под платок, на глазах — огромные темные очки. Кана вела ее под руку, как провинившегося ребенка. На ней был строгий наряд, такие же очки на пол-лица, ярко накрашенные губы сжаты в тонкую нить. По другую руку от Дези шел мужчина, Габриэль Тимидо. Его лицо периодически мелькало в новостях, когда советник объявлял о своих планах улучшить жизнь Нижнего города. Это был высокий человек с рыжеватыми волосами, зализанными до глянцевого блеска. Он улыбался и махал рукой соседям, оттягивая на себя внимание, которое привлекали девушки. Вот только Рему это позерство все равно не нравилось.

Рем сошкрябался с дивана и рванул в коридор, как псина, услышавшая шаги хозяина. Когда дверь распахнулась, он схватил Дези в охапку и принялся то ли обнимать, то ли душить, повторяя «идиотка хренова» и «дура конченная». Как он ни старался, даже это звучало ласково. Дези в долгу не оставалась и тоже отсыпала ему свою долю вежливостей. Кана и мистер Тимидо вошли в дом и закрыли дверь.

Рем выпустил сестру и осмотрел ее. Когда она сняла халат, платок и очки, показались смятые, разорванные на локтях шмотки. Пришитые волосы сваялись комком, а бровь была рассечена.

— Это что такое?

— Упала, когда пыталась сбежать от копов, — фыркнула Дези. — Ты думал, я просто так дамся?

— Идиотка, — выдохнул он и перевел взгляд на Кану и мистера Тимидо. — Спасибо.

Он попытался впихнуть в это слово всю свою благодарность, но все равно получилось как-то недостаточно. Он порылся в карманах, достал таблетницу и протянул Кане.

— Это все, что есть. Возьми, вдруг для исследований пригодится.

Кана округлила глаза и замотала головой.

— Благодарю, не стоит. Рем — это господин Габриэль Тимидо. Советник, — она указала на гостя.

— Спасибо вам за помощь. Мы пойдем, больше проблем вам не доставим.

Он сжал было руку на локте сестры, но советник Тимидо что-то сделал. Посмотрел как-то так, что Рем понял — хрен они куда уйдут. Словно в подтверждение, он сказал: «Надо поговорить» и направился в гостиную. Брат с сестрой последовали за ним. Мужчина указал на диван, предлагая им сесть. Кана ушла на кухню, а через несколько секунд вернулась с четырьмя чашками горячего кофе.

— Благодарю, доктор Хикари, — улыбнулся Габриэль и перевел взгляд на брата с сестрой. — В неприятную историю вы попали, молодые люди.

— Этого больше не повторится, — пролепетала Дези. Тимидо мягко улыбнулся.

— Я в этом не сомневаюсь. Вы же не лишены инстинкта самосохранения. И все же у нас осталась пара нерешенных вопросов, — он сделал глоток кофе и поставил чашку на стол. — Говорят, моя политическая программа слишком либеральна. Я планирую стать новым губернатором и взять курс на воссоединение Верхнего и Нижнего города. Это нравится не всем, многие помнят подрыв Башни Бедняков. Но, к счастью, мне удавалось создать новый образ для жителей Нижнего города среди избирателей. И тут происходит эта некрасивая ситуация с мисс Дезире.

Девушка опустила глаза.

— Я навел справки, госпожа Мария и правда ваша бабушка. Но журналистам до этого уже нет никакого дела, по их мнению вы воровка и самозванка, а Гектор Рива — защитник города и официальный протеже губернатора Никколо.

— Ваш губернатор только и знает, что по ночам до женщин домогаться, — хмыкнул Рем. Кана еле заметно вздрогнула и бросила на Рема предостерегающий взгляд. Молодой человек непонимающе нахмурился.

Тимидо невозмутимо продолжил.

— Но если бы дело было только в скандале... Господин Рива работает со всей своей одержимой страстью и ему удалось разнюхать кое-что еще, — в руке мужчины блеснул трекер Дези. — Взлом системы социального мониторинга. Это угроза совершенно нового уровня. И если в СМИ просочиться, что такие фокусы могут проворачивать необразованные бедняки, вся моя кампания полетит псу под хвост. Мисс Дезире сказала, что это Ваших рук дело, Рамон.

Рем поморщился.

— Посадите меня, а ее отпустите.

— Очень самоотверженно, — еще одна улыбка. — Но нет. Мисс Дезире отправить в Нижний город не получится. Она все еще находится под следствием, и выпустили ее только под поручительство мое и доктора Хикари. Мы представили молодую леди как ассистентку доктора, ей придется некоторое время выполнять обязанности ассистента.

Дези кивнула. Видимо, эту часть с ней уже обсудили.

— А что насчет вас, мистер Рамон. Вы, конечно, можете вернуться, но я уверен, Вам не захочется бросать сестру. К тому же, я рассчитываю получить от вас ответную услугу. Будем считать, это будет платой за мое участие в освобождении мисс Дезире. Я предоставлю ей адвоката и полную защиту.

— А от меня что нужно?

— Всего навсего сломать пару устройств.

Глава 11. Кое-что о Кане

Пока Габриэль Тимидо обрисовывал молодым выходцам из Нижнего города картину их ближайшего будущего, Кана Хикари, как ни старалась, не могла оторвать взгляда от его рук. Чтобы как-то отвлечься, она цедила кофе мелкими глотками, держала спину прямо до сведенных мышц, так что ноющая боль, растекшаяся вдоль позвоночника, подрезала крылья ее рвавшейся в полет фантазии.

«Это просто нужно перетерпеть», — напоминала она себе и, нужно сказать, умело справлялась с задачей, которую себе поставила.

Кана вообще не очень умела сдаваться. Это качество, в частности, позволило ей уже в двадцать пять лет стать уважаемым учёным, хотя все, как один, твердили, что тут все дело в наследственности. Кана Хикари была дочерью двух великих ученых, которые создали «Кассандру» — систему мониторинга и прогнозирования глобального благополучия. Эта нейросеть анализировала большие данные и могла предсказать все на свете: изменение климата, перспективы выбранной схемы лечения или насколько два человека подходят друг другу в репродуктивных и социальных целях. Последний вопрос на тот момент особенно волновал человечество. После экологических и экономических кризисов численность населения все никак не восстанавливалась, детская смертность была высокой, и первым применением «Кассандры» в Наре был поиск потенциальных партнеров, которые могли бы обеспечить выживание человечества как вида. Танака Хикари, создатель алгоритма, и Наоки, специалист-репродуктолог, работавшие над этой версией нейросети, были определены в пару. Они и не думали противиться версии алгоритма и заключили брак в тот же день, а через год у них появилась Кана. Чета Хикари говорила, что им удалось сделать невозможное и забрать у небес последнюю работу — заключение браков. Правда, Кана считалась в собственной семье вторым ребенком. Первым была «Кассандра».

Будь у «Кассандры» плоть, кровь и голос, их с Каной можно было бы назвать погодками. Когда Кане было два, и она только училась складывать слова в предложения, «Кассандра» уже умела прогнозировать изменения рельефа планеты. Когда Кана рисовала кляксы, «Кассандра» обрабатывала терабайты данных: социальные сети, статистику продаж, тренды рынка, предоставляя каждому человеку его предназначение и карьерный путь. Кана начала учиться в семь лет. К этому времени новые города-государства пришли к решению, что им всем необходима «Кассандра». Нейросеть стала центром метавселенной, связала все города-государства, стала собирать информацию о них и помогала Единому Совету Будущего на основе предоставленных данных вырабатывать совместный план действий.

Кана выучилась на доктора сомнологии по рекомендации нейросети. Стала специалистом в области социального здравоохранения и благополучия, в основном ее задачи заключались в анализе данных, связанных со здоровьем и проверка, не ошиблась ли медицинская нейросеть. Она все пыталась обратить цифровой взор «Кассандры» на статистику и качество человеческого сна, но... Даже если нейросеть была готова ее слушать и выделять свои ресурсы для изучения собранных Каной цифр, всем остальным это казалось абсолютно неинтересным. В Наре, с ее широкими проливами и тысячей мелких островов, людей куда больше интересовало, сколько километров нужно проплыть до ближайшего подходящего партнера. В остальных городах-государствах сон тоже не был чем-то особо интересным. Данные о нем не передавались. И Кана никак не могла получить информацию,

чтобы объяснить важность своей работы хотя бы родителям, с каждым годом уделявшим все больше внимания своей старшей дочери.

И вот, в один из дней, у неё появилась возможность рассказать о своей работе. Это произошло с два месяца назад, когда в Нару приехал Габриэль Тимидо, кандидат в губернаторы Лас-Риаса. Хотя визит и был нанесен вроде как инкогнито, к приезду политика из дружественного государства был устроен прием. Там-то они и познакомились.

В мягком свете ламп завихрились разговоры. Председатель совета Нары, Танака Хикари, тихо говорил с Габриэлем Тимидо о важности полноценного сотрудничества. Лас-Риас и еще некоторые новые города в последние годы ограничили доступ Кассандры к некоторым данным.

— Вы же понимаете, что без достаточного объема информации точность прогнозов снижается, и тогда общий курс развития не получится составить даже примерно, — говорил он. Жена Наоки сидела рядом, жадно ловя каждое слово. Кана курсировала между гостями, но старалась держаться поблизости, жадно ловя каждое слово иностранца.

— Конечно, — кивал Тимидо. — Но тут имеет место человеческий фактор. Не все хотят делиться своими личными данными, считают это вмешательством в частную жизнь. Особенно люди наверху, которые держатся за власть.

— Но такая политика может вернуть нас в старые времена, из-за которых все и началось. Путь к новому времени лежит через прозрачность всех систем, доступность информации. Именно с ее помощью «Кассандра» сможет объяснить, кто мы и куда мы движемся.

— Вы абсолютно правы. Я обещаю, когда я стану новым губернатором Лас-Риаса, я обеспечу полный доступ к данным. Но пока... — он развел руками. — У губернатора Никколо есть огромное преимущество. Его картина будущего импонирует людям, которые имеют право голоса.

— К сожалению, мы не можем вмешиваться в его деятельность, — мягко предупредил мистер Хикари. — Пока Лас-Риас предоставляет всему миру куполы-биосферы и свои программы по выращиванию продуктов...

— Я понимаю, — кивнул мужчина. — Но я бы все же хотел попросить о помощи в моей работе на благо общества. Я хочу получить прогноз... в частном порядке. Для всего Лас-Риаса.

— Хотите определить свою примерную продолжительность жизни? — поинтересовалась Наоки. Габриэль Тимидо усмехнулся.

— С ней все хорошо. Нет, я бы хотел получить прогноз сценариев развития жизни в городе. Но для этого нам не хватает данных. Но, может, их удастся получить на месте. Скажем, если кто-то из ваших специалистов поедет в Лас-Риас и проанализирует их в частном порядке.

Супруги Хикари неуверенно переглянулись. Но вот Кана была полна уверенности. Она смело шагнула вперед, и отец не успел бросить предупредительный взгляд, когда она сказала:

— Я слышала, что в Лас-Риасе действует особая политика социального здравоохранения, — невинно улыбнулась она. — И что бедное население вынуждено работать без сна, но данные об эффективности, которые подтвердили бы гуманность и целесообразность такого решения отсутствуют.

Габриэль Тимидо смерил девушку оценивающим взглядом.

— Это правда, — улыбнулся он. — Мисс Кана, я полагаю. Наслышан о Вас.

Он учтиво поклонился, а Кана была искренне благодарна, что он не упомянул о том, что она — первый ребенок, полученный благодаря «Кассандре».

— Я изучаю связь благополучия населения и качества сна, — опустила взгляд девушка. Отец поджал губы. А вот Габриэль Тимидо, наоборот, улыбнулся еще шире.

— Уверен, в Лас-Риасе вы найдете множество материала для исследований, если сможете до него добраться. Как думаете?

Кана кивнула и бросила вопросительный взгляд на родителей. Те переглянулись, словно решали очередную аналитическую задачу.

— Что скажете, если я предложу вашей дочери увлекательную командировку в Лас-Риас? — продолжил Тимидо. — В рамках программы обмена знаниями. В Лас-Риасе богатое население крайне обеспокоено своими показателями здоровья. А пока мисс Кана будет его изучать, мы постараемся добыть засекреченные данные о бедной части населения. Избавимся от белого пятна в глазу «Кассандры».

И он бодро отсалютовал им бокалом вина. От такого предложения создатели нейросети не могли отказаться. Они, конечно, еще немного посомневались, стоит ли отправлять Кану — книжного червя, так и не сделавшего ни одного важного открытия. Но в конце концов решили, что так даже будет лучше. Кана знала, как работает «Кассандра», а ее работа не привлечет лишнего внимания. В общем, через несколько дней Кану проводили на лодку Габриэля Тимидо.

Она впервые покинула Нару с ее мостами, исследовательскими центрами и лабораториями. Впервые увидела океан, простирающийся за проливами и заканчивающийся безжизненной гористой пустыней там, где когда-то были мегаполисы. Мать и отец отправили ее в путешествие с плохо скрытым облегчением, Кана так и не смогла понять, почему. Пожелали не тратить время зря.

Несколько дней они с Габриэлем провели бок о бок на борту небольшой яхты. Мужчина все время был занят чем-то на борту, помогал команде, то и дело уточняя, комфортно ли Кане. Девушка сначала чувствовала себя беспокойно от такого пристального внимания красивого и обаятельного мужчины. А он, словно чувствуя ее дискомфорт, разговаривал, рассказывал истории, показывал фотографии Лас-Риаса на своем трекере. Он придерживал ее, если яхта налетала на достаточно высокую волну. Он обсуждал с ней книги, которые она взяла в дорогу. И постепенно Кана расслабилась. Однажды вечером, втайне от себя, она заглянула в данные Габриэля Тимидо, передаваемые «Кассандре». Судя по его профилю, они с Каной вполне могли бы быть парой. Эта мысль вызвала в ней одновременно восторг и страх. Страх от того, что единственной пользой, которую она сможет принести в жизни, будет рождение ребенка от «правильного» человека.

И все же она искала возможности провести с ним больше времени. Спрашивала о Лас-Риасе с его садами-биосферами под стеклянными куполами. А Габриэль Тимидо рассказывал.

Когда синева океана сменилась мутными зеленоватыми водами, лижущими новенькую пристань, они пересели на вездеходы. Еще несколько дней они неслись по пустыне, пока, наконец, на горизонте не появились скалистые утесы с нахлобученными на них куполами биосфер.

— Мне кажется, в Лас-Риасе самые живучие и стойкие люди. После кризисов у нас был только песок и безжизненная земля, а мы даже из этого смогли построить новую жизнь, —

гордо сказал Габриэль Тимидо, придерживая бледно-зеленую Кану за плечи. Если путешествие на яхте ей удалось пережить без проблем, то вездеход оказался непосильным испытанием для ее вестибулярного аппарата. Она сгорала со стыда, но когда Габриэль Тимидо придерживал ее и старался отвлекать разговорами, она готова была мириться со своим состоянием. Пусть ее хоть наизнанку вывернет, если этот мужчина будет рядом. Она стерпит все.

Он сопровождал ее до самого дома, выделенного ей на время пребывания в Лас-Риасе. К их приезду уже все было готово. Холодильник наполнен едой с местных плантаций, постель заправлена, багаж выставлен в просторном коридоре. Габриэль отпустил телохранителей и провел девушке экскурсию по дому, а затем, как участливый хозяин, приготовил ей кофе.

— Тебе предстоит многое увидеть и узнать, — произнес он с теплой улыбкой.

Кана тем временем расплзлась по дивану и старалась собрать себя в кучу. Больше всего ей хотелось распластаться на кровати и уснуть, не было ни восторга, ни возбуждения, только всепоглощающая усталость. Казалось, за все дни на борту и в кабине вездехода она забыла, каково это, ходить по твердой земле. И все же было что-то еще. Веселость. Удовольствие. Чувство свободы, каким-то образом уместившееся под стеклянным куполом. Габриэль продолжал расхаживать по комнате, потягивая свой кофе.

— Здесь все не так строго, как в Наре. Возможно, к тебе будут относиться немного отстраненно, но это только первое время. Здесь все происходит очень легко, никто не любит долгие расшаркивания. Поэтому не пугайся, если при встрече тебя постараются расцеловать в обе щеки.

— А это гигиенично? — спросила Кана и сама рассмеялась, словно выдала удачную шутку. Габриэль улыбнулся.

— Неплохой настрой, доктор Хикари. Я попрошу тебя об одолжении — не говори никому, что ты будешь делать прогноз для меня. Это конфиденциальная информация, — попросил он. Улыбчивое лицо резко стало серьезным, жестким. Улыбка тут же слетела с губ Каны. Девушка кивнула. — Я устрою тебе встречу с губернатором Никколо. К сожалению, все вопросы доступа решаются напрямую через него. Но это пока.

— Думаю, я справлюсь.

— Я в этом не сомневаюсь.

Он допил кофе, проверил время на трекере, взглянул на Кану еще раз.

— Чуть не забыл. Дай мне свой трекер, я попрошу техников обновить его под нашу версию системы, — он протянул руку, как нетерпеливый ребенок. И Кана протянула руку с трекером в ответ.

Она не успела смутиться, а его теплая ладонь уже сомкнулась на ее запястье, вторая рука заботливо освобождала от ремешка. Большой палец аккуратно огладил выпирающую косточку. Кана чуть вздрогнула, как от щелчка током. Габриэль заметил это. Улыбнулся. Трекер невесомо соскользнул с запястья, но руку мужчина не торопился отпускать, внимательно наблюдал за девушкой. И Кана приподнялась с дивана, подалась вперед, прижимаясь к крепкой груди, цепляясь за его пиджак на случай, если земля прямо сейчас развернется под ней. Габриэль наклонился к ней, утягивая в мягкий, головокружительный поцелуй. Обхватил ее талию. Движениями опытного фокусника избавил ее от одежды. И в эту секунду Кана подумала, что к черту все эти научные открытия и пользу обществу. Если ее единственной заслугой будет делить постель с таким мужчиной по указанию «Кассандры», она согласна. И она подтверждала это каждым стоном и слабым выкриком

«да!».

А на следующий день на приеме по случаю ее прибытия Габриэль познакомил ее со своей женой. Кана так старалась делать вид, что все нормально, что чуть не заколола себя вилкой для десерта. Волевым усилием ей удалось отвести взгляд от Микаэлы Эрнандес, которую Габриэль держал за руку на протяжении всего ужина, и переключиться на разговоры губернатора Мартина Никколо. В ответ на ее аккуратную просьбу о предоставлении ей для изучения данных с трекеров жителей Нижнего города, он завел целую лекцию о том, почему необходимо разделение между богатыми и бедными.

— Вы понимаете, эти люди совершенно не ощущают ценности данной им жизни. Как только у них появляется свободное время, которое они могли бы посвятить заботе о своем здоровье, они делают что ...? Используют стимуляторы, чтобы пить и заниматься распространением венерических заболеваний. Мы не можем допустить, чтобы этот тлетворный м-м-м... паттерн... распространился в Верхнем городе.

— Возможно, я смогу помочь в этом, — завела было разговор Кана, но рука Мартина Никколо накрыла ее ладонь и погладила тонкие пальцы.

— Вы поможете Лас-Риасу, если, скажем, дадите пару рекомендаций по улучшению образа жизни для наших ключевых специалистов и руководителей. Не хотелось бы, чтобы они сложили полномочия по причине какого-нибудь... выгорания.

Мартину Никколо было около семидесяти. Это был сухой человек среднего роста, кожа на его лице напоминала сдувшийся воздушный шар, сквозь редкие волосы просвечивал череп, а светлые глаза казались безжизненными, акульими. Но стоило ему начать говорить, как все его тело приходило в движение, обретало форму. Он был харизматичным оратором, внушавшим уважение вперемешку с опаской. Стоило сказать ему хоть слово, и он начинал заваливать оппонента аргументами, не давая и слова сказать. Даже соратники его побаивались, а когда он посреди приема, влив в себя несколько стаканов кашасы, начал мило ворковать с Каной, пытаясь ухватить ее то за руку, то «случайно» за грудь, никто не обращал на это внимания.

На второй день пребывания Кана поняла, что вся эта затея с «исследовательской работой» — гиблое дело. Ей срочно захотелось вернуться домой, причем так, чтобы не извиняться перед Тимидо и ничего не объяснять. И у нее появилось гениальное, как ей тогда показалось, решение — нарушить закон о пересечении городской черты.

Она выбралась в Нижний город, сделав вид, что она упрямая туристка, не понимающая местного языка. Погуляла под камерами, пользуясь отсутствием трекера. Она считала минуты, ожидая, когда полиция явится за ней и с позором вернет домой. Но чем дальше она заходила в овеваемые холодным ветром трущобы, тем сильнее разгоралось ее любопытство. В Наре совсем не осталось бедных районов, поэтому представшие ей теперь хлипкие дома и паутины проводов выглядели как огромные музейные экспонаты. А люди... они были такими... худыми. Уставшими. Потерянными. И все же живыми. Они пели, веселились, возились с детьми. Несколько ребят лет десяти играли с мячом и без вопросов приняли Кану в свою игру. Взрослые с опаской присматривались к девушке, потом кивнули и ушли в один из хлипких домов гнать самогон.

А Кана наблюдала. Белые пятна в электронном взоре «Кассандры» предстали перед ней во плоти. И, глядя на них, неспящих по много суток, Кана решила во что бы то ни стало изменить их жизнь.

Один из самогонщиков заметил приближение полиции и бросил Кане: «Если у тебя

проблемы, красotka, вали в “Мамма Вруха”».

***

— ... Поэтому, вы двое пока поживете под чутким присмотром доктора Хикари, — объявил Габриэль.

— Что? — выпалили все трое. Кана тут же постаралась вернуть себе невозмутимое выражение лица.

— Это проблема? — вскинул брови политик и задержал пристальный взгляд на Кане. На секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы она опустила глаза. — За этим куполом уже началась буря. Даже если вы выберетесь в город — вас сдует. Но я сомневаюсь, что вы пройдете хотя бы через один блокпост или лазейку. Гектор Рива всех собак натравит на след мисс Дезире. Лучше ей оставаться тут под нашим общим присмотром.

— А что насчет нашего дома? Если он простоит без нас неделю, то туда заселят новых голодранцев, — рыкнул Рем.

— Я посмотрю, что можно сделать, — невозмутимо ответил Габриэль, но Рем только усмехнулся. Скрестил руки на груди, откинулся на спинку дивана, бросил советнику испытывающий взгляд исподлобья.

— Ваша братия только и делает, что смотрит.

Кана не сдержалась и прикрыла себе рот ладонью. Этот молодой человек был либо очень смелым, либо конченным дураком. Хотя, судя по его последним действиям, не стоило ожидать от него верха рассудительности. Этот парень играл высокими ставками с самого начала их знакомства. И все же, не без уважения, Кана бы с удовольствием сейчас вlepила ему крепкий подзатыльник. Когда Дезире наклонилась к брату, девушка уже решила было, что ее желание вот-вот сбудется.

— У нас там остались все вещи, — протянула Дезире, как капризный ребенок. — У меня даже трусов чистых при себе нет.

Кана прикрыла глаза и медленно сосчитала до десяти. Потом обратно. Затем еще раз. Но желание сгореть со стыда никуда не уходило.

Габриэль же оставался невозмутим.

— Составьте список всего необходимого и передайте доктору Хикари. Укажите одежду, предпочтительные цвета, размеры, параметры, все, что угодно. Вы тоже, Рамон. Вещи вам привезут вместе с новыми трекерами. Насчет дома я договарюсь, туда никого не поселят.

— А что не так со старыми? — Рем вскинул подбородок, но на всякий случай прикрыл свой хакнутый трекер рукой. Габриэль усмехнулся.

— Мы же не хотим, чтобы доблестный инспектор уделял нам сто процентов своего внимания? Тем более, доктору Хикари для ее работы нужны абсолютно прозрачные чистые данные. А от вас вы можем их получить и узнать, как живет людям в Нижнем городе на самом деле.

— А что насчет поломок? — хмыкнул Рем.

— Нужно получить доступ к зашифрованным данным, — он взглянул на свой трекер и улыбнулся. — Подробнее я расскажу позже. Нам нужно встретить еще одного гостя. Рамон, Вас не затруднит исчезнуть из поля зрения?

— Но...

В следующую секунду на дорожке показался Гектор Рива. Молодой человек изо всех сил старался не бежать, а идти спокойно, прогулочным шагом. Челюсти у него были сжаты до

треска зубов, брови нахмурены, руки стиснуты в кулаки. Оказавшись на пороге, он проигнорировал звонок и несколько раз крепко ударил кулаком по дверному косяку.

— Молодость... — вздохнул Габриэль. — Рамон, будьте любезны...

— Этот уе...

— Не надо, — встряла Дези. — Он прав.

— Если он распустит руки...

— Я ему их вырву, — заверила его сестра и подтолкнула в сторону кухни. Дальше по коридору была комната Каны.

Как только Рем покинул гостиную, в помещение вошел Гектор Рива, обгоняя семенящую рядом Кану. Он тут же подошел к Габриэлю Тимидо, всем видом выказывая отвращение к мужчине.

— Советник Тимидо, — выплюнул он. — Вы злоупотребляете властью.

— Вот как? — весело поинтересовался Габриэль. — А Вы хотите кофе? Доктор Хикари готовит его просто восхитительно. Доктор, будьте добры.

— Пользуясь моим отсутствием, — продолжал молодой инспектор, — Вы освободили подозреваемую. Нарушительницу, находящуюся под следствием.

— А что насчет Вас? Отправили девушку в камеру, даже не проверив ее происхождение и статус. А ведь мисс Домингос-Сальва действительно приходится родственницей Реджине Домингос и...

— Она проникла на частную собственность.

— Не перебивайте, пожалуйста, — тихо попросил мужчина, но в его голосе звучала сталь. Появилась Кана с чашкой свежесваренного кофе. Габриэль настойчиво сунул напиток в руки Гектора. Тот словно не заметил.

— Я требую, чтобы подозреваемую передали полиции.

— Исключено. За девушку уже внесен залог и она находится под патронажем доктора Хикари.

Кана тут же напряженно выпрямилась. Улыбнулась.

— Мисс Дезире играет важную роль в моей исследовательской работе, — поддакнула ученая.

Гектор тут же перевел на нее пристальный взгляд, словно только сейчас заметил Кану. Он сузил глаза, всматриваясь в ее лицо.

— Доктор, — оскалился он. — Понятия не имею, что Вы делаете в этой схеме, но мне интересно... Как освобождение подозреваемой связано с исчезновением вообще всех записей с видеокamer в этом районе.

Кана оскорбленно отшатнулась, порывиста вдохнула в поисках подходящих слов. Гектор вцепился в нее хищным взглядом.

— А как насчет Вашей «прогулки» за чертой города? Тогда Вас завербовали в этот синдикат?

— Эй, красотуля, — свистнула Дези. — Ты за мной пришел, или решил докопаться до единственной женщины в рамках километра, у которой яйца поменьше твоих будут?

«Идиотка», — Рему даже пришлось зажать себе рот рукой. Но сделал он это не без восхищения. Наконец, Дези показала свое истинное лицо. Может, после этого Габриэль поймет, что их стоит отпустить в Нижний город.

— А Вам, мисс Домингос-Сальва, я напому о Вашем праве хранить молчание, — процедил Гектор. Он хотел ответить и грубее, но под ехидным взглядом Габриэля понял, что

лучше не рисковать.

Дези игриво закинула ногу на ногу и чуть наклонила голову, открывая взгляду декольте. Гектор стиснул зубы. Не хватало еще повестись на провокацию.

— Я не снимаю с Вас подозрений...

— И одежду, — парировала она. — К сожалению. Хотя, если вежливо попросите...

Гектор повернулся к Кане и смерил ее пристальным взглядом.

— Одно неверное движение или слово от Вашей подопечной, и я сделаю все возможное, чтобы она отправилась туда, где ей самое место.

— На шелковые простыни? — осклабилась Дези. Но Гектор уже круто развернулся и покинул дом. Когда его пыльные шаги зашуршали по дорожке, Габриэль Тимидо позволил себе сдержанные аплодисменты. В комнату вернулся Рамон. Глаза его были открыты чуть шире, чем пять минут назад. Кана с замиранием сердца вспоминала, что она оставила в комнате, в которую не планировала пускать посетителей.

«Черт», — подумала она, перебирая все возможные варианты под немым взглядом Рема.

— Что ж, теперь я понимаю, почему полицейские в участке просили забрать эту юную леди как можно быстрее, — вздохнул Габриэль.

— Мне нужно связаться кое с кем из Нижнего города, — сказал Рем. Веселость тут же покинула лицо Габриэля.

— Это исключено, — будто извиняясь, сказал он. — Вся коммуникация сейчас будет жестко отслеживаться.

— Там есть старый телефон.

— Вот как... — усмехнулся Габриэль. — Что ж, это меняет дело. Номер знаете?

Рем кивнул. Габриэль пообещал найти телефон в Верхнем городе.

***

Вскоре Габриэль уехал. Кана отвела своих непрошенных постояльцев на второй этаж. Там, под скатом крыши, находилась гостевая спальня с огромнейшей кроватью и собственной ванной. Хозяйка еще не успела сказать «располагайтесь», а Дези уже скинула ботинки и бросилась на подушки. Рем застыл в дверях и переводил взгляд с ученой на сестру и обратно.

— Мы постараемся не доставлять неудобств, — произнес он так, чтобы Дези точно услышала. Кана благодарно кивнула.

— О, все в порядке. Возможно, с помощью вас с Дезире я смогу узнать, как быстро организм способен восстановиться после продолжительной депривации сна.

— Я понял только слово «помощь», — развел руками Рем. Кана устало изогнула губы в улыбке.

Внешне она казалась спокойной, пока не начинала шевелиться. Стоило ей прийти в движение, и каждый жест, каждый поворот головы выдавали, до чего же ей хочется свалить из этого дурдома. Рем сделал шаг в сторону, открывая ей путь к отступлению.

— Если что, Дез смотрит все эти видео про готовку. Она может что-то сварганить.

— Да! — подала голос Дези. — Я могу приготовить суп, салат, горячее и...

— Не стоит, — выдавила Кана. — Думаю, нам всем стоит как следует отдохнуть. Особенно вам, Дезире. Вы пережили стресс.

— То же мне стресс. Вот у копов был стресс, пока они меня держали. И у Ривы стресс.

И у тебя, подруга. Тебе бы формулу освоить, а то так и будут эти мужики на тебе ездить. Попроси Рема, он тебя научит.

— Формулу?

— Глаза-горло-пах, — ответил Рем. Кана сделала вид, что поняла. Потом вымучила из себя: «спасибо, в другой раз» и скрылась на лестнице.

Когда ее шаги стихли, Дези перевернулась на кровати и внимательно посмотрела на Рема.

— Даже не надейся, что я пушу тебя на кровать.

— Очень мне нужно твое разрешение, — сказал молодой человек и бухнулся рядом. Дези подскочила и по-детски расхохоталась. — Ну, как тебе местный участок? Всех выбесила?

— Одного даже до слез довела, — хохотнула она. — На бабка наша... ты был прав. Я только постучала, а она сразу копов вызвала. Прости, Рем. Добавила я нам приключений.

— А я говорил, — хмыкнул брат и потрепал ее выбившиеся из прически кудри.

Они проговорили еще немного, пока усталость не укрыла их, как тяжелое одеяло. На середине разговора оба уснули.

А Кана, громко сипя, молотила подушку в своей комнате. На кровати рядом с ней одиноко валялся брошенный там еще накануне ярко-розовый вибратор.

Глава 12. Картина мира

Габриэль Тимидо сдержал слово, в тот же день курьерская служба привезла огромный контейнер с одеждой, обувью и вещами первой необходимости. В маленьких именных кейсах обнаружили прошитые трекеры, беспроводные наушники, а в посылку для Рема положили еще и очки дополненной реальности. Все последней модели. В Верхнем городе это был «базовый набор», но вот в Нижнем даже на деньги с продажи запчастей от таких штук можно было бы жить и горя не зная пару лет. Если, конечно, финансовая система не засечёт, что ты каким-то образом срубил одним махом кучу денег. Свой контакт Габриэль оставил только Кане, и Рем как-то не решался спрашивать, можно ли будет оставить вещи себе, когда необходимость в нем и Дези иссякнет.

«Если так подумать, нахрена ему требовать это все обратно», — заключил Рем для себя и принялся возиться с техникой. В очках работать было гораздо удобнее. Благодаря им Рем мог не перенапрягать воображение, «лабиринт», который он проходил каждый раз, вырастал вокруг него сам собой, и механик мог сконцентрироваться только на мелькавших перед глазами данных. В технике прилагались карты памяти, на которых оказались внутренние обучающие материалы, с которыми работали безопасники Лас-Риаса. Рем, конечно, предполагал, что дело серьёзное, но насколько... он не сильно интересовался этими подробностями. Габриэль только сказал, что нужно будет «построить мост на облако», то есть перегнать данные в облачное хранилище. Рем и раньше такие штуки делал, когда нужно было спрятать «лишние» выручки. Но тут явно дело было не только в чьих-то тёмных делишках.

Около суток ему понадобилось, чтобы собраться с силами и подготовиться обсудить происходящее с Каной, может, попросить девушку передать какие-то его вопросы Габриэлю. Но сделать это не представлялось возможным, потому что в их маленьком доме буйствовал настоящий ураган. Имя ему было «Дезире».

Как только пришла посылка, Дези выпотрошила ее, примерила каждое платье, размазала косметику по лицу, а когда свободное место на щеках, глазах, лбу и носе кончилось, принялась покрывать боевым раскрасом предплечья, бедра. Если бы ей хватало гибкости, она и на спине бы что-то нарисовала. И каждое движение сопровождалось довольным визгом и воплями восторга. Как будто у неё был день рождения. Кана сперва улыбалась, но общительности ей хватило на десять минут. После этого на каждый вопль Дези она дёргалась, словно у неё под ухом взрывалась граната.

Кана очень старалась быть вежливой и гостеприимной хозяйкой, как ее учили всю жизнь. Она ничего не запрещала своим гостям, чтילה их личное пространство и каждый раз, когда зубы сами собой стискивались до кровоточащих дёсен, напоминала себе, что вообще-то все обитатели этого дома — жертвы обстоятельств и амбиций Габриэля Тимидо. Но виновника этого незапланированного сожительства рядом не было, а источников раздражения было предостаточно. И Кана просто грозно сопела и поджимала губы, а потом, в ванной, яростно разминала лицо руками, прогоняя непрошенные морщины. И так изо дня в день.

Нужно отдать брату и сестре должное, они старались не мешать. Но сам факт их присутствия нарушал устоявшееся течение жизни в этом доме. Обычно Кана просыпалась, загружала свои показатели в систему, чтобы та в очередной раз напомнила девушке о ее

нереализованным репродуктивным потенциале. Потом учёная завтракала и переходила к рабочим задачам. Они, в основном, заключались в проверке почты и молитвах, чтобы городская администрация соизволила прочесть хотя бы одно из ее писем с запросом о предоставлении данных.

Как правило, в почтовом ящике царила тишина, только иногда приходили рекламные буклеты новых инициатив по сохранению редких видов животных. Или агитационные материалы об отказе от мясной продукции. «Мы научились лечить рак и СПИД, а человечество до сих пор не может договориться, есть мясо или нет», — вздыхала Кана.

После первого приступа отчаяния, следовавшего за молчанием городской администрации, Кана делала небольшой перерыв. Она читала, в последнее время что-то художественное, потому что чужие научные работы все чаще заставляли ее задумываться о бессмысленности собственных изысканий. Потом, когда трекер показывал снижение уровня стресса, она переходила к самой сложной части дня. На своём планшете она открывала самый незаметный, затянутый в самую тёмную часть экрана, файл на несколько сотен страниц текста. Ее научная работа. Ее огромное исследование, посвящённое сну и его влиянию на социальное благополучие. Кана знала наизусть каждую страницу, каждую строку. По несколько часов она могла сидеть над единственным абзацем, складывая слова в предложения. А потом тратила еще несколько дней, шлифуя полученный текст, подгоняя слова друг к другу, как фрагменты мозаики. Это была долгая и кропотливая работа, и Кана ненавидела ее почти также сильно, как любила. И этой крошечной разницы между двумя чувствами было достаточно, чтобы учёная изо дня в день открывала текст и изо всех сил старалась довести его до совершенства.

Во время работы над монографией датчик стресса и пульсометр несколько раз достигали критических значений. Кана выпивала несколько графинов кофе, потом медитировала, чтобы унять тахикардию. Затем делала перерыв: проверяла почту и читала новости. И то, и другое вызывало новый всплеск отчаяния, так что обычно, где-то в пять часов, девушка оказывалась лежащей на полу. Она обнимала прижатые к груди колени и неизменно спрашивала себя, а зачем ей, собственно, это все нужно. Эти исследования, путешествия и попытки влезть в засекреченные базы данных. Можно же было просто рисовать абстрактные картины и говорить, что это Искусство до тех пор, пока остальные в это не поверят. Или придумать сюжет для проходного веб-сериала про врачей и затянуть его сезонов на двенадцать. Из всех возможных вариантов она выбрала самый сложный путь и зачем-то шла по нему.

Потом она умывалась и, если появлялись планы на вечер, отправлялась в центр. Теперь же Кана словно стала тенью в собственном доме. Ей бы очень не хотелось, чтобы Дези или Рем увидели ее лежащей на полу в шаге от кофеиновой комы. А работать над исследованием она вообще не решалась в присутствии посторонних. Казалось, достаточно одного чужого взгляда на ее текст, и всему миру станет известно, что из-под ее пальцев вышло самое нелепое и бесполезное исследование. В общем, теперь Кана шаталась по дому, старательно исполняя обязанности хорошей хозяйки: незаметной, но вездесущей. Получалось не очень.

В первую очередь потому что любопытная Дези находила ее везде. Она очень серьезно отнеслась к отведённой ей роли ассистентки доктора Хикари. Даже выпросила у Рема планшет, чтобы вбить в поисковике существующие научные работы своей «наставницы». Кана сделала вид, что ей приятно такое любопытство и останавливать девушку не стала. Об этом она пожалела уже через несколько часов, когда Дези, с ее живым умом, составила

примерное понимание работы учёной и начала предлагать свою посильную помощь.

— Ты, значит, хочешь узнать, как мы в Нижнем городе живем? Круто-круто, тебе попался настоящий эксперт. Я знаю все, могу ответить на любой вопрос. Вообще на любой. Только сформулируй его как следует, а то я как начну болтать, меня хрен заткнешь.

— О, правда? Надо будет принять к сведению.

Где-то в углу то ли хмыкнул, то ли усмехнулся сливавшийся с мебелью Рем. За несколько дней, сожительства он облюбовал одно из кресел и большую часть времени проводил либо в нем, либо в комнате.

— А запись будет? Как в интервью? Мне можно будет не указывать какие-то имена и места? А то ртом будут траблы, ну... всякого характера. С этими штуками, — она махнула рукой с новеньким трекером. — и так жизни нихрена нет. Ну хоть микрофоны из них все-таки убрали.

— Посмотрим.

Дези и такой ответ устраивал. Она тут же находила новую тему для разговора. То рассказывала о себе, то спрашивала Кану о ее жизни на Островах. Учёная отвечала неохотно, больше в попытках свести разговор на нет, при этом не показавшись невежливой. Наблюдавший за их общением Рем только хмыкал. Складывалось ощущение, что Дези пыталась выболтать Кане все, что не мог выслушать уставший после работы брат. Хотя тут и он получил свою долю информации из уст Дезире. В первый день она в подробностях пересказывала ему свое задержание и пребывание в местном участке полиции в течении часа, а то и больше.

В какой-то момент взгляды Рема и Каны встретились. В тёмных глазах учёной застыла стыдливая, превозмогающая всякую гордость, мольба о помощи. Дези нужно было придумать занятие. Срочно. Рем понимающе кивнул.

— Дез, а у тебя не осталось контакта нашего барахольщика? Может, через него получится достать старый мобильник, чтобы позвонить Тай и передать весточку?

Дези неохотно оторвалась от своей собеседницы и бросила на Рема недовольный взгляд, кричавший: «Ну ты и зануда».

— Ты хочешь, чтобы я к нему сгоняла?

— Я этого не говорил, но идея хорошая.

— Да какого хрена?! Почему сам не пойдешь?

— Потому что Габриэль сказал мне сидеть тут и не высовываться.

Дези надула губы и скрестила руки на груди, посмотрела на Кану в поисках поддержки. Но учёная уже давно выбрала сторону.

— Если ты захочешь отправиться в центр, то у меня тоже будет к тебе небольшое поручение, — улыбнулась она мягко, невинно. — Нужно забрать кое-какие вещи из универмага.

Она даже продемонстрировала Дези список покупок на своем трекере. Девушка окинула его быстрым пристальным взглядом.

— Триптофан, мелатонин... сахар? Странный набор, — недоверчиво нахмурились она. Кана удивлённо вскинула бровь.

— Знаешь, зачем это все нужно?

— Ну, первые два — да. Они на сон влияют, — довольно улыбнулась Дези. — Моя мама... ну, то есть наша, была врачом в Верхнем городе.

— Точно, ты говорила. Тогда... сможешь забрать их? Они мне нужны для практической

части моего исследования.

— А эксперименты будут? Мне можно будет ассистировать? Я даже готова быть подопытной.

— Посмотрим, — улыбнулась ученая. Дези тут же как ветром сдуло. Она унеслась вверх по лестнице, а через секунду вернулась, уже наряженная по моде Верхнего города.

Рем хотел напомнить ей про телефон, но сестры уже и след простыл. Хлопнула дверь.

Опустилась блаженная тишина. Было слышно, как неторопливо вальсирует в лучах рассеянного электрического света пыль, оседая на полу. Кана и Рем смотрели друг на друга, как два заговорщика, старающиеся не вызывать подозрений.

Часы отпикали полдень, и поставленная на таймер кофеварка, бурча и шипя, принялась за работу. Кана поднялась, спиной чувствуя взгляд Рема. Молодой человек по ее просьбе перестал пить «витаминки», но в результате в нем открылась огромнейшая страсть к свежеваренному кофе, хоть он и старался держать себя в руках. Один раз Кана даже застала его пьющим бодрящую жижу прямо из графина. Судя по отточенности движений, делал он это не в первый раз.

— Она очень славная, твоя сестра, — бросила Кана через плечо, в надежде простой ремаркой пробить неловкое вязкое молчание.

— Кто б спорил, — хмыкнул Рем. Он вывел на планшет материалы и хаотично бегал по ним глазами. Как он ни старался, уловить суть не получалось: все выписанные формулы и алгоритмы плясали перед взглядом и распадались на символы. По отдельности понять он их мог, но когда он пытался нанизать их на одну строку, получалось месиво. Рем вздохнул, отложил планшет и надавил пальцами на закрытые глаза, пока перед взором не поползли цветные пятна.

— Вы хорошо общаетесь? — спросила Кана. Рем удивленно на нее посмотрел, так что на секунду девушка стушевалась. — Ну... не ссоритесь? У меня просто нет братьев и сестер, я не знаю... Но у моих знакомых, у кого есть, там по-разному.

— Вот и у нас по-разному. Было. Пока мама не умерла было всякое, а потом как-то унялись, ну или типа того. Теперь Дез занята работой и мозг почти не делает.

— Я соболезнаю вашей потере, — кивнула Кана. Она налила две чашки кофе, одну поставила на журнальный столик перед Ремом, а сама села на дальний край дивана. Рем снова окинул ее вопросительным взглядом, но все-таки кивнул.

— Бывает.

Он снова попытался уткнуться в планшет, и снова внимание ускользнуло с ловкостью телефона, решившего утопиться в унитазе. Рем отложил планшет и снова принялся тереть глаза.

— В чем дело? — склонила голову Кана.

— Все нормально. Просто глаза ебутся. Нихрена не могу разобрать.

Кана хмыкнула и протянула ему свой планшет с открытым пустым окном заметок.

— А попробуй написать свое имя целиком, — осторожно попросила она и протянула ему стилус. — Раза три. Можешь печатными буквами, можешь прописными.

Рем недоверчиво посмотрел на нее, но выполнил просьбу. Кана осмотрела неровную линию, завивавшуюся буквами и росчерками.

— В рамку поставишь? — хмыкнул Рем, чувствуя ее взгляд.

— Прочитай вслух, — попросила она.

— Я по-твоему не знаю, как мое имя читается? — вспыхнул молодой человек, но Кана

проигнорировала это. Она подошла к нему и присела рядом с креслом, подсунула под колени подушку и перегнулась через подлокотник. Увеличила записи Рема и начала читать.

— «Рмаон», «Ронон», «Реамн». И это только имя из пяти букв, — прокомментировала она. Рема это взбесило.

— Я ж говорю, глаза ебутся. Я за два дня выспал больше, чем за месяц. Я не пью таблетки, а эта твоя жижа вообще ни хрена не помогает.

— Нет, это дислексия, — попыталась объяснить Кана. Рем пригвоздил ее к месту взглядом.

— От этого умирают?

— Нет, насколько я знаю. Если мы не говорим о несчастных случаях и...

— Тогда похер, — отмахнулся он. — Я должен прошарить эту хрень для Тимида.

— А как ты раньше справлялся с этими задачами?

Рем неохотно достал из кармана таблетницу и потряс ею перед девушкой.

— Дело только в таблетках? — удивилась она.

— Хрен его знает, просто я могу представить, как все это работает. Без слов и букв. Я их вижу. Так они на меня действуют, вот и все, — рыкнул Рем, исподлобья глядя на Кану.

Та поднялась и, глядя перед собой, принялась ходить по комнате, каким-то чудом не путаясь в подоле своего длиннющего халата. Интересно, а другие шмотки у нее были вообще? Рем невольно поморщился, когда понял, что взгляд прилип к бледным коленкам, то и дело появлявшимся из-под плотной ткани.

— Ладно, давай... давай проверим кое-что, — предложила она, на секунду на ее губах мелькнула азартная улыбка. — Вернее, могу я попросить тебя поассистировать мне в одном эксперименте?

— У тебя Дез есть за этим, — хмыкнул Рем.

— Мне попросить ее вернуться?

— Вопросов нет, говори, что делать.

***

В этот раз все было по-другому. Дезире была не безымянной помехой в безукоризненной и правильной жизни города. Нет, наконец, у нее были документы и доступы, подтверждавшие ее право быть здесь, ходить по этим улицам. На ней были не обноски, подштопанные и подогнанные по размеру, а новые вещи, никем до нее не ношенные. Обувь была как раз, и это было самое окрыляющее чувство. Каждый шаг давался все легче и легче, Дези словно парила над землей, находясь где-то на полпути к мечте.

Да, пускай ее идея стать частью жизни в Верхнем городе благодаря бабке отправилась коту под хвост. Ей достаточно было увидеть эту маленькую ссохшуюся женщину, больше напоминавшую перебродивший лежалый чернослив, чтобы понять, что не очень-то ей и нужно такое родство. А когда сморчок в бигудях распахнула глаза так, что на дне зрачков читалось испуганное узнавание с переливами ненависти, Дези почувствовала, что ее идиллическая картина воссоединения семьи разбилась на сотню осколков. Ну и ладно! Будь у нее больше времени, она бы и правда перевернула ей всю квартиру и разбила пару ваз, чтобы обвинение соответствовало реальности.

Стоило ей вспомнить эту короткую встречу, мышцы налились силой. Дези стремительно неслась по улицам города, то и дело сверяясь с навигатором. Магазин, в котором Кана сделала заказ, находился в центре, недалеко от улицы, где располагался «Old

Fashioned». Магазин товаров для здоровья удобно втиснулся между спортивной студией и магазином одежды, напротив была смотровая площадка, с которой открывался вид на жилые кварталы, искусственные джунгли, крыши и трамвайные пути. Дези сама не заметила, как встала у стеклянного ограждения и на несколько минут просто застыла. Память балансировала где-то между «здесь и сейчас» и видом, который открывался, когда на трамвае едешь в Фундо. Вот только здесь, как высоко ни заберись, не увидишь ни песчаных дюн, ни алеющего заката. Взгляд упирался в бесконечный стеклянный свод, сложенный из треугольников, между которыми текли потоки желтоватого электрического света. Интересно, сколько стекла понадобилось, чтоб сконструировать такую биосферу? В груди заворчалось что-то вроде тоски по Нижнему городу, знакомым улочкам и испепеляющему солнцу. Дези тряхнула головой, напоминая себя, что на Нижний город сейчас со всей яростью обрушивается ветер, срывающий крыши с домов и несущий вихри песка.

— Наслаждаешься видом? — раздался насмешливый голос над ухом. Дези вздрогнула. В шаге от нее стоял Гектор Рива. Он сунул руки в карманы и изо всех сил старался казаться расслабленным, вот только напряженные плечи и сжатые челюсти выдавали его с головой. Дези поджала губы.

— Что, инспектор, работа закончилась, как меня освободили? Больше преступников в городе не осталось?

— Ты — моя основная работа, — процедил молодой человек. Сделал глубокий вдох, будто эти слова потребовали от него всех внутренних сил.

— Боже мой, ни один мужчина не говорил мне таких слов, — повела плечами девушка и улыбнулась. — Еще пара таких фразочек, и я предложу тебе уединиться.

Гектор поджал губы, бросил взгляд в сторону и тут же снова впился им в лицо Дези. Что он ожидал увидеть? Страх? Не на ту напал.

— Не думай, что Тимидо сможет защищать тебя вечно, — затянул снова Гектор. — Что бы ты для него ни делала, как только ты перестанешь быть нужной ему...

— А ты ревнуешь? — усмехнулась Дези. — Сможешь защитить меня лучше?

— Я не...

Он не успел договорить, она сделала шаг в его сторону, уничтожая разделявшее их расстояние. Встала вплотную к нему, так что он кожей мог почувствовать тепло, которым ее напитало солнце Нижнего города.

— Ты симпатичный, — сказала она тихо-тихо, с удовольствием наблюдая, как лицо и шея молодого инспектора покрываются красными пятнами. Она наклонилась еще ближе. — Жаль, что у тебя проблемы с самооценкой. Но это часто бывает у мужчин, которые растут без отца. Так говорят ученые.

На секунду его лицо перекошило, и Дези едва сдержалась, чтоб не рассмеяться. В Нижнем городе это никого бы не задело, там родители либо сваливали, либо умирали. Над этим только и оставалось, что ржать. А в следующую секунду Гектор схватил ее за плечо. Несильно. Просто удерживая на месте.

— Не испытывай мое терпение, Дезире, — процедил он. — Мое хорошее отношение не безгранично. Если у тебя есть рабочие извилины, то ты должна бы ценить это.

— Ой, простите-извините, — закатила глаза Дези. — То есть это ты сейчас меня так вежливо просишь? Как это... выказываешь симпатию?

— Насколько хватает терпения, да. Проявляю гуманность, если тебе о чем-то говорит этот термин.

— Понятия не имею, — пожалала плечами Дези, высвобождаясь из его хватки. — Это то, что в шоу называют «сотрудничать со следствием»? Этого ты хочешь?

— Понятливая девочка, — уголки его губ на секунду вздрогнули в подобии улыбки. — Это было бы славно. Да и тебе лишним не будет иметь друга-копа в Верхнем городе.

— О, то есть мы можем стать друзьями? — хмыкнула она.

— Все зависит от тебя.

— Тогда будь другом, помоги донести покупки из магазина, — сказала она и, круто развернувшись, направилась к подсвеченным витринам.

***

Рем ожидал чего угодно: шприцы, уколы, даже клизму. Но Кана сперва поставила перед ним планшет с огромным текстовым файлом. Если распечатать, то можно было этой писаниной стены с двух сторон обклеить.

— Это что?

— Это соглашение, — она мотнула файл вниз, к крошечной графе для подписи. — Я не могу ничего сделать, пока нет подтверждения, что все происходит добровольно.

— А что ты собираешься делать? — откашлялся он.

— Мне нужно, чтобы ты съел таблетку, а я измерю активность твоего мозга. Посмотрим, как таблетки влияют на дислексию. Ну и на другие процессы в организме. Если ты не против, я бы хотела получить еще доступ к твоим показателям сердца и еще нескольких систем.

Молодой человек только фыркнул и быстрым движением поставил росчерк в конце документа.

— Фигня какая. Сколько ж нужно подписей поставить, чтоб аппендицит вырезать. Или там... почку...

— Зависит от того, насколько это легально, — пожалала плечами Кана.

Она замерила его показатели после почти двенадцати часов сна и кивнула, разрешая проглотить белую сладковатую «витаминку». Затем синхронизировала свой планшет с его трекером и принялась рассматривать поскакавшие по экрану цифры. Рем сидел неподвижно, чувствуя, как желудок сжимается вокруг таблетки. Бурлили китовыми песнями остатки кофе. Ощущения были так себе. Потом сердце знакомо пропустило удар и зашлось снова, руки на несколько секунд пронзила дрожь, а потом они стали привычно-подвижными, перестали и вовсе трястись, как два идеально отлаженных механизма. Кажется, даже дышать стало легче и вес тела перестал ощущаться.

Кана нахмурилась, глядя за цифрами.

— Что там?

— Странность, — хмыкнула она и показала Рему планшет. Цифры складывались в длинные стройные графики, они тянулись нитями через весь экран, то и дело завязываясь узелками. Потом их движение замедлилось, графики стали меняться все меньше и меньше, пока не пришли к стабильности. Кана еще раз ткнула на экран — всплыла картинка мозга с подсвеченными извилинами.

— Я в этом не силен, я больше по ПО.

— Смотри, — она ткнула еще в одно окно. Появилась схемка таблетки. — Я разложила ее на химический состав. Ожидала увидеть наркотики или что-то стимулирующее, но ничего подобного. Это просто сильно сконцентрированные витамины и микроэлементы, они работают как нормальные витамины, только сильнее и быстрее. Не вызывают привыкания.

Даже вот... никак не воздействуют на систему мотивации и награждения или кору головного мозга. Никакого состояния искаженного сознания или изменений восприятия.

— Ну и...?

Она снова попросила его написать свое имя в новом окне. Рем справился безукоризненно.

— Не понимаю. Там есть кофеин, немного хрома для угнетения аппетита, фруктоза для стимуляции...

— Да хрен его знает. Тебе это важно вообще? — нахмурился Рем. — Если надо, чтоб я жрал эти таблетки, ну, значит буду. Хрен ли делать?

Кана продолжала смотреть в экран. На мониторе «Кассандра» вырисовывала график прогноза показателей здоровья.

— Ну что там?

Тяжелый вздох вместо ответа.

— Что? — стиснул зубы Рем.

— Все... странно. В общем, долгосрочный постоянный прием может привести к износу организма, как... очень тяжелые наркотики. К тому же угнетение репродуктивной функции, нервной системы, риск развития диабета. И это только навскидку. Как ты...? У тебя нормальные показатели.

— Работа вчерную, — хмыкнул Рем. — Риска для здоровья меньше, если не учитывать высоких шансов умереть в перестрелке с полицией.

Кана покачала головой.

— Тебе нужны данные тех, кто работает на плантациях и в других биосферах, — добавил Рем. — Мы с Дез везучие.

— Это точно, — кивнула она. Открытие расплзлось по телу едкой тревогой. Во рту стало горько. Еще и захотелось тут же написать Тимидо, рассказать о наблюдении.

— Да ты не психуй, — только и смог сказать Рем. — В Нижнем ранняя смерть — не проблема. Уже привыкли. Надо будет сказать Тай, чтоб завязывала с этой дрянью.

— Кому?

— Тай. Это моя... ну, ты ее видела. Блондинка такая. Жрет эти таблетки только в путь.

Кана кивнула. Рем тряхнул рукой с трекером, прерывая соединение. Экран затемнился, а ученая все равно продолжала смотреть в свое отражение на темном стекле.

— А ты никогда не хотел дожить до старости? — спросила она. На Островах это было главной целью каждого жителя. Тысячи людей старались поддерживать свое здоровье, чтобы ходить на работу, нянчить внуков и детей, вносить свой вклад в жизнь общества. Рем присвистнул.

— Хрен его знает. Чего мне там делать? Глаза уже не те, из жопы песок сыпется, руки дрожат. Ты видела наших стариков?

Кана помотала головой.

— Вот и я нет. Они нахрен никому не нужны. Молодые тоже не очень, но хоть сколько-то. А какой смысл? — он почесал голову, словно пытаясь докопаться до какой-то сложной и очень важной мысли. Но сказал только. — Ну, нахрен.

И поднял с подлокотника свой планшет. Открыл страницы и принялся читать. Теперь информация лилась к нему в мозг прямым мощным потоком. Он прикрыл глаза, представляя открывавшуюся ему картину мира. Лабиринты системы, по которым он бродил последние годы, отдалялись, превращаясь в светящиеся точки в бесконечной темноте. Система

мониторинга, финансовая система, система безопасности, базы данных сверкали, как россыпь звезд. Если присмотреться, можно было разглядеть, что это мерцание — быстрая смена данных. А в центре была огромная пульсирующая звезда — «Кассандра». И от каждой системы к ней лились огромные потоки данных, а она поглощала их, преобразовывала в новую картину. В будущее. Это было так грандиозно, что у Рема даже перехватило дыхание. Словно он впервые взглянул на небо и осознал, что жизнь течет во всем мире, а не только в его голове и теле, отбиваемая ударами сердца.

Он так и сидел, пока Кана не поставила перед ним чашку зеленоватой водички. Рем отвлекся от игры фантазии.

— Что это?

— Чай. Поможет успокоить нервы, — сказала она. — Ты как-то странно завис.

— Бывает, — хмыкнул он и сделал глоток. На языке и зубах осел зеленый налет, на вкус отдававший чем-то прелым. Рем скривился.

— Это полезно, — сказала Кана.

— Ага. Про «витамишки» нам также говорили, — усмехнулся Рем. — Права была ма, когда говорила жрать их поменьше.

— Она была хорошей женщиной? — улыбнулась Кана. Рем пожал плечами.

— Слегка без башни. Ну, мы в нее вместе с Дез. А так да, всегда всем помогала, чего бы ей это ни стоило, — сказал он, чувствуя, как под ребрами завязывается тоска.

— А ваш отец?

— Умер, — быстро ответил Рем и погасил экран.

Моргнули часы. День уже обернулся вечером, над городом начали сбавлять освещение. Кана, очевидно, хотела спросить что-то еще, но дальновидно промолчала. Она открыла файл с текстом своей книги и принялась бродить по строчкам взглядом, то убирая, то добавляя слова. На счетчике то и дело менялось количество символов и строк. На секунду Кана выделила весь текст, сотни страниц, и задержала пальцы над всплывшей командной строкой. Взгляд застыл на кнопке: «Вырезать». Тягучий соблазн закрутился под самыми кончиками пальцев. Вот так просто сносишь все подчистую, и дело с концом. Уничтожаешь все файлы из памяти, облака и корзины, и начинаешь с чистого листа жизнь, никак не связанную со словами. Просто живешь изо дня в день и несешься в будущее, не задумываясь о том, какой след останется после тебя среди сотен тысяч отпечатков чужих жизней. Так легко...

Она увела руку в сторону и встряхнула головой. Сняла выделение и провела пальцами по волосам. Рем проводил это движение взглядом, но ничего не сказал.

Кана отлистала текст к неоконченной главе, над которой сидела уже месяц, и снова погрузилась в хитросплетение слов. Она наклоняла голову то вправо, то влево, подносила к губам чашку с кофе и тут же отставляла в сторону, не сделав и глотка. В конце концов от перенапряженной позы начало тянуть спину и плечи. Девушка откинулась назад и уткнулась взглядом в потолок. Хотелось уснуть, чтобы день наконец прошел.

— А что тебе снится, когда ты спишь? — неловко шевельнула губами ученая.

— А?

— Тебе же что-то снится, когда ты спишь, — попыталась объяснить она.

— Вроде да. Хрен его знает.

— Кажется, ты придумал универсальный ответ на все случаи жизни, — усмехнулась девушка. Рем только фыркнул.

— Я не тот человек, с кем можно философствовать. Если хочешь потрепать, дождись Дези.

— Но я спросила тебя. Если не хочешь — можешь не говорить.

— Да мне не жалко, — неохотно поморщился Рем, усаживаясь поудобнее. Он на мгновение прикрыл глаза, возвращая воспоминания о снах. — Обычно нихрена мне не снится. Ты просто закрываешь глаза, чтобы через несколько часов проснуться, как с похмелья. Еще во сне может вертолетить, но снится в основном одно и то же: как укладываешься в кровать и все никак не можешь отрубиться. Как будто тебе дали треугольное одеяло. Либо еще какая-то хрень.

Он усмехнулся своей же истории и перевел взгляд на Кану, фиксирующую что-то на планшете. Было так забавно, так... непохоже на Тай. Стоило ему замолчать, и в комнате смыкалась тишина. А вот если он говорил с Тайнарой, то она не успокаивалась, пока не вставит свое мнение и опыт по любому поводу.

— А что снится богачам? Смысл жизни, наверное.

— Ну, мне в кошмарах снится моя книга, — смущенно улыбнулась Кана, в очередной раз гася экран планшета. — Ты... любишь книги?

— А я похож на задрота по книгам?

— Тоже верно, — дернула плечом она.

— Но твою я бы прочитал. Наверное. О чем она?

***

— Ну, как тебе наша прогулочка? — хмыкнула Дези, глядя на Гектора поверх плеча. Честно сказать, молодой инспектор ее удивил. Либо же она просто слишком привыкла общаться со сверстниками, которых легко взять на слабо и заставить исчезнуть в закате парой фраз. Гектор Рива со спокойствием буддистского монаха позволил Дези сгрузить ему в руки контейнер с заказом Каны. Дезире этого показалось мало, и она решила прогуляться с ним по центру, заглядывая в витрины каждого магазина. Рива тенью следовал за ней. У Дези с собой было несколько сертификатов, присланных Тимидо, так что она решила воспользоваться шансом и прикупить что-то на них.

— Вспомнил, почему у меня нет отношений, — хмыкнул Гектор после посещения очередного магазина.

— Потому что ты не хочешь ни к кому привязываться? — с наигранной наивностью хлопнула глазами Дези. Инспектор улыбнулся одним уголком губ. — А ты сразу понял, что я из Нижнего города?

— Где-то на пятой секунде, — кивнул он.

— Что меня выдало?

— Вообще все, — хмыкнул молодой человек. — Девчонки в Верхнем городе, да и в целом люди, по сторонам не смотрят. И уж точно не пялятся на Башню Бедняков.

— А ты пялился.

— Это личное.

— Твой отец погиб в том взрыве, я знаю. Это не такой уж и секрет. Ой!

На мгновение лицо Гектора перекошило, а в следующую секунду он схватил Дези за шиворот и дернул на себя. Девушка впечаталась боком в острый край коробки, а щекой — в пропитавшийся парфюмом пиджак. Велосипедист со звоном и свистом пронесся мимо нее,

что-то крича на ходу.

— Спасибо, — сказала она, отстраняясь. Гектор только тяжело вздохнул.

— Если уж смотришь по сторонам, то смотри в оба.

— Есть!

И она выпучила глаза, принялась водить головой из стороны в сторону. В толпе мелькнуло знакомое лицо: стянутые в зализанный хвост волосы, шелковый костюм-пижама, веселенькие резиновые тапочки. Девушка еле сдержалась, чтобы не окликнуть Гато. Рива и так заметил перемену в ее лице.

— Друзей увидела? — он скользнул взглядом по толпе.

— Нет. Я... У меня никогда такого не было, — она ткнула пальцем в сторону витрины.

Там стоял с десятков стеклянных манекенов различных форм и размеров, слегка прикрытых обрезками кружева, сетки и тканевых лент. Рива ничего не сказал, только слегка вскинул брови, а затем усмехнулся, принимая вызов. Девушка тут же схватила его под локоть и отбуксировала к магазину.

— Вот вроде на разных фигурах показали, а мне один хрен непонятно, как это все будет на мне смотреться, — выдала вердикт девушка после нескольких секунд созерцания манекенов. Рива еще думал, как простыми словами объяснить термин «инклюзивность», а Дези уже переключила внимание на ярко-розовый комплект белья. — На нем дырок, как на ношенных мужских труханах. За что столько денег?

— Ценность наших изделий формируется из уникального сочетания редких натуральных тканей, экологичного производства, а также способности каждого предмета подчеркнуть индивидуальность его обладательницы, — протараторил появившийся на ближайшем экране бот-консультант. Голос переавтотюнили, а по внешности вообще нельзя было определить, мужчина это или женщина. Гектор усмехнулся.

— Это цифровой помощник, можешь обращаться к нему как угодно, не обидишь.

— О, спасибо, — хмыкнула девушка. Хоть она и была одета, но в полупустом магазине, в окружении трусов, лифчиков и каких-то остатков ткани и никток, она чувствовала себя даже более голой, чем манекены на витрине. Цифровой помощник смерил ее неподвижным взглядом и тут же показался на другом встроенном в стену экране.

— Учитывая ваши пропорции и размер груди, вам могут подойти следующие модели, — он взмахнул рукой, и на экране повисли пестрые картинки. — Планируете романтический вечер или посещение секс-вечеринки? Обратите внимание на сет с доступом. Сэкономьте время для нужных телодвижений.

За механическим голосом следовал соответствующий видеоряд. Подсвеченные красным силуэты, изгибающиеся, переплетающиеся, запрокидывающие головы. Дези покраснела до корней волос и резко развернулась, на ходу бросая: «Закажу онлайн». Рива, посмеиваясь, вышел следом.

— Вот уж не думал, что смелую девушку из Нижнего города можно напугать рекламой эротического белья, — в уголках его глаз весело блеснули выступившие от сдавленного смеха слезы.

— Да блин, — насупилась Дези. — Я просто не понимаю, какой в этом смысл? И в этих вечеринках? У вас что, тоже не хватает времени, и вы идете в клубы трахаться с кем попало? Я думала, так только у нас.

— Не сравнивай, это другое. Это... социально приемлемая практика, направленная на расширение чувственного опыта.

Дези остановилась и смерила Гектора пристальным взглядом. Потом указала на магазин.

— Вот иди, и фразы свои умные роботу тому говори. Ему явно нужен собеседник, — фыркнула она. Вместо ответа молодой человек запрокинул голову и рассмеялся быстрым, стрекочущим смехом. Дези поджала губы, пытаясь не поддаваться этой заразной улыбке. Весь ее роковой образ распадался на куски.

Они дошли до трамвайной остановки. Гектор то и дело тихо посмеивался, Дези дулась. Когда трамвай показался из-за поворота, Гектор передал ей коробки и сказал:

— Раз уж ты тут надолго, сходи там... в музей или в библиотеку. Культурный досуг себе устрой. На вечеринку, в конце концов. Что время зря терять?

— О, это тоже жест доброй воли?

— Вроде того, — кивнул он и взглядом указал на открывшиеся двери трамвая. Дези махнула рукой и, перехватив покрепче коробки, плюхнулась на свободное место. Рива уже развернулся и растворился в толпе.

Дези усмехнулась и принялась обшаривать коробки и карманы. Не зря же она столько шпионских фильмов смотрела. В одном из них она нашла маленький, с монетку, плоский приемник с едва заметным микрофоном.

«Идиот, — хмыкнула она и бросила «жучок» под сиденья. — И кому тут нужен культурный досуг?»

Глава 13. Спикизи

Иногда случаются ситуации, когда благоразумное молчание — самое лучшее решение. Ты просто хранишь какой-то факт и историю в глубине своей памяти, пока она не поглотит все подробности, так что в конце концов воспоминание перестанет тебя тревожить, подпитывать злостью, самоуверенностью или гордостью. Дези знала, что о странном вечере в компании Гектора Ривы говорить брату не стоит. Рем и так был как на иголках, к тому же у него снова сбился ритм сна, из-за чего брат стал нервный, дерганый. И все же, несколько дней спустя, за ужином, она проболталась. Просто к слову пришлось, что Рива пытался подложить ей жучок, а она его перехитрила. И тут началось.

Никто не хотел устраивать скандал, особенно в присутствии Каны. Ради нее брат с сестрой из кожи вон лезли в попытках выглядеть как нормальные люди. Но что-то пошло не так. Возможно, дело было в самой Кане Хикари, которой приспичило встрять в разговор со словами: «Давайте не будем ссориться». Кого-нибудь хоть раз остановили эти слова? Как бы того ни хотела Кана, ее попытки успокоить их только ускорили процесс. Рем сразу распознал в интонациях молодой ученой женскую солидарность, почувствовал себя загнанным в угол и принялся отстаивать свою правоту с удвоенной силой.

— Ты просто неразумный эгоистичный ребенок! — рычал он, а руки тряслись от желания один раз дать Дез хороший подзатыльник, чтоб мозги на место встали. — Сильно взрослой себя почувствовала? А о других ты подумала?

— Да ты просто смириться не можешь с тем, что я могу справиться без тебя! — огрызалась в ответ Дези.

— Если б могла справиться, то здесь бы мы не оказались. Я жопу свою подставил, чтоб тебя вытащить. И клуб. И Тай. А ты, ебнутая, думаешь, что все пиздец как удачно сложилось! Можно еще в какую-нибудь залупу залезть, адреналина хлебнуть.

— Я не просила меня спасать! Не перевешивай на меня ответственность за свои решения.

Это стало последней каплей. Рем рванулся вперед, занося руку. Дези взвизгнула и сжалась, выставляя предплечья. Разум включился на долю секунды, и Рем успел чуть развернуть корпус, чтоб ладонь ударила не по Дези, а по стенной балке. Прямо рядом с панелью управления. Дом отозвался на незаслуженную пощечину миганием света.

— А ну перестаньте! — скомандовала Кана. Брат с сестрой оглянулись на нее, в глазах обоих плескалось: «а ты вообще заткнись». Но они сдержались. Снова схлестнулись взглядами. Первой сорвалась Дези.

— Я хочу домой! — бросила она и пулей метнулась на второй этаж. Громыкнула дверь. Об пол грохнула кровать. Потом повисла тишина. Рем стиснул зубы и сделал глубокий вдох. Напряжение закручивалось под кожей, пронзало мышцы электрическим током. Мозги горели, а по языку растекался металлический привкус крови. Он стиснул зубы так сильно, что челюсти заныли от боли.

С трудом он перевел взгляд на Кану. Та стояла одним коленом на диване, словно готова была в ту же секунду перемахнуть через спинку и ударить его подушкой, в которую вцепилась побелевшими пальцами. Вот только воинственность в ней сменилась страхом, переродившимся в крупную дрожь, которую ученая никак не могла унять.

Она поправила выбившиеся из хвоста волосы и села на диван. Сложила руки на коленях.

— Если ты хочешь поговорить об этом...

— Нет, блядь, — выплюнул Рем и тут же стиснул пальцами переносицу. Взгляд уперся в рисунок пола. Еще один тяжелый вдох. — Извини. Тебя это вообще не должно было...

— Все в порядке.

— Хрен там, — буркнул Рем. Он подался вперед корпусом, как будто его вот-вот вырвет, а потом сделал шаг, другой и позволил ногам отнести себя в коридор. Обулся, накиннул на плечи куртку.

— Габриэль сказал, чтобы ты оставался тут, — напомнила Кана. Ей хватило мозгов не настаивать. Она и сама чувствовала себя некомфортно рядом с взбешенным мужчиной. Рем только смерил ее испытывающим взглядом, а потом шагнул за порог.

Чуть не сказал: «присмотри за этой дурой», но Кана в няньки им не подряжалась. Дези была полностью под его ответственностью, а он нихрена не справлялся.

Лицо облепил влажный воздух, плотный, вязкий. Такой, что им можно было подавиться. Не то, что в Нижнем городе. Там в это время года он был сухой, холодный, вонзался в нос и горло тысячами мелких иголок и рвал кожу больно, но не до крови. Рем провел под стеклянным куполом почти неделю, и то и дело ловил себя на мысли, что скучает. Ему хотелось снова пройтись по подворотням среди низких домов, раскурить самокрутку в темном переулке рядом с клубом. Быть абсолютно незаметным под покровом темноты, даже если на соседней улице во всю силу пульсирует жизнь. Тут было все наоборот. Даже на пустой аллее не находилось спасительного одиночества: с каждого столба на него смотрели камеры, а рассеянное ночное освещение, хоть и мягкое, обеспечивало прекрасную просматриваемость. Куда ни пойдешь — везде как на ладони. И ведь ему даже не дали прошить трекер, чтоб спрятаться от электрических глаз камер.

В груди зашевелилось желание плюнуть на все, сесть в первый трамвай и доехать до парка с фонтаном. Пролететь через стену, пробраться через искусственные джунгли и добежать до «Мамма Вруха». И будь что будет.

Докрутить эту мысль он не успел, трекер завибрировал, пропуская звонок. Рем сбросил вызов. На том конце кто-то решил во что бы то ни стало его допечь.

— Алло? — без энтузиазма ответил молодой человек и воткнул наушники в уши.

— Рем, дружище, — раздался голос Габриэля Тимидо. Его не надо было видеть, чтоб понять, что его физиономия опять рассечена несходящей улыбкой до ушей. — Кана сказала, ты решил прогуляться.

— Ну типа, — скрипнул зубами Рем, изо всех сил сдерживаясь, чтоб не вывалить Тимидо все, что он думает по поводу их договоренностей и ограничений. Струнка здравого смысла умоляюще звенела, напоминая, что политик крепко держит его за яйца. — Слушайте, я...

— Я все прекрасно понимаю, — рассмеялся в микрофон Тимидо. — Сидеть в четырех стенах рано или поздно надоест. И к тому же я как раз хотел пригласить тебя составить мне компанию в центре.

— Зачем?

— Это не телефонный разговор. Адрес скину.

И отключился. Через секунду на трекер пришла геолокация, умный гаджет тут же проложил маршрут. Вверху экрана высветилось еще одно сообщение: «Слышал когда-нибудь про speakeasy?»

***

Рему, конечно, доводилось уже бывать в Верхнем городе, когда они только начинали работать с Тай. Но управляющая быстро поняла его характер и в самый центр Рема не отправляла. Максимум, на окраину, поближе к стене, забрать оставленные барахольщиками клады. Так и говорить ни с кем не нужно, ни смешиваться с толпой. Как в воду глядела, знала, что в окружении манерных и пафосных жителей города он потеряет всякую власть над собственной мимикой. Центральная улица с ее кафешками и променадом, где со всех сторон слышалось приторное «чмоки-чмоки» и легкое раскачивающее воздух «туц-туц», вызвала у Рема рвотный рефлекс. Только жадность не позволяла ему оставить посреди улицы содержимое желудка. А еще хотелось взять всех этих манерных, винтажных, завернутых в оверсайз и искусственную кожу, и каким-то волшебным образом перенести их в Фундо, окунуть за волосы в разрывающее ночь техно и пьяный угар. Чтоб поняли один раз, нормально, что такое веселье и тусовки. А не эти их потуги с осознанностью в глазах.

От окружающих его недовольная мина тоже не ускользала. Шедшие навстречу парочки и компании позволяли себе подолгу всматриваться в его перекошенную физиономию, провожать взглядом, вскидывать брови. Правда, большинство отшатывалось от него, как от прокаженного. Кто-то даже спросил про какой-то хренов «вайб».

Он прошел всю улицу, пока трекер не пикнул, напоминая о повороте. Рем встал на месте и повернулся вслед за переливающейся стрелочкой. Перед ним был закрытый бар, на вывеске красовалось: «Old Fashioned». Рем застопорился буквально на секунду, а через мгновения дверь с вывеской «закрыто» распахнулась, и на улицу, озираясь по сторонам, вышел мужчина в компании девушки, на ходу запахивавшей плащ, под которым не было ни клочка одежды. Рем хмыкнул и, пока дверь не закрылась, проскользнул внутрь.

В зале было темно, а на полу у дальней стены плясали отсветы желтого, красного и фиолетового цветов. Рем двинулся на свет и оказался перед еще одной дверью, скрытой за тяжелой бархатной шторой. Он осторожно отодвинул ткань и постучал. Дверь открылась, весь проем занял собой громила, достававший бритой головой до потолка. Он скрестил руки на груди и смерил Рема тяжелым взглядом.

— Ну?

— Я к Габриэлю Тимидо, — ответил Рем, изо всех сил стараясь скрыть неуверенность в голосе. А в голове на адской карусели катались мысли о всех возможных увечьях, которые ему может нанести этот здоровяк. Тот лениво шевельнул бровью.

— Мне платят за конфиденциальность.

— Так и у меня дело конфиденциальное.

— А приглашение есть?

Рем замялся и похлопал себя по карманам. Здоровяк закатил глаза и схватил Рема за запястье с трекером. Поднес его к считывателю. Маленькая коробочка моргнула зеленым и одобрительно пикнула. Здоровяк отступил в сторону, позволяя Рему пройти дальше в залитый алым светом клуб.

Под заведение был отведен целый этаж. Пространство разделили перегородками, которые хрен вообще знает зачем были нужны — это были просто прозрачные стенки, не скрывавшие никого от любопытных глаз. Каждый вошедший мог увидеть всю начинку клуба сразу: подсвеченную фиолетовым стойку с коктейлями, мягкие пуфы, сцены, помосты, подвешенные к потолку обручи, петли, кровати. И повсюду извивались девки и парни. Стонали, запрокидывали головы, щипали себя за соски, размахивали ногами, закованными в

острые каблуки. А достопочтенная публика — мужчины в костюмах, женщины с трехэтажными прическами — с пресными минами ходили мимо этих тел и что-то обсуждали полусшепотом. Рем, конечно, привык к «Матта Вруха» и зажимающимся по углам парочкам, но тут все было на каком-то другом уровне. То ли показуха, то ли шоу.

Над спинкой одного из диванчиков он заметил седоватую голову Габриэля Тимидо. Мужчина потягивал напиток из низкого стакана и склонял голову то к одному, то к другому плечу, пока на журнальном столике перед ним две девчонки ласкали друг друга, периодически выгибаясь так, что вот-вот должен был раздаться треск вылетающих позвонков. Через невероятное усилие Рем заставил себя оторвать взгляд от этого представления. Откашлялся, привлекая внимание Габриэля. Тот повернулся к Рему, и в его глазах плескалось облегчение, словно молодой человек избавила его от мучительной пытки скукой.

— А, ты быстро, — он тут же поднялся со своего места и пожал Рему руку. Тот только растерянно кивнул и уселся вслед за Тимидо на диванчик. В задницу вонзились несколько пружин.

— Как-то неожиданно, что в Верхнем городе есть такое место, — хмыкнул Рем. Габриэль довольно кивнул.

— А где их нет? Индустрия развлечений — древнейшая из индустрий. Живуча, как само человечество. Как бы мы ни пропогандировали экологичность, заботу о здоровье населения и прозрачность цифровых систем, люди все равно будут хотеть напиваться до поросячего визга и втайне от других трахать все, что нравится.

— Не могу осуждать, — пожал плечами Рем. Тимидо тут же изменился в лице.

— В этом твоя главная проблема, дружище. Ты не осуждаешь, хотя можешь и должен. Имеешь полное право. В этой комнате собрались люди, которые своими решениями обрекли тебя и твоих близких на жизнь в трущобах. На ужасную и тяжелую жизнь, в которой главное преимущество — ранняя смерть. Они по какой-то причине решили, что ты и твои друзья — хуже них, мол, у вас царит разврат и антисанитария, самоуничтожение. А сами хлещут алкоголь и трахаются с кем-попало. Разница лишь в том, что все это здесь в пару десятков раз дороже, чем в Нижнем городе.

— А в перерывах еще умудряетесь говорить о том, как это несправедливо, — скривился Рем и взглянул Габриэлю в глаза. — Вот только мне похер. Хоть переобитесь тут все.

Хорошенькая официантка в латексном платье, еле переставляя ноги из-за узкой юбки, подсеменила к ним и поставила перед Ремом стакан с чем-то прозрачным и пузырящимся.

— Это настоящий хороший алкоголь. Вряд ли ты такой попробуешь в Нижнем городе.

Рем пожал плечами и сделал глоток. В нос ударил едкий плотный запах, по языку раскаталась горечь. Молодой человек поморщился, но промолчал.

— Вам не стоит так громко говорить тут о Нижнем, — отметил он.

— Здесь, как раз, можно все. В этом и суть этого места, — хмыкнул Тимидо. — В свое время тут было полно людей из Нижнего города. До случая с Башней Бедняков.

Он залпом осушил стакан и щелчком пальцев подозвал несчастную ковыляющую официантку. Пока она меняла напиток, Тимидо снова уперся взглядом в извивающиеся на столе тела. Он заговорил куда-то в пространство, и Рем не сразу понял, что политик обращается к нему.

— Когда Кана рассказала мне о тебе, я подумал, вот он! Герой своего времени! Человек, готовый бороться с несправедливостью, защищать свои идеалы, представлять свое

сообщество. Но ты, оказывается, просто конформист. Тень, растворяющаяся в других тенях. Можешь как-то посуетиться, но когда грянет шторм — ты не выйдешь ему навстречу, а спрячешься вместе со всеми.

— Как-то дохера метафор, — буркнул Рем. Тимидо только сдавленно усмехнулся. — Вы как-то не очень всекаете, по каким правилам живет Нижний город.

— Я как раз все понимаю. И я знаю, что Нижний город — это дремлющий дракон, которого опоили наркотиками и заставили думать, что он ручная собака. Стоит дать ему немного времени, чтобы отдышаться и осознать происходящее, и он сорвет с себя все цепи. История уже знает такие случаи. Ему нужен просто... вестник. Лидер, который поведет за собой.

— Кажется, это называется подстрекательством, — поджал губы Рем. Тимидо чуть закатил глаза.

— У тебя есть потенциал, Рем. Жаль, нет никаких идеалов. Будь в тебе больше огня, нам было бы о чем поговорить. Неужели ты никогда не хотел сделать что-то значимое в своей жизни?

— Хрен его знает. Сейчас просто жить — уже дохера, — пожал плечами молодой человек.

— Да ты у нас философ! И все-таки я хочу расшевелить твои мозги еще больше. Понять, а есть ли смысл в том, что я делаю. Видишь ли, я хочу предложить твоим людям достойную жизнь. Здесь. Медицину, образование, нормальную работу. Ты говоришь, что в Нижнем городе есть жизнь, но что будет, если большую часть рабочих заменят машинами. Сколько один человек может протянуть на пайке, в котором таблеток больше, чем еды?

— Ну...

— Вот именно. Это новый план губернатора Никколо. Он преподнесет его, конечно, в куда более мягких формулировках. Завернет в общественное благо и прогресс, и его изберут на еще один срок. Я не мог больше с этим мириться, поэтому организовал свою партию. И я хочу понятным языком донести до Верхнего города, что мы с вами не слишком уж отличаемся. И для этого мне нужен ты.

— Ну, я ж уже согласился.

— Нет, Рем. Мне не нужен ослик, который идет туда, куда его поведут. Мне нужен человек с горящими глазами и сердцем. У которого есть цель и ощущение правильности того, что он делает. Мне нужен настоящий ты. Человек, который наплевал на все условности и отправился в Верхний город, несмотря на запрет. Только так у нас получится достичь цели.

— Вы меня позвали, чтоб мозги полоскать, — устало констатировал Рем. Тимидо это не обидело, на удивление.

— Критическое мышление у тебя работает. Это приятно, — усмехнулся он. — Ну, не только за этим. Помнится, я обещал тебе телефонный звонок по защищенной линии. Телефон там.

Он махнул рукой куда-то в конец зала и снова отвернулся, чтоб указать стайке из блестящих латексом официанткам на опустевший бокал, который они заменили буквально минуту назад. Рем кивнул, поднялся с места и направился к светившейся в дальнем конце зала телефонной кабине.

Пришлось миновать несколько прозрачных комнат с креслами, столами, диванами. На всех ритмично двигались, изгибались и переплетались голые тела. Даже переливы красного

и фиолетового света не помогали скрыть недостатки некоторых блюстителей общественной морали. А крутившийся в центре клуба прожектор то и дело выхватывал из общей массы лоснящиеся от пота лица и задницы.

Вдруг перед глазами мелькнуло ярко-красное кимоно и собранные в узел черные волосы, выбеленная шея. Рем запнулся и прибавил шагу. Девушка придерживала подол и быстро шагала по коридору прямо перед ним. Стеклопанель закончилась, сменились деревянными. Девушка выставила руку и коснулась кнопки. Та пискнула и панель отъехала в сторону.

— Кана! — окликнул он. Девушка обернулась и удивленно вскинула брови. Ни разу не Кана. У Рема даже почему-то отлегло от сердца. Размалеванное лицо было острым, об скулы можно было лед дробить.

— Это приватные комнаты, сэр.

— Почему так долго? — раздался недовольный голос из открывшейся комнаты. Рем узнал его. В прошлый раз к тому же голосу прилагалась старческая рука, удерживающая дверь в доме Каны. Стало мерзко.

Рем кивнул и пошел дальше. Взглядом вцепился в телефонную кабину, мерцающую красным бархатом и позолотой. Места в ней было мало. Больше всего закуток с телефоном-автоматом напоминал очень роскошный гроб. На золоченой полочке лежала много раз заламинированная телефонная книга. В ней оказалась только одна целая страница с написанными от руки номерами. Остальные были склеены и прорезаны, в получившемся тайнике лежал всякий хлам. Монетки, пуговицы и какие-то непонятные розовые таблетки. Рем внимательно изучил страницу. Номер клуба он знал наизусть и невольно вскинул брови, когда увидел его с подписью «Белая ведьма». Набрал номер. Раздались гудки. В трубке то и дело что-то клацало и булькало, и каждый раз казалось, что это Тай отвечает. Но гудок следовал за гудком.

Рем начал нервно молотить пяткой об пол, уперся локтем в стену. По телу разлилась ленивая слабость после выпитого. Наконец в трубке прозвучал знакомый голос.

— Алло?

— Тай, это я.

— Пошел нахуй, — зашипела она и бросила трубку.

Рем выругался и набрал еще раз. На том конце трубку подняли и еще раз громко опустили на рожок. Рем скрипнул зубами и набрал еще раз. Пока пальцы заторможенно переползали с кнопки на кнопку, он думал, а нахрена он это делает? Чтоб сказать, что он жив? Ну, Тайнара и так это поняла, и даже высказала свое мнение по этому поводу. И все-таки ему очень хотелось услышать ее голос. И отзвуки клуба на фоне. Почувствовать, что Верхний город еще не вгрызся ему в мозг. Стиснув зубы, он слушал надрывные гудки. Наконец, Тай сняла трубку. Он услышал тяжелый судорожный вдох, а затем неконтролируемый поток слов.

— Пошел нахер, Рем! Ты знаешь, в какой я жопе из-за тебя? Это просто пиздец! Все пошло по пизде! Ты выдал им клуб? Какого хрена меня шерстили? Нет, ты скажи мне? Как ты, блядь мог? Ты вообще думаешь о ком-то кроме себя? Вся система наебнулась, работать невозможно. Как только буря закончится, нас к хуям прикроют, а все из-за тебя.

— Тай, я...

— Вот именно, что ты! Блядь, ну я как знала, — всхлипнула она. — Стоило еще раз положить на мужика, как он все похерил. Сука.

— Тай, я вернусь. Мы с Дези вернемся.

— Иди нахер, Рем, — всхлипнула она. В трубке послышались тяжелые прерывистые вздохи. На секунду через них пробился скрип открывающейся двери и отзвуки мужского голоса. Тай убрала трубку от лица, видимо, прижала к груди, потому что Рем расслышал каждое слово. — Нет, все в порядке. Ничего важного. Жди меня дома.

Рем отшатнулся и со всей бессмысленной злостью повесил трубку. Телефон отозвался жалобным звоном. В висках запульсировало. Руки сжались в кулаки. Рем постоял несколько секунд в телефонной кабине, пытаясь перевести дыхание, но воздуха не хватало. Казалось, он только наглотался пыли, и она доверху забила ему легкие. Рем двинулся обратно по коридору. В его голове была только одна мысль: «К двери. Мимо громилы. На улицу».

Он повернул в зал и тут же наткнулся на Габриэля Тимидо. Тот, пошатываясь, стоял посреди комнаты и улыбался. Так захотелось ему втащить, плюнуть в лицо. Хотя с тем же успехом можно было сразу налететь на громилу и обеспечить себе быструю и очень болезненную смерть. Но стоило их взглядам с Габриэлем встретиться, как политик тут же нахмурился и положил руку Рему на плечо. Молодой человек напрягся. А Тимидо только сказал:

— Гляди, кто тут, — и указал в сторону дверей. — Цепной пес губернатора. Хотя по сути просто злобный чихуа-хуа.

— Кто? — сработало. Мысли отправились тут же в другое русло. Рем чуть сощурился и заметил рядом с громилой Гектора Риву. Он был слишком... одет, что ли. Хотя они с Габриэлем также выбивались из общей массы. Но Тимидо уже где-то оставил свой пиджак и закатал рукава рубашки. На левом предплечье у него виднелась татуировка: змея с двумя головами, обвивавшая запястье. Вторая голова красовалась на месте хвоста и брызгала светившимся в темноте ядом на первую. Тимидо заметил его взгляд и опустил рукав.

— Это со старых времен. Бурная молодость. Постарайся не попадаться на глаза собачке. Я отлить.

— Я поеду обратно, — хмыкнул Рем.

— Ну тогда я быстро, и выпьем на ход ноги. Найду тебя у бара.

Рем кивнул и направился к стойке. Сел на высокий стул и уперся взглядом в натертую до блеска стойку. От своего отражения стало тошно. Так к нему через секунду добавилась физиономия барменши. И не только лицо. Кудрявая рыжеволосая девка была абсолютно голой. Но ее это как будто не смущало, хотя сосками можно было определять температурный режим холодильников, из которых она доставала звенящие бутылки.

— Я тебе помогу, — подмигнула она, когда Рем поднял голову. — Ты по классике или любишь эксперименты?

— А какой ответ правильный? — устало спросил он. Барменша рассмеялась.

— Милый, можешь не мучаться, я сделаю все сама. Просто скажи мне: острое, сладкое, кислое, горькое, соленое?

— Острое, — пожал плечами Рем. Она кивнула и принялась смешивать. Рем перевел взгляд на зеркало за ее спиной, напряженно ожидая, когда в зеркале появится Тимидо.

Но вместо него мелькнула белокурая голова. А через секунду прожектор выхватил ее еще раз, ближе. Это был мальчик лет десяти, почти альбинос, очень худой, с острыми чертами лица. За плечо его придерживал Гектор Рива, всем своим видом демонстрируя глубочайшее пренебрежение.

— Вера, — обратился он к барменше. — Нам воды, пожалуйста.

— Не хочу воду, — насупился пацан. Гектор закатил глаза и чуть запрокинул голову назад.

— Матери своей так говорить будешь, — усмехнулся Рем, принимая из рук Веры тяжелый стакан, наполненный чем-то темно-красным. Мальчишка перевел на него бледно-голубые глаза.

— Я твою мамку ебал.

Вера прыснула со смеху, и даже на лице Ривы появилась кривая усмешка.

— Надеюсь, обратно закопать не забыл, — фыркнул Рем. Вера согнулась и вся затряслась от смеха. Рива сжал руками переносицу, пытаясь задавить рвавшийся наружу смех. Пацан тоже растерялся и обратился к барменше.

— Вера, поставь ему за мой счет.

— Это счет твоего отца, — одернул его Гектор. Пацан проигнорировал это замечание. — Тебе сказали забрать меня домой, а не нянькаться.

— Я этим и занимаюсь.

— Я закончу дела и мы поедем, — невозмутимо тряхнул плечом мальчишка и вскарабкался на стул рядом с Ремом. — Я Мигель.

— Рем. Часто тут бываешь?

— С рождения, — серьезно сказал мальчишка.

— Вот тебе, маленький босс, — усмехнулась Вера, ставя рядом с ним стакан с чем-то красным. В отражении Рем увидел, как Гектор сжал челюсти и вскинул брови. Вера ответила ему, видимо, самым затраханым взглядом в своем арсенале, в котором читалось: «Да нет же, идиот, это сок с перцем». Гектор удовлетворенно расправил плечи. Теперь его взгляд переполз на лицо Рема. Прятать морду было поздно. Голубые глаза вонзились в черты.

— Я Вас тут раньше не видел, — с натянутой улыбкой произнес молодой инспектор.

— А Вам по статусу положено тут часто ошиваться? — хмыкнул Рем. Алкоголь разлился по крови и уже успел выжечь все волнение. Даже если его сейчас вышвырнут за стену, он как-нибудь это переживет, настолько все задрало. Но Гектор нашел его шутку остроумной.

— К счастью, нет.

— Наш малыш слишком правильный. Ходит на вечеринки по долгу службы, лишь бы лицом поторговать, а потом домой, работать, — осклабилась Вера. Мигель хохотнул, пуская пузыри в коктейль. На остром лице начала проступать сонливость, которую пацан уже не мог в себе задавить. Он бросил взгляд на зеркало и тут же сполз со стула.

— Ну, нам пора, — скомандовал он и, сам схватив Гектора за рукав пиджака, направился к выходу. Инспектор махнул всем на прощание и последовал за своим подопечным.

— От папки прячется, — усмехнулась Вера, провожая их взглядом.

— Бывает, — хмыкнул Рем. Вера жалостливо улыбнулась, все еще глядя вслед растворившемуся в темноте ребенку. У Рема на языке свербил вопрос. — А его мать...?

— Ты что, из этих? — резко посерьезнела девушка. — Разнюхиваешь? Я ни хрена не знаю, работаю здесь без году неделя, меня это вообще не касается. Не задавай лишних вопросов.

— Общаетесь? — раздался воркующий голос Тимидо. Политик вполз на стул, на котором минуту назад сидел сыночек большого босса, все с той же тоской уставился на грудь

Веры и печально протянул. — Мне что-нибудь.

Девушка очень хотела закатить глаза. Вместо этого выжала улыбку и взяла в руки шейкер. Стоило ей отвернуться, с лица Габриэля сползла улыбка. Он смерил Рема пристальным взглядом.

— Я тебе что сказал? — произнес он одними губами. Рем только пожал плечами. Тимидо помотал головой, но как ни в чем не бывало продолжил. — Как оно, Вера?

— Все супер, — улыбнулась рыжая, и принялась трясти шейкер, двигаясь всем телом в такт музыке. — Твой друг?

Она указала на Рема.

— Приятель. Не только ж Никколо заводить себе молоденьких протезе.

— Оставь старику его слабости, — раздался еще один голос. Рем осторожно обернулся. За ним стоял полноватый человек. В темноте его можно было принять за ровесника Тимидо, но стоило присмотреться, и становились видны глубокие морщины, пигментные пятна на щеках, шее и руках. Кожа напоминала сдувшийся бумажный фонарик, повисший в проводах. Волосы сверкали от пота. — Кто этот молодой человек?

— Рем — это губернатор Никколо. Мартин — это Рем. Мой протезе.

— Еще один? А куда делась очаровательная докторша?

— С головой в работе, — хмыкнул Тимидо. — Да и нам пора.

— Ну смотри, веселье только начинается, — усмехнулся старик, махнув рукой куда-то в пространство. — Но я не смею вас задерживать. Вот на дорожку...

Он положил на стол две крупные белые таблетки. Рем с трудом удержал невозмутимое лицо, а Габриэль уже схватил одну и, придерживая двумя пальцами, поднес к глазам.

— Новинка?

— Да, для борьбы со стрессами в жизни Верхнего города, — гордо огладил выпирающий живот Никколо. Тут же обратился к Вере. — Детка, хочешь попробовать конфетку? Мы бы назвали это «сомой», но название занято. А авторское право, как ты знаешь, нужно беречь.

Барменша тут же перегнулась через стойку, открыла рот и высунула язык. Мартин Никколо с благосклонной улыбкой тут же положил туда «конфетку», но руку убирать не спешил. Вера прикрыла глаза и чувственно обхватила большой палец губами. Рем очень медленно моргнул, чтобы сдержать подступившую к горлу тошноту.

— Вера, как всегда на высоте, — отметил Габриэль. — Не зря ты наш самый давний сотрудник, да, крошка?

Барменша мотнула головой и принялась смешивать очередной коктейль. Никколо протянул руку Габриэлю, мужчины сжали запястья друг друга.

— До встречи завтра, мистер Тимидо.

— До встречи завтра, мистер Никколо.

Наконец, Габриэль похлопал Рема по плечу, предлагая выдвигаться. На улице занималось раннее утро. словно в клубе время текло по своим законам. Под куполом постепенно все ярче разгоралось искусственное освещение, в воздухе висела тяжелая влага после поливов. Когда они отошли достаточно далеко, Тимидо начал запинаться и бормотать себе под нос что-то то про старого хрена, то про силиконовую бабу, то про мерзкого пиздюка. Вдруг он резко остановился, точно вспомнив, что не один покинул заведение, и обернулся к Рему.

— Ну ты как? — спросил он, практически не делая пауз между словами.

— Нормально. А чего это Вы так любезничаете с Никколо? Вы ж враги, — спросил Рем наконец. Все вопросы, которые собрались в его голове за вечер, превратились в воняющее бомжатиной месиво, и Рему чудом удалось выцепить что посвежее.

— Враги? Не-е-ет. Последние пять-десять лет я был его... этой... системной оппозицией. Каждый год делал вид, что собираюсь занять его место, — он сделал стремительный шаг, и уже через секунду шепнул на ухо Рему. — Но старый пидарас не знает, что в этот раз я не играю.

***

Когда Рем добрался до дома Каны, было уже утро. За прозрачными стенами можно было видеть силуэты соседей: они выполняли утренние упражнения, готовили завтраки или, едва успев продрать глаза, подключались к онлайн-звонкам и начинали что-то затирать голографическим собеседникам, растягивая лица в дебильных улыбках. Как же ему хотелось увидеть сейчас утренний Нижний Город! В тот дивный час, когда ребятки еще навеселе схлестывались с озлобленной сонной толпой, которая ползла на ненавистную тяжелую работу. Хоть и те, и другие выглядели примерно одинаково дохлыми и помятыми, в них было куда больше жизни, чем в этих поглотителях органических продуктов. А у этих еще и стресс! Память выцепила обрывок прошедшей ночи и перед глазами снова всплыл красный полумрак, прожектор, потные тела, сиськи Веры, раскрытый рот, таблетка на языке. Рем сунул руку в карман куртки и нащупал наскоро запихнутую в карман куртки таблетку. Она сломалась, и на потных пальцах остался липкий налет.

Нужно было что-то с ней сделать, но мысли швыряло то в одну сторону, то в другую, примерно как Рема. Когда перед глазами вырисовался домик Каны, он понял, что ему нужно собрать все силы, чтобы дойти до пункта назначения. Алкоголь накрыл его с новой силой, смывая последние обрывки мыслей. Мозга хватало только чтобы держать глаза открытыми и отдавать команды ногам: «Левой-правой-левой-правой-левой...».

Прежде, чем открыть дверь, ему пришлось остановиться и прислониться к ней горячим лбом. Он смотрел на крыльцо, пытаясь перевести дыхание, а пол закручивался и пульсировал под ногами. Колени становились все мягче. Рем понимал, что сейчас он либо закроет глаза и выпрямится, либо его вырвет, а потом он вырубится прямо лицом в своей блевотине. Еще один медленный, сосредоточенный вдох. Закрытые глаза. Задержка дыхания. Преодолевая сопротивление собственного тела, помогая себе руками, Рем все-таки выпрямился. Выдохнул. Приложил ключ-карту к считывателю и зашел в домик.

На несколько секунд ему даже показалось, что опьянение отпустило. Либо же он настолько привык к чужому дому, что мозг расслабился и начал включать автопилот, как только нос начинали щекотать запахи кофе, специй и моющих средств. Рем сбросил куртку и ботинки. Прошлепал мимо дивана напрямик в ванную. Вдруг краем глаза он заметил какое-то яркое пятно. Он подковылял к дивану и несколько секунд пытался сфокусироваться, пока месиво из переливов красного и черного не сложилось Кану в этом ее красном кимоно, свернувшуюся калачиком на диване. На полу стояла чашка с недопитым кофе. Перед глазами снова промелькнула та девица в баре, одетая точь-в-точь как Кана, со стянутыми в узел волосами и выбеленной шеей. Рем словно подглядел чьи-то влажные фантазии, чужие и мерзкие. Он отошел от дивана и направился в ванную.

Что ни говори, а за неделю в Верхнем городе он быстро привык к хорошему. Например, к горячему душу в любое время суток. Он несколько минут просто стоял под потоками воды,

позволяя струям бить в лицо и грудь, переключал температуру с ледяной на кипяток, плавивший кожу. Постепенно водные процедуры начали действовать: мир перед глазами перестал качаться и крутиться, тошнота завязалась узлом, но хоть перестала подступать к горлу. Он еще полил себе на шею и спину ледяной водой, запоздало вспоминая, что не взял с собой в ванную сменную одежду. Залезать обратно в ночные шмотки не хотелось. Поэтому он просто завернулся в полотенце, встряхнулся, выжал остатки воды из дредов и вышел.

И тут же наткнулся на Кану. Она сидела на высоком стуле и неподвижным взглядом наблюдала, как кофемашина наполняет графин. Капля за каплей. Капля за каплей. Рем хотел пройти за ее спиной незамеченным, но девушка подала голос.

— Все в порядке?

— Нормально, — отмахнулся он, покрепче вцепившись в обернутое вокруг талии полотенце. — Ты куда-то ездила?

— Приготовилась на случай, если Габриэль попросит забрать тебя, — ответила она. Память снова подкинула образы из клуба. Рем скривился. — Что?

— Не надо тебе туда ездить, — только и сказал он. Интересно, а она сама видела там свою копию, ублажающую богачей?

— Не то, чтобы я горела желанием, — фыркнула Кана.

— Это место не твоего уровня. Ты достойна лучшего, — выпалил он. Кофеварка зашипела и пискнула, горький и терпкий запах кофе щекотал ноздри. Желудок предостерегающе сжался, но руки сами потянулись к чашкам. Рем налил кофе себе и Кане. Ученая смерила его пристальным взглядом, но чашку приняла.

— И с чего ты только это взял... — хмыкнула она и тут же поспешила перевести тему. — Тебе бы поспать, а не кофе пить. И одеться.

— Почему ты мне помогла? — не отступал Рем. Ему до дрожи в руках хотелось донести до нее какую-то важную мысль. Она металась и мерцала в его мозгу, как короткое замыкание, но Рем никак не мог поймать ее за хвост и внятно сформулировать, и просто продолжал сыпать словами в надежде, что во всей этой массе звуков найдутся те самые.

— Просто помогла. Потому что ты попросил, потому что это правильно, потому что... — она перевела дыхание. — Не знаю. Потому что могла.

— Вот поэтому ты и лучше них, — сказал Рем.

— Что у вас произошло?

— Ничего, — пожал плечами молодой человек и, подтянув наверх полотенце, пошлепал босыми ногами к лестнице. — Возможно, ты права, и мне действительно стоит поспать.

Но сон не шел. Он понял это, как только улегся рядом с тихо сопевшей Дези. Ну хоть пол и потолок не начали качаться и давить на него. По всему телу разлилась тяжесть, а мозг, наплевав на все, принялся кочегарить, как одержимый. Рем поворочался несколько минут. Над ухом раздалось сонное бормотание Дези.

«Ну нахрен», — подумал он и достал из кармана штанов таблетницу. Когда в голове прояснилось, он сел в углу и принялся дальше штудировать полученные от Тимида материалы. В конце концов, раньше начнешь, раньше закончишь.

Внизу Кана допила кофе и смыла макияж, и так смазавшийся за ночь на диване. Она прикидывала, стоит ли пытаться доспать еще хотя бы пару часов, как вдруг на трекере появилось сообщение от Габриэля. Сердце предательски пропустило удар.

«Не спишь?»

Глава 14. Проба пера

Вообще уснуть под таблетками было невозможно, но иногда организм все-таки брал свое. Назвать это сном язык не поворачивался, скорее, мозг просто отключался, но глаза оставались открытыми, пальцы двигались. Вот в таком состоянии Рем и завис, пока его не растормошила Дези. Он уже приготовился к очередному раунду вчерашней ссоры, но сестра, не говоря ни слов, обняла его и крепко саданула по плечу, приговаривая: «Идиот».

— И я тебя, — добавил он.

— Мы с Каной поговорили, — сказала она, отстранившись. — Она объяснила мне всю ситуацию, ну... еще раз... это когда ты ушел. И она сказала, что я была не права и мне стоит извиниться. Так что вот, типа... прости.

— Нормально, — махнул рукой Рем, параллельно вспоминая, как складывать слова в предложения. В теле не осталось ни одного напоминания о похмелье, кроме разве что головы, по ощущениям набитой ватой. Дези смерила его пристальным взглядом.

— Хреново выглядишь.

— Да что ты?

— Где ты был всю ночь?

— Ой бля-я-ядь...

Он зажмурился. Перед глазами опять завихрился калейдоскоп воспоминаний. Рем принялся сбивчиво, тщательно фильтруя базар, пересказывать Дези свою встречу с Тимидо, Ривой и Никколо. Сестра села на кровать и, нахмурившись, слушала, кивала. А потом выдала:

— Это ж охренеть как круто! Мы можем изменить весь Лас-Риас! Ты понимаешь?

Как всегда, в своем репертуаре. Но Рем чувствовал себя слишком разбито, чтобы махать руками и сыпать проклятиями, как накануне.

— Дез, притормози.

— Ты прикинь! Мы сделаем то, что не могли сделать несколько поколений до нас. Это будет прорыв, мы станем частью истории. Мы уберем людей, которые потребляют большую часть ресурсов, оставляя нам лишь объедки, мы...

— Дез, блядь!

Она замолчала и уставилась на него тем самым взглядом, который унаследовала от матери. Это выражение глаз ни с чем не перепутаешь, с тебя как будто заживо кожу сдирают, при этом требуя повторить, что ты там сказал.

— Дез, творится какая-то хуйня, — попытался объяснить он. Сестра, ожидаемо, закатила глаза. — В душе не знаю, какая именно. Но чует моя жопа, блядь, Тимидо нихрена не славный парень.

— Ну, ты же не знаешь всей правды.

— Так и ты не знаешь, — скрежетнул зубами Рем. — А уже пытаешься влезть в самую залупу. Дез, услышь меня сейчас.

— Я слушаю, — она скрестила руки на груди и сжала челюсти. Слушает она, как же!

— Я сейчас буду делать все, чтобы вернуть нас домой. Быстро и без проблем. Не лезь никуда. Ни с кем не разговаривай. Отмазывайся, как целка, если придется. Просто оставайся здесь. Перебирай бумажки, читай, но никуда не влезай. Хорошо?

Она кивнула.

— Ты меня слышала? — с нажимом повторил брат.

— Да, блядь! Сделаю все, что смогу, — фыркнула она.

В дверь комнаты постучала Кана.

— Рем, Дези! Габриэль просит нас приехать кое-куда. У нас полчаса на сборы.

Рем угукнул и уронил голову на грудь. На лице Дези прорезалась едкая торжествующая улыбка.

***

«Центральная Галерея» находилась на несколько улиц ниже тусовочного района. Тут было спокойнее. Перед галереей располагалась просторная площадь с фонтанами и скамейками, играла музыка, в воздухе висели искрящиеся брызги фонтанов. На голографических рекламных щитах сменялись физиономии Тимидо и Никколо, а прогуливавшиеся в обеденный перерыв горожане толком и не обращали внимания. Даже сидевший на одной из скамеек Тимидо не вызывал у них интереса. Разве что какой-то подросток в одежде с надписями подошел к нему и сделал с ним фото, горячо пожал руку и пошел дальше, уткнувшись носом в трекер.

Рем взглянул на политика, и его одолела зависть с раздражением. Мужчина выглядел бодро и свежо, так и не скажешь, что он всю ночь пил в окружении шлюх и «коллег по цеху». Сам Рем чувствовал себя так, словно его пропустили через мясорубку. Пришлось даже сожрать еще одну таблетку, чтоб вернуть себе способность хоть немного передвигать ноги. Кана в своем неизменном кимоно привлекала внимание куда больше. Люди то и дело провожали ее взглядами и даже украдкой пытались сделать фото. Дези завистливо кусала губы.

Тимидо заметил их издали и двинулся им навстречу.

— Друзья мои, как дела?

— Все хорошо, спасибо, — ответила за всех Кана, легким движением поправила локон у лица. Тимидо довольно улыбнулся.

— Я решил, что нам стоит предпринять небольшую вылазку. Скажем так, провести пробу пера.

— Пробу пера для чего? — подала голос Дези. Рем бросил на нее быстрый недовольный взгляд, но Дези только высунула язык.

— Для нашего дела. Разве Рамон не сказал Вам, что мы меняем будущее? — оскалился Тимидо. Дези зарделась.

— Ну, в общих чертах.

— Я внесу ясность, — улыбнулся Габриэль и жестом пригласил следовать за ним. Прогулочным шагом они принялись бродить среди фонтанов. — Доктор Хикари уже слышала это, и все же я считаю важным повторить. Политика Лас-Риаса сегодня зависит от одного-единственного человека — Мартина Никколо. Из года в год он получает большинство голосов избирателей, пользуясь одними и теми же мерами: цветастые обещания, улучшение жизни в Верхнем городе, обогащение за счет продажи биосфер, изоляция Нижнего города. При этом все планирование осуществляется узким кругом лиц, который был при Никколо еще до того, как он занялся политикой. И никто не знает, на какие данные он опирается. Я уверен, если мы получим настоящие данные и подгрузим их в «Кассандру», мы увидим настоящую картину и поможем народу открыть глаза и сделать правильный выбор.

Кана кивнула и, чуть поджав губы, спросила:

— А правильный выбор — это Вы?

— У нас бывают и независимые кандидаты, — отшутился Тимидо. — Но данные очень хорошо защищены, и я предлагаю Рему попробовать свои силы на более простой задаче для начала. Видит галерею? Там сейчас проходит выставка цифровых произведений «Сны о будущем», частная коллекция.

— Рему надо будет их украсть? — восторженно вдохнула Дези.

— Не украсть, а сделать достоянием общественности, — улыбнулся Тимидо. — Большая часть коллекции принадлежит мне, так что не волнуйтесь.

Рему сил хватило только на кивок. Когда Тимидо отвернулся, молодой человек незаметно закатил глаза, а через секунду встретился с осуждающим взглядом Каны.

— А что буду делать я? — егозила Дези. Она уже поравнялась с Тимидо и из последних сил сдерживалась, чтоб не повиснуть у него на локте.

— Для Вас у меня особенное задание. Мне нужно, чтобы Вы были самой яркой и привлекательной девушкой в зале, и чтобы все внимание было сосредоточено на Вас, — он остановился и окинул Дези пристальным взглядом. — Возможно, стоит избавиться от лишней одежды. Если Вас не затруднит.

Когда Дези затрудняло раздеться? Она тут же скинула пиджак из блестящей ткани, оставаясь в белом узком, как новенький носок, платье. Растрепала волосы, поправила помаду. Тимидо безжалостно выбросил пиджак в ближайшую урну. «Позерство», — поморщился Рем. Со стороны Каны послышался сдавленный смешок, но в темных глазах стоял лед. Их небольшая компания вошла в галерею.

Внутри царил полумрак. Хоть здание и было сделано сплошь из стекла, с внутренней стороны стены были обклеены светоотражающей пленкой. Кондиционеры работали бесшумно, направляя по помещению потоки прохладного воздуха, от которого тело покрывалось мурашками. Играла тихая музыка, пахло какими-то цветами и свежим кофе. У самого входа была мягко освещенная зона кафетерия с парочкой белых столов. Тимидо направился напрямик к ним. Дези вытянула шею, чтобы разглядеть шевелившиеся в такт музыке голограммы. Рему пришлось щипнуть ее за локоть, чтобы поторопить.

— Мы с доктором Хикари останемся здесь, — объявил Тимидо, когда все расселись. — Рамон, тебе нужно добраться до сервера, на котором хранятся произведения искусства и загрузить их на все устройства в радиусе километра. Есть представления, как это сделать?

Рем неопределенно пожал плечами. Габриэля этот ответ устроил. Он перевел взгляд на Дези.

— А Дезире предстоит отвлекать внимание всех, кто может оказаться поблизости. Ничего трудного. Правда ведь?

— Как два пальца.

— Отлично. Тогда отправляйтесь вперед и изучайте территорию. Рамон может выдвигаться минут через пять. На все у вас час.

Рем откинулся на спинку кресла и уставился в стену над головой Тимидо. Дези обогнула стол и, круто шевеля бедрами, исчезла в полумраке экспозиции.

Выставки до этого она видела только в постах и обзорах, и обычно там были просто пустые залы с картинами на стенах, улыбающиеся лица художников, но тут.... Ей открылся просторный зал, заполненный светящимися голограммами. Между ними мраными тенями ходили люди. На полу были выложены светящейся краской стрелки и Дези следовала за ними. То тут, то там загорались точки, над ними из пикселей собирались голограммы —

мужчины и женщины, дети, животные. Похожие на обычных людей, но какие-то странные. Даже жуткие. То руки у них двигались слишком по-механически, то мимика была слишком уж наигранной. Голограммы разговаривали, махали друг другу руками. И если прислушаться, можно было разобрать, что они не просто кривляются, а рассказывают историю, фантазию о мире, в котором семья вырастила робота и все вокруг забыли, что он робот, пока все не умерли, оставив его в одиночестве. Дези так погрузилась в историю, что даже забыла, зачем пришла. Она огляделась по сторонам и прошла в другие залы.

— Зачем Дези? — спросил Рем, поняв, что никто не собирается нарушать повисшее молчание. — Вы сказали, что вам нужен я и мои навыки.

— Все верно, — кивнул Тимидо. Опять эта улыбка, как будто они за кофейком обсуждают погоду. — Но я считаю, что замотивированный человек гораздо эффективнее. И лучше будет, если твоя мотивация будет всегда у тебя перед глазами. Ты же не хочешь, чтобы с твоей сестрой что-то случилось?

Рем застыл. В висках запульсировала кровь. Он бросил взгляд на Кану в поисках поддержки, но ученую также парализовали слова Тимидо. На секунду его охватила мысль броситься вперед, вырвать у гада кадык и пару раз приложить его улыбающейся рожой об стол. Но толку? Вызовут полицию, и их с Дези тут же прикончат на месте. Тимидо словно прочитал это на его лице и понимающе вздохнул.

— Уверен, до этого не дойдет. Пройдись по выставке, — произнес он и отвернулся к Кане. — Как продвигается твоя научная работа?

Рем с грохотом отодвинул стул и размашистым шагом направился к экспозиции. Нужно было предупредить Дези. Вбить ей в голову, что все это геройство — полнейший развод.

Она перехватила его у стены зала и возбужденно затараторила.

— Делов как нехрен делать. Тут только одна комната для персонала и та не заперта. Зайдешь и выйдешь, а я постою на шухере.

— Дези, — он еле ворочал языком. Руки некстати затряслись, но он все равно попытался схватить сестру за плечи. — Мы в жопе. Убирайся домой, найди Тай, попроси тебя спрятать. Сейчас же.

— Тебя опять переклинило? — спросила она с ледяным осуждением в глазах.

— Да послушай же меня.

— Нет, ты послушай. Я нахрен никуда не пойду. Ни в какой Нижний город. Ебала я наших тараканов и фасоль на завтрак, обед и ужин.

Рем застонал. Дези встряхнула его за плечо.

— Приди в себя. Сам сказал: раньше начнем — раньше закончим. Стаффрум там.

Она указала на светившуюся на стене вывеску «технический персонал». Рем кивнул. На секунду голову набила вязкая пустота, а через мгновение в ней начали искриться идеи. Он сунул руки в карманы, проверяя, на месте ли наушники и очки, и направился к двери.

Замок, естественно, не поддавался. Молодой человек постучал и заозирался по сторонам. Тишина и никакого ответа. Только шевелящиеся голограммы и тени реальных людей. Рем хмыкнул и надел очки дополненной реальности. Они тут же синхронизировались с местной сетью и начали услужливо давать пояснения к каждой сценке, которая разыгрывалась в просторном зале. Рем сконцентрировался и попытался заглянуть глубже, внутрь пляшущих в темноте пикселей. Туда, где за светом и цветом скрывались строки кода. Это успокаивало. Только ему удалось выровнять дыхание, как открывшаяся дверь хлопнула его по спине. Появившаяся в проеме голова тут же принялась

извиняться.

— Все в порядке, — выдал Рем, перехватывая дверь. — Я как раз вас искал.

— Чем могу помочь? — удивленно вскинул бесцветные брови мелкий паренек. Мозг некстати закоротило, Рем дальше особо не продумывал, что делать и как действовать, так что пришлось лепить план на ходу.

— Меня послал мистер Тимидо. Я специалист по безопасности. До мистера Тимидо дошли слухи, что эта... голограмма неисправна, — и он махнул в сторону кивающего светящегося силуэта.

— Номер двадцать пять? — удивленно спросил парень.

— Ага, он самый. Надо проверить, не повреждены ли файлы, чтоб исключить... глубинные повреждения в исходном коде.

— Может, проектор просто барахлит, — пробормотал техник.

— Может, но меня послали сделать мою работу, — сказал Рем и потянул на себя дверь, не в силах держать морду кирпичом и дальше. — Давай, дружище, я быстро проверю то, что по моей части, составлю отчет и не буду тебя зае... беспокоить.

Парень нервно сглотнул, но позволил ему войти. Сам засеменял следом, наблюдая за каждым движением молодого «специалиста». Рем до судорог свел лопатки, чтобы выглядеть эдаким профи с закидонами. Как они ведут себя в фильмах?

— Когда последний раз обновляли ПО? — спросил он, чувствуя спиной пристальный взгляд пацана. А ведь, если что, привлекут к ответственности и его за то, что хрен знамо кого в стаффрум пускает.

— Ну, по регламенту, — пробормотал паренек. — Особых распоряжений не поступало. Сюда, пожалуйста.

— Идиоты, — закатил глаза Рем. Он усиленно рылся в памяти, пытаясь вытащить из ее пыльных закровов каждый обрывок воспоминаний о жителях Верхнего города. Как они морщатся, закатывают глаза, возмущаются и самоутверждаются за счет других. Парень виновато потупил глаза.

Он провел Рема вниз по лестнице в облицованный пластиковыми панелями подвал, где на небольшом пьедестале стоял черный светящийся ящик. В нем-то и были данные. Панели на стенах были глянцевые, и в ослепительно белом свете Рем мог рассмотреть собственное отражение — тощий загорелый чувак с затраханым лицом, как будто ему весь этот мир стал абсолютно понятен, и вся экзистенциальная мусть может пойти нахер ровным шагом. Удивительно, но это играло ему на руку. Паренек семенил рядом и пристально следил за Ремом. То, что он изначально принял за подозрительность, на деле оказалось обожанием.

— А в чем может быть проблема? Несовместимость ПО? — робко поинтересовался техник.

— Типа того.

— Я подумал, что баги могли возникнуть из-за того, что обновление вступит в конфликт с кодом экспозиции. Мы же не имеем права вносить изменения в произведение искусства и... Вы меня исправьте, если я не прав.

— Нет, все верно, — хмыкнул Рем, изо всех сил давя дебильную усмешку, как у Тимидо. Какое было б лицо у техника, узнай он, что Рем впервые в жизни видит это их искусство?

— А вы где-то учились, чтобы стать... ну...

— Самообразование, дружище. Но работка такая, надо пару раз голову сломать.

— Лучше, чем сидеть в подсобке и следить, чтобы все работало, — вздохнул парень.

— С чего-то же надо начинать, — похлопал его по плечу Рем. — А ты можешь подняться в зал и посмотреть, не лагают ли еще какие голограммы, пока я тут...

— Конечно!

Он вышел и плотно прикрыл за собой дверь. Рем поправил очки на переносице и обошел ящик со всех сторон, синхронизируя очки и трекер. Старая псина Тимидо дал ему нужный уровень доступа для черного ящика, но не для двери. Хотел проверить.

Рем встряхнулся и закинул в рот еще одну «витаминку» для верности. Тени и очертания приобрели резкость. Еще один глубокий вздох и Рем нырнул в знакомый цифровой лабиринт. В груди взвилось знакомое азартное возбуждение, и мир вокруг словно перестал существовать.

***

Тимидо говорил что-то о расходах на предвыборную кампанию, но Кана не слушала. Даже если бы она решила поддержать беседу, ей бы и слова не дали вставить и уболтали бы до мигрени. На островах, особенно в Наре, такими процессами занималась «Кассандра». Она сама анализировала кандидатов и выбирала подходящий на основе долгосрочных прогнозов, и пока все было хорошо. Кана упомянула это минут пятнадцать назад, и с тех пор Тимидо со всей страстью объяснял молодой ученой, почему институт выборов и голосование обязательно должно существовать в их высокотехнологичное время.

— Если алгоритмы отберут у нас самые базовые гражданские права, то что останется людям. Чем, условно, Верхний город будет отличаться от Нижнего? Как люди будут чувствовать себя частью гражданского общества? Тут, конечно, можно говорить об ограниченной рациональности и...

Он все говорил, говорил, а Кана смотрела, как капли воды стекают со стенок ее стакана с холодным кофе. Лед растаял, и каким-то чудесным образом вкуснейший напиток превратился в водянистую горькую жижу. Но Кана даже не обращала внимания на вкус. В ее голове не укладывалось, как этот образованный и харизматичный мужчина, столько говоривший об общем благе и необходимости помогать ближнему своему, вдруг превратился в простого шантажиста с улыбкой маньяка. И был ли он таким всегда. Кана перебирала в воспоминаниях все их встречи и разговоры, пытаясь найти признаки, что и она была обманута, как Рем.

Ее трекер пискнул, на экране появились мелкие строки цифр и букв. Незадолго до выхода Рем передал ей разломленную таблетку и попросил посмотреть, что внутри. Наконец, домашний софт закончил сканирование. Беглым взглядом Кана прошла по строкам, но мысли тут же унеслись прочь.

— Ты не слушаешь, — хмыкнул Тимидо и сложил руки перед собой. — Тебя что-то беспокоит? Если хочешь, я переселю ребят в отдельный дом. От них, наверное, куча проблем.

— Все в порядке, они славные, — быстро улыбнулась Кана. — Они... очень наглядно показывают, как качество сна влияет на уровень жизни.

Ага, как же. Она так ни строки и не написала за эту неделю, хоть и продолжала замерять их показатели и сравнивать со своими. Но Рем снова начал есть таблетки, и Кану каждый раз охватывало плохое предчувствие. Да и в целом тревога ее не отпускала, а утренний разговор с Ремом заставил ее беспокойство взлететь до небес.

— Ну, если они тебе полезны, то можешь оставить их, — пожал плечами Тимидо и

взглянул на время.

— Почему они? — она не знала, как точнее сформулировать вопрос, чтоб не задеть Тимидо. Но тот, кажется, понял, что она хотела сказать.

— Просто это счастливое стечение обстоятельств. Большая удача. Я хотел сперва нанять ребят из Верхнего города, но с этим тут очень трудно. За всеми талантливыми хакерами уже давно следит система безопасности. А тут неприсохлый человек, не слишком любопытный и которого в случае чего никто не хватится.

— В случае чего?

— Ну, например, если утечка данных будет раскрыта. Согласись, публично наказание двух выходцев из Нижнего города принесет куда меньше проблем, чем, скажем, международный скандал.

Она сделала резкий вдох и задержала дыхание, запечатывая в себе дрожь и разлившуюся по телу ярость. Давя это чувство всеми силами.

— Тебя это никак не должно беспокоить. Твои руки чисты, ты просто проведешь научную работу и проанализируешь данные. Чисто с научной точки зрения, — улыбнулся он. — Но ребят нужно проверить.

С этими словами он набрал номер на трекере. Кана продолжала смотреть, как по стенкам стакана текут капли.

***

С черным ящиком Рем разобрался почти сразу и быстро погрузился в систему. Пространство комнаты заполнили строки и всплывающие окна. Рем бродил среди них, отгоняя лишние настройки руками, как назойливых мух. Громкость, цветопередача, интенсивность мимики. На секунду им овладело любопытство и он переключил цветовую тему. С верхнего этажа донесся возбужденный возглас и аплодисменты.

«Развлекайтесь», — сморщился Рем и двинулся дальше.

Он никогда раньше не работал с произведениями искусства, но чутье подсказывало, что это должно быть не труднее, чем спиратить фильм. Нужно только найти хаб, который обеспечивал передачу данных.

Руки приятно сводило от напряжения. Рем размахивал ими, как дирижер, расчищая себе дорогу к цели. Спустя несколько окон он нашел то, что искал — настройки безопасности. Он хмыкнул, думая, как бы интереснее передать информацию, чтобы след не нашли, как вдруг его привлекло движение в углу. Там красным огоньком подмигивала камера видеонаблюдения.

***

А вот у Дези напряжение сменилось скукой. Она шаталась по залу, лениво осматривая посетителей выставки. Они были такими... умиротворенными. Даже когда голограммы сменили цвет, гости решили, что так задумано. Интересно, что вообще может напугать людей, выросших в теплице. Дези попыталась вслушаться в их разговоры, но в речи то и дело проскакивали «экзистенциальный», «трансцендентальный» и другие сложные слова в этом духе. Они с полной серьезностью говорили о каких-то вещах, и Дези чувствовала себя рядом с ними чужой. Пустой. Как игрушка с барахолки, которую отмыли и отчистили, покрыли блестящей краской и попытались спрятать среди драгоценностей.

Вдруг из темноты перед ней возникла Кана. Она взмахнула рукавами кимоно, как птица, а в следующую секунду потянула Дези в уголок, где тени могли обеспечить им хоть

малую долю уединения.

— Что-то случилось? — оживилась Дези. В темноте выбеленное лицо Каны напоминало маску.

— Тебе нужно уходить, — проговорила она. — Когда все закончится, возьми Рема и отправляйтесь в Нижний город.

— Я не понимаю.

— Он использует всех нас, — только и успела сказать Кана. А в следующую секунду в здании оглушительно завопила сирена.

А еще через секунду в зал ворвалась толпа людей с криками: «Никому не двигаться! Полиция!».

Зажегся свет. Привыкшие к темноте посетители закрыли лица руками. Дези поморщилась и через силу открыла глаза. Взгляд тут же наткнулся на Гектора Риву. Лицо молодого инспектора перекосила довольная улыбка. И что-то оборвалось в этот момент. Сработали инстинкты, которые в нее вбивал Нижний город всю жизнь.

Дези сорвалась с места и побежала.

Глава 15. Гениальный яд

«Лас-Риас охватила массирующая кибератака. Во внутреннюю сеть попала эксклюзивная голографическая выставка из частной коллекции. Исходный код находится в общем доступе и был распространён злоумышленниками на все устройства в городе. Одна домохозяйка наблюдала, как действие разворачивается прямо в ее микроволновке. Инспекция еще выясняет, как могла произойти такая масштабная утечка, а пока — комментарий от представителя владельца выставки. Или, вернее сказать, ее недавнего владельца»

Трансляция звучала многократным эхо — новость об утечке охватила весь город Рем сидел на скамье возле галереи и прижимал к разбитой голове мокрую тряпку. Кана подошла к нему и протянула чистое полотенце.

— Дай я посмотрю, — сухо сказала она. Рем фыркнул и убрал руку от головы. Кана тяжело вздохнула. — Кровь вроде остановилась. Но волосы придется срезать.

Она протянула руку и щелкнула пальцами. Молодой человек обновил трекер.

— Сотрясение. Великолепно. Как ты до этого додумался?

— Где Дези? — скрипнул зубами Рем.

— Она убежала. Я сказала ей, чтобы возвращалась в Нижний город. Тебе я хотела сказать тоже самое, — с жаром прошептала ученая. — Но ты додумался разбить себе голову, чтобы отвести подозрения, и теперь еле ногами шевелишь.

— Спасибо, — усмехнулся он. Затылок наливался тупой болью, и все же Рема, как последнего дурака, проперло смеяться. А что еще оставалось делать?

Он очень вовремя успел залезть в настройки видеонаблюдения. Видимо, Тимидо на самом деле хотел узнать не то, как Рем украдет данные, а то, как он останется незамеченным. Он собрался подтасовать записи с камер, и только он это сделал, как в здание ворвалась полиция. Нужно было что-то делать. Рем не придумал ничего лучше, чем сыграть в жертву. Пришлось как следует поскользнуться, но оно того стоило. Парня-техника чуть не стошнило, когда он нашел Рема в луже крови. А поскольку дело касалось похищения картин у видного политика, разбитая голова никого не интересовала. К тому же Тимидо, которого уже разрывали журналисты, раздавал комментарии прямо у «места преступления».

«Я не собираюсь требовать расследования этого дела. Кем бы ни был этот загадочный Робин Гуд, мы с ним оказались на одной волне. Мы живем в экономике будущего, креативной экономике, и в ней знания, информация, произведения искусства — это общее благо. Так что я рад знать, что сегодня искусство стало ближе к каждому из нас»

— Пиздабол, — хмыкнул Рем.

— Я отвезу тебя домой, — хмыкнула Кана. Рем замотал головой и тут же пожалел об этом. В ушах зазвенело, перед глазами заплясали круги. Кана тут же оказалась рядом и придержала его за плечи. — Если тошнит...

— Все нормально. Мне нужно найти Дези.

— Я отвезу тебя домой и пойду искать Дези сама, — пообещала она.

— И как ты планируешь это делать? — скривился Рем. На языке вертелась едкая шутка, но озвучить ее Рему не удалось. Его позорнейшим образом вырвало.

***

Раньше Дези никогда не приходилось бегать на каблуках, но спустя пару кварталов она уже могла претендовать на мировой рекорд. Если не по установленной скорости, то по умению преодолевать препятствия. Она петляла, перескакивала через скамейки, пробегала перед трамваями. Вскоре ей удалось оторваться от Ривы. Тот все пытался окликнуть ее, но только сбил дыхание и замедлился, а Дези все неслась и неслась вперед, пока не оказалась на главной улице. Ноги сами принесли ее в «Old Fashioned». Она уже хотела было зайти, как в окне увидела Гато.

Барахольщик был не один — напротив него сидела спутница. Дези обнадежилась, готовая увидеть кого-то из клуба Тай, но стоило ей присмотреться, как она узнала седые кудри и чопорную осанку. Она обогнула бар, чтобы получше рассмотреть миниатюрную пожилую женщину с ярко накрашенными губами, с очками в роговой оправе и белом пиджаке. Кажется, она из него не вылезала ни днем, ни ночью. Это была ее бабушка. Приторно улыбалась старому пройдохе, под столом поглаживая его ногу своей. Дези чуть не вскрикнула, а в следующую секунду ее крепко схватили за локоть. Она дернулась было, но Гектор Рива, появившийся из ниоткуда, наклонился к ее уху и угрожающе прошептал:

— Ни звука.

Она тут же набрала полную грудь воздуха, но вместо крика получилось издать только стон. Гектор в ту же секунду прижался ртом к ее губам, крепко обхватил за талию, не давая отстраниться. Шок сделал свое дело, Дези замолчала. Опустила голову, переводя дыхание.

— Пойдем, — он приобнял ее за плечи и тут же принялся буксировать прочь от бара.

— Никуда я не пойду, — уперлась ногами Дези. Гектор замедлился и развернулся к ней. Дези насупилась. Мозг требовал бежать, но ноги предательски тряслись, давая понять, что еще одного забега она не выдержит. — Отъебитесь от меня уже все, ну что вам надо?

Из груди вырвался всхлип. Рива потупил глаза, а в следующую секунду накинул на плечи девушки свой пиджак.

— У тебя платье треснуло, — он придержал ее за плечи, дожидаясь, когда она посмотрит ему в глаза. — Давай сядем и спокойно поговорим. Я не буду тебя арестовывать. А потом отвезу домой. Хорошо?

— С чего я должна тебе верить?

— Ты знаешь Тайнару Микелотти? И Гато Бранко? — она не ответила, но он заметил, как дернулись его брови. — Я расскажу тебе кое-что о твоих друзьях. Идет?

***

Последние несколько метров Кана буквально волоком тащила Рема. Он согнулся, опираясь на ее плечо, но ноги все-таки передвигал. В голове девушки царил шторм из жалости к себе и воспоминаний о бабушкиных историях. Она любила рассказать о старых временах, когда у многих людей были свои машины, и на них можно было добраться куда угодно, перевозить хоть всю свою жизнь в багажнике. А если машины не было, можно было вызвать такси и за деньги доехать хоть в другой город.

Как бы ей сейчас хотелось сейчас так сделать вместо того, чтобы ехать в трамвае, а потом тащиться пешком. То и дело Кану одолевала злость, то на Рема, то на Тимидо, но в большей степени — на себя. Конченую идиотку, которая впуталась не пойми во что.

Дома она позволила Рему растянуться на полу. Он еще что-то бормотал, когда она вернулась из ванной и чистыми руками попыталась разобрать дреды, чтоб убедиться, что кости черепа не повреждены. К счастью, так и оказалось. Спутанные волосы сработали как

подушка безопасности, только кожа на затылке лопнула от удара. Ученая постаралась приподнять волосы, чтоб оценить масштаб действия, и тут Рем подал голос.

— Совсем пиздец?

— Придется шить.

— Ну шей.

— Я не хирург.

— Попроси Дези, — пробормотал он и снова отрубился. Кана попробовала встряхнуть его еще раз, но молодой человек в ответ только протяжно засопел.

«Твою ж мать», — поджала губы Кана. Но ушла на кухню за ножницами. Прихватила подушку, подсунула ее под голову Рему и принялась стричь.

Срезала целые пряди и бросала на пол, а робот-уборщик пищал и давился этими комками волос. Когда она дошла до затылка, ладони окрасились бурым. Пришлось вернуться на кухню за аптечкой и антисептиком стирать начавшую запекаться кровь. На каждое прикосновение ватки Рем дергался и мычал, открывал глаза, но тут же закрывал обратно. А Кане было тошно и тяжело. Телевизор в гостиной передавал новостные репортажи, лицо Тимидо то и дело мелькало под громкими заголовками, и ученая чувствовала, как в горле собирается комок, то и дело подкатывавший все выше.

Очищенная от волос и крови, рана на голове уже не выглядела так страшно. Так, неглубокая ссадина. И все-таки это стоило зашить. Девушка достала иглу и нитку из аптечки, сделала несколько прерывистых вдохов и принялась за дело. Стежок за стежком, периодически промакивая антисептиком, Кана смотрела, как рана становится все меньше. Вот только такая же ссадина на ее самомнении не затягивалась. Когда все было окончено, она несколько минут терла затылок Рема антисептиком, гоня по кругу воспоминания о разговоре с Тимидо.

— Ну как? — подал голос Рем.

— Еб твою мать! Извини... Ты все это время...

— Вроде того. Не хотел тебя отвлекать. Неплохо справилась, — он уперся руками в пол и сел. Перед глазами все пульсировало и смазывалось. — Еба-а-а...

— Тебе надо полежать. Давай на диван.

Кана поднялась и протянула ему руку. Рем благоразумно не стал отказываться. Он взглянул на ученую и едко усмехнулся.

— Хреново выглядишь.

— На себя посмотри. Господи, как ты додумался?

— Слабоумие и отвага, — пожал он плечами. — Но я был прав. Ты слишком хороша для этого дерьма.

Кана сбросила его на диван, как балласт, и Рем запрокинул голову на спинку. Девушка еще раз проверила его трекер. Показатели в пределах нормы, угрозы жизни не было. И все-таки ей было страшно. Хотелось сделать хоть что-то, чтоб он перестал быть таким бледным и трясущимся.

— Позвони Дези, — попросил Рем и снова отрубился.

Кана тут же кинулась исполнять просьбу, но Дез не отвечала. Зато пришло сообщение от Тимидо: «Передай Рему, что он молодец».

***

— Лапшичная, серьезно? — скривилась Дези.

— Для ресторана мы выглядим недостаточно презентабельно, — стрельнул глазами Гектор. Тут девушка поспорить не могла.

В помещении было прохладно, и пиджак инспектора оказался как никогда кстати. Дези куталась в него, словно пыталась спрятаться в мягких складках темной ткани. Заведение было на самой окраине центра, и людей там почти не было. А те, что были, с упоением слушали новостной репортаж о кибератаке, которая оказалась «жестом доброй воли», «благотворительной акцией» и так далее. Гектор отошел, а уже через секунду вернулся с двумя тарелками лапши.

— Это новый формат допроса? — наморщила нос Дези.

— Это — суп с лапшой. Не ищи в нем то, чего там нет, — посоветовал инспектор и принялся за еду.

Дези неуверенно поерзала, но все-таки тоже съела первую ложку супа. В золотистом бульоне плавали круглые шляпки грибов. Удивительно, что она так быстро привыкла к разнообразной еде Верхнего города. Раньше даже такой простой суп заставил бы ее верещать от восторга.

— Тогда что, это свидание? — пошла в атаку девушка, но Гектор остался невозмутимым.

— Назовем это дружеской встречей. Я не враг тебе, Дезире.

— О, как приятно слышать это от человека, который упек меня в участок.

— А тебе не интересно, почему ты там оказалась?

— Потому что моя чокнутая бабка вызвала полицию, — фыркнула девушка.

— Нас вызвали заранее. Это сделал Гато Бранко, если быть точным, — сказал инспектор и выдержал паузу, внимательно следя за ее реакцией. — Это ведь он помог тебе найти родственников?

Дези кивнула. Гектор откинулся на спинку стула.

— Видимо, он не хотел, чтоб у старухи объявились здоровые наследники. У нее ведь огромные сбережения, собственная клиника, а практика — просто головокружительная.

— Все-то ты знаешь.

— Не все, признаю. И мне нужна твоя помощь. Расскажи мне, что планирует Тимида. Для чего он тебя нанял?

— Он меня не нанимал.

— Дезире, это важно. Это вопрос твоей безопасности.

— Да какое тебе дело до моей безопасности?!

Она сама не заметила, как повысила голос. Немногочисленные гости лапшичной недовольно зашикали и тут же уткнулись обратно в экран, не желая быть свидетелями чужой ссоры. Гектор придержал ее за запястье, чтобы конфликт выглядел больше как ссора влюбленных, чем как очередной изощренный допрос. И все-таки от его прикосновения по руке Дези побежали мурашки. Гектор мягко огладил ее запястье и убрал руку.

— Решил, что мы подержимся за ручки, и я вся растаю?

— Ни в коем случае, — хмыкнул он. — Десерт?

— Чего ты, блядь, хочешь? — устало простонала Дези.

Он долго сверлил ее взглядом, пока, наконец, не сказал:

— Я хочу попросить тебя быть осторожнее. Если Тимида тебя не нанимал — и даже если нанял — сделай что угодно, но вернись в Нижний город и сбрось его с хвоста. Я заставлю твое дело исчезнуть.

— А если я этого не сделаю? — вскинула подбородок Дези.

— Ты же знаешь Тайнару Микелотти? — повторил он вопрос. — Спроси у нее при случае. Уверен, ей будет чем поделиться. И еще, держись подальше от нового протеже Тимидо. Такой, парень с дредами.

Она удивленно вскинула брови, но ни озвучила ни один из вопросов, которые набили ее мозг, как вата, так что голова шла кругом. Хотелось просто домой.

— Я провожу тебя, — тут же поднялся со своего места Гектор. Дези сдавленно фыркнула и махнула роботу, принимавшему заказы.

— Десерт с собой. Он платит.

Рива только усмехнулся.

***

Кана проснулась от трели дверного звонка. На пороге стояла Дези и тряслась всем телом. Пиджак она вернула Гектору, помня о прошлой истории с жучком. В узком платье спрятать прослушку было негде, вот только теперь сквозняк щекотал кожу ледяными пальцами, и Дез всю трясло. А может, дело было в ярости, которая наполнила все тело до ломоты в костях.

— Я не могла до тебя дозвониться, — произнесла Кана, то ли взволнованно, то ли осуждающе.

— Общалась с представителем службы безопасности, — буркнула девушка, демонстрируя испорченный наряд. — Где этот идиот?

Кана приложила палец к губам и жестом указала Дези на диван. Стоило девушке увидеть обритую наголо голову, как гнев поутих, сменился тревогой и злостью на себя. Она уже не раз видела Рема побитым, с рассеченными бровями и сломанным носом, и всегда была рядом, чтоб обработать и зашить раны. Она осмотрела повязку на затылке и поцокала языком.

— Неидеально, но сойдет. Спасибо, — проговорила она и погладила брата по голове. Без своей свалявшейся гривы он совсем уж напоминал скелет. — Идиот.

— Я то же самое сказала, — хмыкнула Кана. — У тебя все хорошо?

— Только не говори Рему, я болтала с Ривой. Он вел себя странно. Говорил что-то про Тимидо.

Кана коротко пересказала ей события в галерее. Брови Дези взлетали все выше и выше, словно вот-вот готовы были покинуть лоб и направиться прямым маршрутом в стратосферу.

— Вот ведь...

— Вам с Ремом нужно вернуться в Нижний город и попытаться пересидеть там, — сказала Кана. Дези протестующе замотала головой.

— Там хрень какая-то творится. И к тому же, мы втроем оказались по уши в говне, почему это мы должны тебя бросать? — она взяла Кану за руки и улыбнулась, заглядывая ей в глаза, как будто только что дала жизнь лучшей на свете шутке.

— Как минимум потому что это я попросила помощи у Габриэля.

— Чтоб вытащить меня. Если мы будем так разбираться, кто прав, а кто больше всех виноват — просто время потратим. Я тебя не брошу, — хлопнула ее по плечу Дези. Кана удивленно вскинула брови, пытаясь понять, в какой момент их связали такие близкие отношения, что эта девушка была готова жертвовать своей безопасностью и дальше.

— Это недальновидно. Вы можете попасть в куда большие неприятности.

— Да вообще фигня. Мама точно пережить не будет, — осклабилась Дез и задумчиво почесала подбородок. — Как же хочется выпить. У тебя нет никакой заначки?

Кана испуганно помотала головой. Дези устало махнула рукой.

— Даже на случай дерьмовых дней, как сегодня? Как ты вообще живешь?

— Есть медитации, которые помогают успокоиться. Еще можно книги читать или...

— Ты же врач. Сама должна знать, что стресс лечится сексом. Моя мама всегда так говорила.

— Я не... — она махнула рукой и воспользовалась шансом, чтобы ускользнуть и проверить повязку Рема. Но Дези следовала за ней, как тень.

— Не суетись ты над ним так, жить будет, — хмыкнула девушка, но Кана внимательно смотрела за изменениями показателей на планшете. «Кассандра» изучила данные, собранные за несколько дней, и выставила подробный отчет.

— Скажи, а у вас диета из таблеток и алкоголя — это норма? Ну, в Нижнем городе.

— Типа того, да. А что?

— Сможешь разобрать? — попросила она, протягивая девушке планшет. словно сама не хотела произносить вслух вывод, напрашивавшийся сам собой на основе витиеватых графиков. Дези нахмурилась, но принялась читать отчет.

— Чтоб ты понимала, это перспектива ближайшего месяца. Гениальный яд вы едите, конечно. Минимальная токсичность со скрытым накопительным эффектом. Никакой зависимости, но он вызывает нарушения нервной системы, которые потом сам и блокирует. Мозг просто забывает, что ему нужно спать и угасает. Гениально, — произнесла девушка и тут же ощутила острое желание помыть рот с мылом. Сделать хоть что-то, чтоб отменить эти слова, разорвать их связь с Ремом. Кана с бесстрастным лицом палача перелистнула страницу. На новом листе появился рисунок мозга с подсвеченными областями.

Дези поджала губы и чуть не уронила планшет. Трясущимися руками передала его Кане.

— А мне такую штуку можешь посчитать?

— Да.

— А придумать лекарство от этого? Ты же врач.

— Я не фармаколог, — виновато произнесла девушка.

— Да что ты вообще умеешь тогда?!

— Я... Я изучаю сон, — говорила она, с каждым словом растрчивая последние крупинки уверенности. Дези смотрела на нее слишком серьезно. Во всех ее чертах читалось: «Ну и бесполезная же ты сука». Но она ничего не сказала. Только стиснула кулаки и вклинилась между Каной и Ремом.

— Я послежу за ним. Иди отдохни.

— Я справлюсь. Тебе самой нужен отдых.

— Расслабься. Я это делала уже кучу раз.

Кана слишком устала, чтобы спорить. Она только кивнула, потратив остатки сил на благодарное выражением лица, и ушла в ванную. Больше всего хотелось смыть с себя этот день, выполоскать его из памяти до последнего фрагмента. Ей казалось, что она сходит с ума. Это не ее жизнь, не то, чем она должна была заниматься.

Прохладные струи воды барабанили по коже, но вместо спокойствия приносили только нервозность. Кана скребла пальцами спину, шею и плечи до красных полос, а в голове болезненно пульсировало: «Идиотка! Идиотка!». И сквозь это насмешливое плюющееся слово проступало острое, режущее до кости чувство вины.

«Ну и что ты кому хотела доказать? Что можешь создать гениальное исследование? Что можешь изменить мир не хуже нейросети?» — едкий внутренний голос хлестал ее по нервам, пока Кана не встряхнулась, как ошпаренная. Настройки температуры слетели из-за перепада напряжения, и теперь ее поливало ледяной водой. Ученая выбралась из душа, наскоро вытерлась и бросилась в свою комнату, сжимая в руках планшет.

Она точно знала, из-за чего начались все ее проблемы. Не зажигая света, она рухнула на постель и включила устройство прежде, чем успела перехватить пылающий взгляд своего отражения в черном стекле. Кана забралась в тот самый зашифрованный угол памяти, где хранилась ее рукопись. Одного взгляда на файл было достаточно, чтобы ладони вспотели. Как при первой встрече с Тимидо, когда она сперва была очарована, а теперь захлебывалась в горечи.

«Я не позволю тебе испортить мою жизнь», — прошептала она и одним движением отправила файл в корзину.

На мгновение всю ее окутала звенящая тишина. Казалось, время замерло, чтобы тут же звенящей от напряжения спиралью начать раскручиваться вспять. Корень зла выкорчеван, причины сидеть в Лас-Риасе нет. Кана закрыла глаза, представляя, как откроет их и увидит знакомые с детства мосты и покатые крыши. Но когда она подняла веки, взгляду все еще предстала темная пустая комната. Чуть смазанная из-за пелены слез.

Глава 16. Свидания

Гектор Рива потянулся изо всех сил, словно одно это движение могло отменить десять часов сидения в позе креветки. Трекер на руке пикнул, благодаря инспектора за то, что он все-таки решил подать признаки жизни. Молодой человек поднялся из-за стола и принялся мерить шагами кабинет, заново вспоминая, что такое прямохождение.

«Кабинет инспектора» только звучал солидно. На деле это была маленькая тесная каморка, которая вмещала только стол и кресло, раскладывавшееся в тесную одноместную кровать. Ничего лишнего, никаких пылесборников вроде коробок с документами. Все материалы дела проецировались прямо на голографическую доску. Не было даже часов, за которые мог зацепиться глаз. Время работы Гектор отслеживал по постепенно увеличивавшемуся числу кофейных отпечатков на столешнице. Судя по размытым коричневым кольцам, было около пяти часов вечера. В голове копошилась тревога, а вместе с ней — ощущение прожитого впустую дня. Он потратил целые сутки на сбор материалов по делу об ограблении галереи — разослал все на свете запросы, а получить смог только записи камер видеонаблюдения. Из-за того, что Габриэль Тимидо назвал свое собственное ограбление «благотворительной акцией», никто не стал затруднять себя составлением протоколов и написанием отчетов. На Гектора, пытавшегося втолковать коллегам-инспекторам, что дело тут не в политическом ходе, смотрели как на шизика. А чего он хотел, если на его личной рабочей доске до сих пор висел портрет Дезире, которую освободили по запросу кандидата в губернаторы? В участке молодого и амбициозного Риву уже считали одержимым этой девчонкой.

А Гектор, как мог, собирал на нее информацию. Девушка была либо слишком умна и гениально играла роль дурочки из трущоб, либо реально не понимала, что происходит. Профессиональное чутье Ривы требовало в этом разобраться. С появлением девчонки в городе начала твориться какая-то фигня. Гектор не знал, как конкретнее описать происходящее, больше всего оно напоминало тараканье копошение. Хотя все вокруг говорили, что это нормальное состояние города во время предвыборной гонки — либеральный кандидат занимается «спасением котят», чтобы потом весь мир увидел, что ни один выходец из Нижнего города не может прижиться в их прекрасном и продвинутом мире. И все же Гектор не унимался. Его беспокоил еще и новый протеже Тимидо.

Парень оказался настоящим призраком. Во-первых, Гектор не мог отследить его по камерам. Система распознавания лиц с ним не работала. Ему случайно удалось найти его портрет — вырезать его со скриншота записи системы безопасности рядом с галереей. Но прогон через распознавание лиц ничего не дал. Даже камера у галереи почему-то определяла его как голубя, хотя птиц в городе не было со времен первого экологического кризиса! А отсматривать лично миллионы часов записей было какой-то изощренной формой самоубийства. Парня в системе просто не существовало. А если его не могла распознать система, то нельзя было и трекер его отследить.

Гектор выл и рычал, и носился по кабинету, как загнанный зверь. Хотелось побиться головой о стену, но аутоагрессия снижала социальный рейтинг, а это значит — прощай безлимитный кофе и привет, зеленый чай, от которого только обоссаться можно.

Еще и Никколо предпочитал игнорировать его предупреждения и версии. Сколько бы молодой инспектор ни пытался объяснить, что Тимидо мутит воду и затеял какую-то новую

игру, старик его не слушал. Он был уверен, что Габриэль просто решил добавить перчинки в их бесконечный спектакль, в котором Никколо всегда побеждает в финале. Только после случая с галереей старик начал настораживаться, когда рейтинг Тимида резко скакнул вверх на несколько десятков пунктов. Но и тут он загонял своих пиарщиц, а Гектора не слушал.

Ровно в этот момент трекер высветил входящий звонок от Никколо. Гектор закатил глаза, но трубку поднял.

— Инспектор Гектор Рива.

— Дай угадаю, ты опять смотришь на фотку девчонки из Нижнего и дрожишь, — сипло рассмеялся старик. Гектор снял очки дополненной реальности и помассировал переносицу. Голографическая доска исчезла.

— Никак нет, просто выполняю свою работу.

— Мальчик, я тебе уже говорил, оставь ты в покое Тимида и его балаган. У тебя на участке нулевая преступность, всем насрать, выпустили девку или нет.

— И что мне делать? Пойти в дартс играть?

— Сходи к пиарщицам. Они сведут с журналистами, посветишь лицом, напомним избирателям, как им повезло жить в нашем Лас-Риаса. Думай на перспективу.

Гектор осел в кресло и уперся взглядом в потолок.

— Раз уж у тебя нет сильно важных дел, загляни к Мигелю. Пацан хочет сходить в картинг.

— У меня...

— Он к тебе, как к брату относится. Не подводи его.

И повесил трубку. Гектор устало откинулся в кресле. Как бы высоко он ни забрался по карьерной лестнице, Никколо все равно находил способ припахать его нянькой для своего сына. Они и правда были своего рода братьями. После катастрофы с Башней Бедняков Никколо взял Гектора под свой патронаж, чем влюбил в себя избирателей в тот год и Марию Рива в частности. Так, что она почти перестала горевать по безвременно почившему мужу. В службе безопасности Лас-Риаса шептались, что Никколо готовит Гектора себе в преемники, и отчасти были правы. Никколо не скрывал, что рассчитывает, что через пару-тройку сроков Гектор займет его место, но лишь затем, чтоб губернаторское кресло не остывало, когда на него положит задницу Никколо-младший. А Гектор тогда перейдет ему в наследство, как самое доверенное лицо.

В этом был весь Никколо. Любой его жест доброй воли был инвестицией, с которой он снимал бешеные проценты. А тебе оставалось только устроиться поудобнее, чтоб марионеточные нитки сильно не драли мясо, когда за них дергают.

Гектор еще немного побуравил взглядом очки, а потом сдался, натянул пиджак и поехал в самый верхний район Лас-Риаса, где высотки подпирали стеклянный купол. Он еще помнил, как ходил там с отцом, когда на месте красивых домов из стекла были только палатки и строительные леса. Теперь тут жили самые богатые и влиятельные люди, убежденные, что каждый рад порвать жопу, лишь бы облизать их ботинки до блеска.

Умный дом встретил его переливом звонка и коротким приветствием. Прислуги Никколо не держал, лишние глаза и уши в доме ему были не нужны, хватало и сына. Но Мигелю было однозначно скучно коротать дни в компании голосового помощника. Он доводил искусственный интеллект до нервного заикания и все рвался на свободу. Мартину пришлось пойти на уступки, поэтому Гектор выгуливал будущего губернатора два-три раза в неделю. По мнению Никколо, это должно было укрепить связь его «наследников». То, какие

отношения связывали их на самом деле, старика не особо интересовало.

— Картинг, значит? — без особого энтузиазма спросил Гектор.

— Ага, — Мигель валялся на диване и сонно клацал джойстиком. На экране зомби разваливались в кровавую кашу.

— Как ты обошел возрастное ограничение?

«Жестокие» игры детям не давали. Чтоб уберечь их психику в джойстиках установили сканеры отпечатков пальцев, лишь бы убедиться, что игрок достиг совершеннолетия. Мигель хитро улыбнулся и показал большой палец, замотанный пищевой пленкой.

— Я спиздил отпечаток пальца бати.

— А если он узнает?

— Если ему еще дело будет. Ща, я пройду миссию и поедем. Сука!

Гектор устало вздохнул и подошел к окну. Из апартаментов Никколо вид был получше, чем из его кабинета или квартиры, которую ему выделили как служащему. Гектор все пытался мысленно примериться к такому шикарному жилью, но, видимо, он слишком хорошо знал его начинку и понимал, что в глубине своей, под слоем шикарной мебели и дорогой отделки, все те же провода и перекрытия, что и в домах «похуже».

— Погнали. Глянь, че надыбал, — Мигель бросил ему в лицо какой-то кусок тряпки. Инспектор развернул его и увидел рубашку с каким-то психоделическим принтом. На Мигеле были такие же штаны.

— Неплохо.

— Короче, какие-то дизайнеры придумали шмотки, которые в глаза долбят систему распознавания лиц. Их тут же прикрыли, ясное дело, а отец забил себе этими шмотками половину шкафа, — усмехнулся пацан.

— Вот как, — хмыкнул Рива, быстро прочитал название на ярлыке и вернул рубашку Мигелю.

В картинге свободных дорожек не оказалось. Тренировалась какая-то команда, и на площадке раздавалось пронзительное жужжание двигателей. Мигель «великодушно» (в стиле своего отца) согласился подождать, пока катающиеся не закончат, а сам потащил Гектора за собой в кафе. Инспектор только и успевал, что поражаться, как быстро мальчишка превращался в копию Мартина Никколо.

В кафе они просканировали свои трекары. Мигелю в меню выпало вариантов пятьдесят комбо-обедов, а Гектору — три вида салата. В этом была вся система здравоохранения — мало двигаешься, значит и ешь мало. Хочешь есть что-то кроме салатов — готовь дома. Теперь сканеры стояли в большинстве заведений, и только в парочке можно было есть по-старинке, но их давили налогами.

Гектор с Мигелем устроились за столиком. Пацан с сожалением посмотрел на ковыряющегося в салате Гектора и от души сыпанул ему наггетсов со своей тарелки. Инспектор уже хотел было поблагодарить паренька, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что только что произошел очередной жест доброй воли в стиле Никколо. Аппетит пропал.

— Ты узнал то, о чем я тебя просил? — спросил Мигель.

— А если отец узнает, что ты суешь нос в его прошлое?

— Его собственный нос и не в таком побывал, — скрестил руки на груди мальчишка. — К тому же, отец планирует оставить тебя мне в наследство. Так что считай это своим тестовым заданием лично от меня.

— Вот как. Хорошо.

— Ну так ты принес?

— Еще один раз внятно объясни мне, зачем тебе это нужно.

— Не твое дело, — набычился подросток. Гектор уже знал этот прием и просто показал ему планшет. Мигель закатил глаза. — А ты бы не хотел узнать, кто твоя мать?

— Я-то свою знаю, — развел руками Гектор.

— Вот именно, — рывок, и планшет оказался в руках Мигеля. — Разблокируй.

Гектор послушно поднес палец к сканеру, и экран включился. Брови Мигеля подскочили вверх. Он принялся водить пальцем по экрану, наспех пролистывая страницы.

— И это все?

— Ты попросил узнать, кто она и где сейчас. Я собрал короткое досье. Так звучала задача, — невозмутимо произнес инспектор, делая вид, что ему непонятно, что на самом деле пацана интересовало, какого хрена женщина, родившая его, бросила собственного ребенка.

Мигель бросил на него испепеляющий взгляд и отлистал документ наверх, где рядом с именем была фотография. Голубые глаза, как у него, такие же светлые волосы и прозрачная кожа. Мальчик поджал губы и нахмурился.

— Она все еще работает в этом клубе?

— Наверное. Не в курсе.

— Мне нужно туда попасть. Придумай как, — скомандовал он. На секунду Гектор опешил и даже не нашелся, что ответить. Почему-то весь его мозг охватила одна мысль:

Как ребенок, выросший в окружении сенсорных экранов, мог не научиться вытирать руки, прежде, чем трогать устройство?

— Иначе я расскажу отцу, что ты нарыл на его бывшую кралю.

***

Голова почти зажила. Первый день Рем еще провалился на диване и перебивался обезболивающими, но на следующий уже чувствовал себя так, словно заново родился. В теле была непривычная легкость, мозг не требовал сна, даже ничего не раздражало.

На третий день после ограбления галереи Рем проснулся полный бодрости, к тому же раньше всех. Добрался до душа, оценил парикмахерские усилия Каны — волосы торчали неровными клочьями во все стороны. Он сбрил остатки и подмигнул щуплому парню в отражении. Без волос он выглядел как-то совсем дохло, как подросток из военных фильмов. Благо, чувствовал себя получше.

Он даже успел приготовить завтрак, когда на кухню вышла Кана. Тоже бодрая и улыбчивая. Казалось, что всех этих дней и встреч с Тимидо не было. Либо же они были просто тяжелым сном, из которого они, наконец, выбрались и теперь просто жили. Завтракали, разговаривали, пили кофе, смотрели старые фильмы с ограниченным доступом. Как нормальные люди. Эта нормальность Рему была вновинку, но он к ней привык и ему даже понравилось. Настолько, что, налив Кане кофе, он сказал:

— Может, днем выберемся в город? Все вместе. Если ты, конечно, не занята и у тебя нет каких-то дел.

— О, можно. Не занята, дел нет, — улыбнулась девушка. После удаления своего исследования она проплакала всю ночь, а на следующий день просто... проснулась. И начала жить.

Было непривычно. Готовить и не думать о недописанной книге. Заниматься спортом и не вспоминать, что тот абзац на сто пятой странице можно и получше написать. Ей казалось, что без этой книги ее жизнь будет пустой, но на деле в ее душе как будто закрылась черная дыра, и все пришло в равновесие. Это было удивительно. Даже мир показался ярче и светлее. Но руки то и дело тянулись к планшету, создавали пустой документ, а потом снова удаляли. Новой волны удовлетворения это не приносило, но и хуже Кана себя не чувствовала. Даже появлялось желание снова выходить в люди.

— Я сто лет не была на свидании, — улыбнулась она и тут же покраснела. Рем издал сдавленный смешок, и с верхнего этажа тут же донеслось:

— Свидание?! Вы идете на свидание?! — Дези тут же влетела на кухню, на ходу поправляя шмотки.

— Началось, — закатил глаза Рем.

— А как же Тай? — обронила она. Вслед за этими словами повисла неловкая тишина. Рем бросил испепеляющий взгляд на сестру, но та всем своим видом давала понять, что извиняться не собирается. И брать свои слова обратно — тоже. И вообще как-то спасти его задницу она не будет.

— С Тай все нормально, — отрезал Рем и налил себе кофе. Кана виновато опустила глаза.

Дези как ни в чем не бывало села за стол и подперла щеки руками. После истории с библиотекой ничего не происходило. Она решила не искушать судьбу (и не бесить Рема лишний раз) и сидела дома, как хорошая девочка, изнывая от скуки. Она посмотрела все старые фильмы, прочитала все новости, в общем, сделала все, чтоб не чувствовать себя бесполезной. Единственным ее занятием стала смена повязок на разбитой голове брата. И вот вся его благодарность — позвать гулять Кану, а не ее.

— Может, сходим куда-то все втроем? — вдруг предложила ученая. Дези тут же оживилась.

— Можно. Я хочу в зоопарк.

— Там всего лишь пара старых животных, — пожала плечами Кана.

— Я вживую их ни разу не видела.

— Ладно, пойдем, — ответил Рем и отправился собираться. Краем глаза он заметил бегущую строку новости на трекере. За пределами биосферы закончились бури. Повреждена тысяча домов в Нижнем городе. Отправлена гуманитарная помощь. Эхом в голове прозвучало: «А как Тай?». Но память тут же подбросила их последний разговор, и Рем отогнал эту мысль.

Он натягивал шмотки, то и дело хмыкая себе под нос. Как-то быстро он привык к этой роскоши вроде дней, когда можно ничего не делать, чтоб в холодильнике появлялась еда. Каждое утро доставщик приносил Кане целую корзину фруктов и овощей, мясо в бумажных пакетах, специи. Эта сытая и относительно спокойная жизнь начала просачиваться в него, размывая привычки есть как можно меньше, следить за временем, спать вполглаза. В какие-то моменты его одолевал страх, что он вернется в Нижний город — и не сможет привыкнуть к его темпу жизни.

Он гонял эти мысли даже в зоопарке. Хотя «зоопарком» это назвать было трудно — так, пара вольеров со старыми козами и собаками. Вокруг носились дети, на скамейках сидели взрослые. Дези купила корма и радостно кормила животных, а Рем все пытался расслабить булки и вынырнуть из своих мыслей.

Кана плавной тенью ходила следом за Дези. Ей по-своему нравилось смотреть, как эта девушка с радостью ребенка открывает для себя новый мир. Ученой даже казалось, что, проведи они побольше времени вместе, она научится радоваться мелочам также. Оптимизм Дези был заразителен, особенно, когда она была в хорошем настроении. Как сейчас, когда она отогнала детей и обнимала козу, зарываясь носом в жесткую шерсть.

— Она так странно пахнет.

— Это нормальный запах животного, — пожалала плечами Кана, но восторга Дезире это не уменьшило.

— Никогда такого не чувствовала.

— А на островах еще остались дельфины. И даже иногда можно увидеть китов.

— Они большие?

— Огромные, — кивнула учена. Дези мечтательно закатила глаза, видимо, пытаясь представить себе размер морских гигантов.

— Хотела бы я их увидеть.

Кана хотела было сказать, что у нее еще все впереди, но по выражению лица Дези стало понятно, что ее оптимизм все-таки имеет рациональные границы.

— Ты не подумай, я не дура. Сама знаю, что скоро мы вернемся каждый в свой дом и будем заниматься обычными делами.

— А чем бы ты хотела заниматься, если бы была возможность?

— Хрен его знает, — пожалала плечами девушка. — Мама говорила, что из меня получится неплохой врач. Это ж в Верхнем городе большую часть диагностики и лечения проводит система, а в Нижнем все по-старинке: штопаем, колем, роды принимаем.

Она тяжело вздохнула, вернувшись в воспоминания о родных местах. Кана потормошила ее за плечо.

— Такие люди нужны не только в Нижнем городе. Есть еще экспедиции. Там тоже нужны полевые врачи. Если тебе, конечно, хочется проводить месяца в пустынях.

— А что там делать?

— Искать, где еще осталась жизнь. Или где еще можно отстраивать цивилизацию.

— Круто! Еще б меня туда взяли. Я люблю всякие штуки находить.

Она открыла трекер и начала показывать Кане фотографии, которые сделала за время в Верхнем городе. Дети с радостным визгом побежали к жалобно блеявшей козе, оставшейся без внимания. Дези показывала Кане фото кошек в окнах домов, улицу, заполненную людьми, площадь, саму Кану, сидевшую в задумчивости над чашкой кофе.

— Я даже смогла выдрать пару фоток из своего облака. Это из старого.

— А эту ты когда сделала? — Кана задержала взгляд на одной из фотографий.

— Пару месяцев назад, а что?

На снимке был Рем. Улыбающийся, с рюмкой в руке. Это был первый раз со смерти Фелиз, когда он по-настоящему рассмеялся от какой-то дурацкой шутки. Его сложило пополам от смеха и трясло всем телом, но Кану интересовало не улыбающееся лицо, а человек на заднем плане. Габриэль Тимидо, собственный персоной, смотревший прямо в объектив.

— Вы чего зависли? — Рем неожиданно появился рядом с ними и без спросу взглянул на фотографию. — Та-а-ак...

Он приблизил снимок, насколько это было возможно, и сдвинул немного в сторону. Рядом с Тимидо была высокая рыжеволосая женщина. В одежде узнать ее было трудно, но

Рем все-таки смог. Барменша из спикизи-бара.

— Какая-то хуйня вырисовывается.

— Ты чего удумал? — нахмурилась Дези.

— Поговорить надо с этой Верой.

— Я с тобой, — тут же вскинулась сестра.

— Нет. Это место не для тебя.

— Еще чего!

— Он прав, — вступилась Кана. — Лучше я пойду.

— А мне что делать? Сидеть дома и звонки принимать? — насупилась девушка.

— Сходи в...

— Давай, придумай мне занятие, чтоб я не мешалась тебе под ногами. Я же бесполезная, — вспыхнула Дези. Рем хотел что-то ответить, но секунды промедления оказалось достаточно, чтобы Дези «все поняла». — Ясно. Заебись. Не буду вам мешать. Увидимся дома.

Она круто развернулась и потопала прочь, оставляя Рема с Каной наедине.

— Я не знаю, во сколько открывается клуб. Но можем поехать туда сейчас, — сказал он. Время клонилось к вечеру. Кана кивнула, запоздало спрашивая себя, во что она опять вляпалась. А главное, зачем?

Дези вышла из зоопарка и оглянулась, ожидая, что Рем все-таки пойдет за ней. Но его не было. Узкая спина виднелась вдалеке, но идти в ее сторону брат явно не собирался. Дези злобно поскрипела зубами, а потом достала смартфон и набрала сообщение.

***

— Кто тебе пишет? Опять по работе?

— Нет, это одна девушка, — Гектор вороватым движением попытался спрятать трекер в рукаве, но матери было достаточно одного слова, чтобы оживиться.

— Девушка? Почему ты сразу не сказал?

Мария Рива сразу помолодела лет на пятнадцать. В этом было волшебное свойство ее улыбки, преображавшей обрамленное кудрями безукоризненное лицо. Гектор был похож на нее куда больше, чем на отца, и иногда Мария сожалела об этом, когда на нее накатывала слишком сильная тоска по мужу.

— Нет, это не моя девушка. Просто девушка, с которой я познакомился. На работе.

— Она хорошая? Из приличной семьи?

— О-о-о, — только и протянул молодой инспектор, но мать и такой ответ устроил.

— Ладно-ладно. Но помни, на случай особого свидания можешь взять костюм отца. Винтаж сейчас в моде, — подмигнула она. Мария Рива была дизайнером, и всю тоску по временам, когда все было хорошо, вымещала на одежде. Ей очень нравилось собирать старое барахло и придавать ему шик, а мода Верхнего города охотно подчинялась ей. Тем печальнее было, что сын был напрочь лишен этого чувства стиля.

— Все не так, я...

— Ох уж эта ваша мода на отношения, — покачала головой Мария. — Вот тебе совет от старой женщины. Если она не идет у тебя из головы, и ты чувствуешь, что у вас особенная связь, то не сомневайся и не трать время даром.

— Ты просто хочешь внуков, — попытался отшутиться Гектор, но мать со всей серьезностью обняла его.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив. А быть с теми, кто тебе дорог — самый верный способ это сделать. Пусть порой и самый трудный.

«И почему ее считают городской сумасшедшей?» — подумал он. После повышения он почти не бывал дома у матери. Поговаривали, что она превратилась в затворницу и перестала посещать тусовки высшего света, но Гектор, проводивший теперь слишком много времени под крылом у Никколо, был ей за это даже благодарен. И все-таки ему не хватало их общения, хоть мать и начала ударяться в астрологию.

***

Бар, наверняка, начинал работать только ночью, но Рем решил рискнуть. Они с Каной зашли в главный зал заведения, служивший прикрытием. Официанты сонно перемещались, протирая столы. Присмотревшись, Рем узнал нескольких танцоров. Коротко стриженный юноша, несколько дней назад извивавшийся на столе, посмотрел на гостей с усталым безразличием и указал на свободные столики. Больше в баре никого не было.

— Могу предложить вам сезонные блюда, — сказал он, включая меню в столешницах.

Рем перебросился взглядами с Каной. Та кивнула и принялась расспрашивать официанта, пока молодой человек жестами показал, что якобы идет в уборную, а сам направился к занавешенной бархатным полотном двери. Он дернул за ручку, но та не поддалась.

— Эй, это служебное помещение, — раздался недовольный женский голос над ухом. Молодой человек обернулся и широко улыбнулся.

— А, ты-то мне и нужна.

Вера, в белоснежной рубашке и фартуке, опешила. Вытянула руку, но Рем быстро перехватил ее запястье.

— Ты знаешь Тайнару, навещала ее в Нижнем городе около двух месяцев назад.

— Не понимаю, о чем ты. Я сейчас вызову охрану!

— Я ее... Мы работали вместе в клубе. Я тоже из Нижнего города.

Вера застыла. Мягко высвободила руку из его хватки и кивнула, жестом приглашая идти следом. Пикнула открывающаяся дверь для персонала.

Без шевелящейся груди голых тел потайная часть заведения выглядела более, чем прилично. В дальней части зала разминались готовившиеся к вечеру танцоры. Роботы-уборщики ползали по полу, собирая последние следы бурной вечеринки. Вера прошла мимо них, на ходу давая комментарии то танцорам, то уборщикам, и у Рема случилось странное дежа-вю. Словно он снова оказался в клубе в Фундо, и это Тай ведет его за собой, на ходу управляя «Матта Вгуха».

— Что ж ты сразу не сказал? — бросила она через плечо, закончив отдавать поручения.

— Ты не спрашивала.

— Хорош, — ухмыльнулась она. — Значит, ты знаешь Тай и работаешь на Тимидо. Это какой-то изощренный способ отомстить ублюдкам?

— Не понял.

— Мы с Тай работали тут лет пятнадцать назад, когда клуб только раскачивался, — заговорила Вера. Она перегнулась через бар и достала портсигар, вынула сигарету и с удовольствием закурила. — Танцевали в основном. Это место — собственность Тимидо, он тут отмывал доходы Никколо еще до того, как тот стал губернатором. Тай, наверное, рассказывала.

— Кажется, — пожал плечами Рем. Вера смерила его пристальным взглядом, но продолжила. — Что бы ты ни задумал, будь осторожен. Эти пидарасы держатся за свои руками и зубами. Когда Тай залетела от Никколо, от нее быстренько избавились и сослали в Нижний город. Она неглупая, ей нашли хорошее место.

— Но ребенок остался тут.

— Конечно. Никколо своего не оставит.

— А что вы с Тимидо делали в Фундо?

— Габриэль предложил ей сделку. Она должна была как-то помочь. В обмен ей бы вернули сына. Такие дела. Это все, что я знаю.

— А как вы попадали в Нижний город?

Она удивленно посмотрела на него, но усмехнулась и все же ответила.

— Под обломками башни есть проход, связывающий два города. Возьми на заметку, может, пригодится. Мой тебе совет, когда сделаешь работу для Тимидо — вали со всех ног. Что бы они ни говорили, все одинаковые.

— А ты почему не свалишь? — спросил Рем.

— Повода пока нет. Мне есть, чем заняться здесь.

— А здесь все из Нижнего города? — он кивнул на танцоров. Вера помотала головой.

— Нет, просто ребята с низким рейтингом, которых никуда толком работать не берут. Депрессивные, импульсивные, нестабильные. Я своего рода эксперт по отбросам. Во всем городе дефицит кадров, но брать кого попало никто не хочет. Вот и приходится брать их под крылышко. Кому-то тяжело, но большинству нравится. Тут и веселье, и алкоголь, и дурь под рукой. Кстати, хочешь? Только привезли.

— Оставь гостям, — отмахнулся Рем.

Когда он вышел, Кана уже заканчивала ковырять вилкой салат. К удивлению Рема, его место было занято живеньким старичком в цветастой рубашке.

— ... Губернатор Никколо все спрашивал, куда Вы подевались, доктор Хикари. Неужели у Вас так много работы? Нужно же и отдыхать. Вы и сами, насколько я знаю, писали исследование о важности качественного отдыха.

— Я писала о влиянии сна на качество жизни, — пыталась отвертеться Кана.

— Ну, сон — это когда надоели другие варианты отдыха, — хихинул старик.

— А вот и мой спутник, — облегченно улыбнулась Кана, когда Рем подошел к столу. Старик бросил на него внимательный изучающий взгляд поверх очков.

— О, прошу прощения за то, что помешал вашему свиданию. Я Гато, антиквар, — он тут же подскочил с места и протянул Рему руку. Рукав рубашки чуть задрался, обнажая татуировку на предплечье. Такую же двухголовую змею, как у Тимидо. Рем напрягся, но выдавил улыбку.

— Очень приятно.

— Ну, не буду вам мешать.

Когда Гато отошел, Кана обратилась к Рему.

— Он сказал, что через пару дней во Дворце науки будет прием. Обычная предвыборная вечеринка. Скорее всего, туда-то Тимидо нас и потащит.

Рем хотел было сказать пересказать ей разговор с Верой, но запнулся. Кану, в конце концов, дела Нижнего города не то, чтобы сильно касались. Или, скорее, ему не хотелось, чтоб ее и дальше утянула эта трясина. Рем откинулся на широкую спинку кресла и с тоской окинул взглядом заведение. Шикарная мебель, роскошная еда, коктейли. В таком месте

действительно круто было проводить свидания. Ему, пожалуй, впервые в жизни захотелось просто посидеть с красивой девушкой, выпить и поболтать, на время забыв обо всей истории, в которую они оказались втянуты. Как сегодня утром, когда они просто сидели и болтали, обмениваясь теплыми взглядами.

Рем ткнул пару раз в столешницу, вызывая меню.

— Будешь коктейль?

***

Она ждала его возле смотровой площадки напротив Башни Бедняков. Гектор Рива сбавил шаг, чтобы она не подумала, будто он торопился. Дезире обернулась на звук его шагов, и ему почему-то стало легче. Когда он прочитал ее сообщение, ему показалось, что что-то случилось, но девушка была в порядке. По крайней мере внешне.

— Ты хотела увидеться, — он поравнялся с ней. Дези коротко кивнула.

— Хочу предложить эту... сделку со следствием. Или типа того.

— Что так?

— Хочется жить нормально, а не в шпионские игры играть. Хочется домой, — проговорила она и обхватила себя руками, совсем как подросток. Такой он ее еще не видел.

— Я могу обеспечить тебе, максимум, возвращение в Нижний город.

— Пойдет. Ебала я это все, — мотнула головой девушка, не оставляя себе времени на размышления и сожаления. — Что мне нужно делать?

Глава 17. Пре-дринк

Рем как ни вертел открытия последних дней в своей голове, никак не мог составить из них цельную картинку. Чего-то не хватало, но он никак не мог понять, чего именно. И стоило ли вообще в этом копаться? Тот самый внутренний голос, который помогал ему на протяжении жизни, и тут скребся и говорил переждать, перетерпеть. Просто сделать хорошо работу, о которой его попросит Тимидо, а потом свалить в закат. Вот только в этот раз тревога вопила громче, долбилась череп, царапая извилины и повторяя: «Пизда тебе Рем, ты что, не понимаешь? Все это наебалово. Вас сольют. Обоих. И станцуют на ваших костях!». Он понимал. Осознание накатывало на него по несколько раз на дню, парализовало, заставляло по полчаса смотреть в одну точку. А потом растворялось, как судорога, оставляя после себя мерзкое саднящее ощущение.

Рем чувствовал себя одним из этих героев мультиков, которые сидят на плывущем бревне и с выпученными глазами смотрят, как приближается обрыв. Вот такое течение его и несло, а Рему не хватало сил даже паниковать. К тому же все вокруг были настолько спокойны, что Рем начинал сомневаться, а не приглючилось ли ему в очередной раз, что дела хуже, чем есть на самом деле.

Дези, главная паникерша, вообще ходила с довольной улыбкой и напевала. Утром Тимидо отправил им приглашения на прием во Дворце Ученых. Последний вечер, когда кандидаты на должность губернатора будут любезно расшаркиваться и желать друг другу победы. Уже на следующий день они будут тусоваться в телестудиях и на стримах, критикуя друг друга. К приглашениям, как стоило ожидать, прилагались шмотки.

Рем сверлил взглядом притащенный ему смокинг, как из старых фильмов, и все не решался его даже примерить. Казалось, стоит ему сунуть руки в рукава, и пиджак схлопнется, дробя его кости, как капкан. Рем встряхнулся, отгоняя образ, и схватился за край ткани.

— Это натуральная ткань, ты представляешь, — Дез оказалась тут как тут и бахнулась на кровать, оставляя за собой шлейф из запахов ванной. — Это будет супер-круто. После такого хоть помирать.

— Обоссаться смешно, — буркнул Рем.

— Тебе б в душ сходить, прежде, чем это напяливать, — сказала она и смерила его пристальным взглядом. — Ты спал вообще?

Рем помотал головой. Дез нахмурилась.

— Ты в курсе, что у тебя мозг может разучиться спать. Еще месяц-два и ты себя в зеркале узнавать не будешь. Кана же тебя предупреждала.

— До этого не дойдет, — пообещал Рем и, вытащив из-под задницы сестры успешнее намокнуть полотенце, направился в ванную.

То же самое он пообещал Кане буквально двенадцать часов назад. Они посидели немного в баре «Old Fashioned», а потом Рем впервые за очень долгое время предложил прогуляться. Не говорить о делах, Тимидо или о том, что будет дальше. Они просто ходили по освещенным улицам, слишком медленные для торопливой вечерней толпы, спешившей навеселиться, чтоб вовремя лечь спать. Кана рассказывала о жизни на Островах. О том, как «Кассандра» там сама выбирает, кем человек станет, когда вырастет, какой работой сможет заниматься, с кем заведет детей. Рем слушал и сыпал вопросами. Ему нравилось, как

загорались глаза Каны, когда она знала ответ.

— А если человек, которого подобрала «Кассандра» тебе не нравится? Или ты ему не нравишься? Или он больной какой-нибудь?

— Ну, обычно тебе дается три попытки, после которых у тебя просто берут генетический материал и... убирают из выборки.

— То есть больше никаких отношений и секса?

— Не совсем, это еще можно. Просто статус тогда... он будет несколько ниже. Как тут с социальным рейтингом. Но у вас гораздо свободнее с этим.

— В Нижнем социального рейтинга вообще нет, — с гордостью заявил Рем. — Правда, у нас и кто отец не разберешь. Наш папаша это постоянно матери припоминал.

Он прикусил щеку и тут же принялся шарить глазами по улице в поисках новой темы для разговора. Вдруг крошечная ладонь Каны легла на его кулак.

— Сколько алгоритмов ни создай, идеальных родителей они не разработают, — улыбнулась девушка. — Возможно, они не так уж и полезны.

— И это говоришь ты? — хмыкнул Рем. Кана пожалала плечами.

— Машины могут поставить диагноз, провести операцию, оплодотворить яйцеклетку. Но даже они не могут объяснить людям, что значит не быть мудаками по отношению к себе и к другим.

— Ну, кажется, судьба человечества — быть идиотами и рано или поздно умереть от этого, — хмыкнул Рем. Кана вздоргнула и смерила его серьезным взглядом. — Что?

— Ты говоришь так, будто тебе все равно.

— А что я могу? — он придержал ее за плечи так, чтобы она могла заглянуть ему в глаза. — Вы меня затрахали говорить, что моя жизнь в моих руках. Красивый пиздеж, не больше. Даже тебе твоя жизнь не принадлежит — ты идешь на поводу у машины.

Кана вздрогнула еще раз, всем телом, словно сдерживаясь из последних сил и не давая себе прописать Рему в челюсть. Молодой человек улыбнулся.

— Попробуй, если осмелишься.

— Нас арестуют за беспорядки.

— Это если догонят. Давай! Давай!!!

И, не дожидаясь ее реакции, закинул девушку себе на плечо. Кана завизжала, когда все в животе перевернулось, и земля сверкнула перед глазами блестящей слюдой. Девушка вся сжалась и замерла, болтаясь вниз головой. Текшая мимо толпа замедлила свой бег, чтоб убедиться, что никого не насилуют и нет других веских поводов включить трансляцию. Секунду десятки взглядов сканировали Рема и Кану, а затем их внимание рассеялось, уткнулось в голограммы и трекеры.

Рем чуть пошевелил плечом.

— Ты вообще никогда не сопротивляешься, что ли? А?

— Ну я... Не то, чтобы умею.

— Мда, и как ты в Нижнем городе продержалась с полчаса? — фыркнул он и поставил ее на землю, помог поправить сбившийся пояс кимоно. — Пойдем домой. Покажу пару приемов, вдруг пригодится.

Дома Дези не оказалось. Рем отодвинул диван, поправил ковер, и принялся объяснять Кане, как вырваться из захвата, как ставить подножку и, при необходимости, опрокидывать противника крупнее себя. Также он учил Дези лет шесть назад, хотя она с детства могла навалить любому. Кана осторожничала, словно боялась самой мысли о том, что может

защититься от человека сильнее себя. Рему даже приходилось самому подставляться, но Кана только больше пугалась.

«Ты не оставляешь мне выбора», — вздохнул он и, мягко спружинив, зашел ей за спину, обхватил рукой, а второй принялся безжалостно щекотать. Кана замерла, как обычно, но тут еехватило лишь на секунду. А уже в следующий момент она принялась визжать и извиваться, мотать головой, дергать руками. Рем все продолжал щекотать, прижимая ее все ближе к себе, и вдруг Кана затихла. Обмякла в его руках. Рем замер и ослабил хватку. В эту же секунду девушка извернулась и ткнула его в солнечное сплетение. Рем закашлялся и осел на пол.

— Прости! Прости, прости, прости, — тараторила ученая. Она тут же подскочила к нему и схватила за руки. — Извини, пожалуйста.

Рем перехватил ее запястья и потянул на себя. От неожиданности Кана вскринула, но было поздно, она лежала, прижатая лопатками к полу.

— Запомни на всю жизнь. Ударила — убегай, — он нависал над ней, крепко сжимая ее запястья в ладонях. — Несильно, промазала — неважно. Если противник замешкался, то ты уже выиграла. Подбирай жопу в руки и вали.

— Хорошо. Извини, — пискнула она, ищу, куда бы уткнуть взгляд. Молодой человек продолжал нависать над ней, ее нога лежала на его бедре. И тут он схватил ее за щиколотку и поставил себе на бедро всей стопой.

— И хватит извиняться. Смотри сюда, — он крепче прижал ее ногу к себе. — Если так упадешь, то у тебя есть шанс меня перевернуть. Попробуй.

Кана энергично закивала и оттолкнула Рема ногой. Он послушно упал рядом.

— Отбросить противника тебе силенок не хватит, но сможешь вылезти сама и свалить, — констатировал он.

— Спасибо, — улыбнулась она и провела кончиками пальцев по его щеке. Рем улыбнулся, перехватывая ее запястье. Прижимая ладонь к своей скуле.

— А из этой позиции ты можешь как следует приложить меня об пол. Но чтоб вырубить, придется налегать всем весом.

— Ты хороший человек, — невозмутимо продолжала Кана. — Не дай себе сгореть.

И вывалила ему все про их «витаминки». Запинаясь и краснея, как будто она сама эти таблетки придумала и испытала на людях. Как будто она могла как-то это предотвратить.

— До этого не дойдет, — пробормотал он и придвинулся ближе, осторожно прижался губами к ее коже, смазывая косметику и ее тревогу.

Тренировка прошла не зря. Через несколько минут Кана уложила его на лопатки. Хотя, самообороной тут и не пахло.

Дези, естественно, все поняла сразу и теперь не уставала донимать брата.

— Пойдешь в душ, возьми с собой Кану для экономии воды, — хихикнула она. Рем смерил ее ледяным взглядом и закрыл дверь. Старался осторожно, но оно как-то само так вышло, что грохот услышали, кажется, даже соседи.

Не то, чтобы он жалел о случившемся. Единственное, что его беспокоило, это что Дез так и не научилась держать язык за зубами и использовала эту свою черту, чтоб всеми возможными способами съездить Рему по нервам. Зато вот Кану нападкам она не подвергала. По крайней мере, не в присутствии Рема. Спросить, так ли хорошо дела обстояли за его спиной у него язык не поворачивался. Он прекрасно понимал, что ученая не станет жаловаться ему на восемнадцатилетнюю девчонку.

Кана вообще вела себя странно. Снова стала нервной, взволнованной. Могла по несколько минут зависать, глядя в свой трекер, а потом начинала судорожно суетиться. Когда Тимидо скинул свои приглашения, ее паника достигла пика.

Рем обнаружил ее в гостиной. Ученая сидела с ногами на диване и сканировала взглядом страницу книги. Рем осторожно откашлялся, привлекая внимание. Кана подняла глаза и тут же улыбнулась.

— Как ты? — вскинул подбородок Рем, давая понять, что улыбкой она его не обдурит. На душе вдруг стало спокойно и хорошо от осознания, что он знает ее. И в ту же секунду спокойствие сменилось горечью.

«Нет, ну а чего ты хотел? Жить долго и счастливо?» — едко поинтересовался сам у себя Рем.

— Я в порядке, правда. Просто, не люблю публичные приемы. Мне всегда на них некомфортно, — призналась она, обнимая колени.

— Просто не принимай еду, напитки и таблетки из чужих рук, — пожал плечами Рем, не зная, что еще можно сказать. Кана согласно кивнула. — Все будет хорошо. Я переправлю данные, ты их обработаешь, Тимидо выкатит свою кампанию, и каждый пойдет своей дорогой.

Ученая еще раз кивнула и поджала губы, сдерживая рвавшийся на волю то ли вопрос, то ли возражение. Как бы они ни пытались обрисовать каждый свое будущее, оно все равно представлялось туманным, и обоих это пока что устраивало. Значит, можно не суетиться и плыть по течению, пока оно не привело к водопаду. А там — будь что будет. По крайней мере, для Рема Домингос-Сальва.

***

Час ночи. Сирены разрывают ночной воздух, наплевав на шумовое загрязнение и сон граждан.

— И в этом заключался твой гениальный план?! — визжала Дез, не зная, на кого броситься в своей бессильной ярости.

— Блять, Дез, завали рот нахрен, — рыкнул Рем и потянулся, чтоб отвесить ей пинка.

— Тебе лучше слушать брата, Дезире.

— Это вообще был план Тимидо, — напомнил Рем.

— А, сука, конечно! Может, мне к нему и обратиться? А, извините, как я могла забыть. Хуй там!

— Дез, завали и дай мне руку!

***

Шесть вечера. Они вышли на балкон пентхауса Тимидо. Кто вообще додумался делать бассейн на крыше и для чего? Рем отвлекал себя этими вопросами, чтоб мозг не успевал закипать от мыслей. Галстук давил на горло, Рем постоянно его чувствовал на себе, как ошейник, и лишний раз старался не шевелить шеей. Даже дышал через раз. В рубашке и пиджаке он потел, как крыса в крематории. По вискам и спине бежали струи пота, но облегчения они не приносили, только раздражение. И вот, он ходил по роскошным апартаментам, скользкий, потный и злой, и пытался держать себя в руках.

Миссис Аманда Тимидо, высокая молодая женщина, изо всех сил изображала из себя радушную хозяйку. Стоило Рему или Дези приблизиться к дивану, столику или тарелке с

закусками, Аманда отбрасывала в сторону волну золотистых волос и, сверкая зубами, нараспев произносила: «Не стесняйтесь ни в коем случае, все можно трогать». И тут же бросала полыхающий взгляд на мужа. Даже трудно было сказать сходу, что бесило эту идеальную женщину в безукоризненном черном платье: двое дикарей, которые старались лишней раз не топтаться по ее коврам, или присутствие докторши, которую ее муж привез с Островов как «сувенир из командировки». Она прикрывала густо подведенные черным глаза и считала до десяти, напоминая себе, что Габриэль обещал, что скоро их всех тут и следа не будет. Аманда повторяла эти слова, как мантру. А воздух в помещении закипал.

И только Габриэль Тими́до, как всегда, ходил с усмешкой, чуть ли не пританцовывая. Костюм из блестящей черной ткани на нем сидел ладно, седые виски скрыла черная краска для волос, в рукавах сияли запонки с встроенными чипами, дополнявшими трекер. Он с гордостью демонстрировал Рему новинку.

— Это ключ советника. Что ни говори, а статус открывает все двери. Будешь виски? — вдруг спохватился он и стукнул по столешнице. Тут же открылось отверстие и из стола появился стакан с напитком. В золотистом виски плавала целая глыба льда. Рем стиснул зубы. В этой духоте ему как никогда отчетливо вспомнился Нижний город, его жар, его испепеляющее безжалостное солнце.

— Так что, расскажете, что нужно сделать сегодня?

— Ты посмотрел фильмы, которые я сбросил?

— Который из? Где мужчина в костюме грабит казино? Где тот же мужик в костюме, но его играет другой актер, чуть не лишается яиц после игры в казино? Или фильм, где мужик в костюме и еще несколько его друзей грабят то казино, то банк? Или...

— Ну, общую суть ты уловил, — ухмыльнулся Тими́до. Рему как никогда хотелось узнать, на каких таблетках сидит этот мужик. Как можно всегда быть на таком расслабоне?

— Ну, тогда, если мы разберем все эти фильмы, то получается, что Вы — мужик в костюме. А мы — команда, которая делает грязную работу, отвлекает, ломает код и...

— А вот тут ошибка, — ухмыльнулся Тими́до. — То есть, отчасти ты прав. Нам нужно, чтоб все думали, что я, как ты выразился, «мужик в костюме». Но дело в том, что на самом деле им будешь ты.

Он похлопал Рема по плечу, а тот не то, чтобы сильно удивился. Можно сказать, что виски в этот момент у него пошел носом ради приличия, чтоб подчеркнуть гениальность плана Тими́до.

— То есть я должен вытащить данные.

— Это не самое трудное. Тебе нужно будет еще и обнародовать их. Примерно также, как тогда, в галерее. А мы с девушками сделаем так, чтоб у тебя было достаточно времени. Да, дорогая?

Он притянул жену к себе за талию и впился в ее губы требовательным поцелуем. Аманда только податливо прогнулась в спине и мурлыкнула: «Конечно».

— А об этом нельзя было сказать раньше? — поинтересовался Рем, как бы ненароком напоминая о своем присутствии. Тими́до неохотно отлепился от жены и смерил Рема скучающим взглядом.

— Ты толковый парень, справишься. Раз справился один раз, то и во второй проблем не будет.

— У Вас, конечно, своеобразное представление о статистике, — хмыкнул молодой человек. Аманде было явно некомфортно стоять между ними. Она осмотрелась и хлопнула в

ладоши.

— Давайте уже начнем пре-дринк. Я попрошу принести горячее, — объявила женщина. — Рамон, Вы не имеете ничего против стейков?

— Конечно нет, дорогая, — ответил за него Габриэль.

— А на приеме что, кормить не будут? — нахмурился Рем.

— Будут, но нам будет уже не до этого, — пообещал Тимидо.

Стейки до этого он видел только в кино. И кто бы только его предупредил, что эти коричневатые шматы мяса так трудно резать, а каждый кусок грозит застрять поперек горла. Хотя, возможно, дело было не в мясе, а в чересчур дружелюбной Аманде, которая все норовила передать соль или спросить, нравится ли прожарка.

— А в Нижнем городе едят мясо? — любопытствовала она.

— Если повезет поймать, — ответил Рем. Дези под столом с силой наступила ему на ногу каблуком и тут же попыталась спасти ситуацию.

— Некоторые продуктовые талоны включают мясной паек. Но купить мясо просто так сложно. Поэтому в основном мы едим рис и бобовые.

— О-о-о... Растительная пища это прекрасно. Я никак не уговорю Габриэля попробовать на время отказаться от мяса.

— Хотите быть ближе к народу? — вскинул бровь Рем. Очередной укол каблуком, но оно того стоило. Кана прятала улыбку в широком рукаве платья. Аманда шутки не поняла.

— Нет, просто мясо... оно загрязняет организм. Оно разлагается прямо в клетках, а потом отравляет нас своими трупными ядами.

Тут уже не выдержала Дези. Давление каблука резко исчезло, девушка развернулась всем корпусом и уложила локти на стол.

— Да что Вы говорите?

Аманда была абсолютно уверена, что нашла благодарного слушателя. Спустя несколько бокалов вина женщина и вовсе забыла, что перед ней всего лишь девчонка из Нижнего города. Пузырьки в бокале и блески на платье Дези совершенно затуманили ей обзор. Аманда болтала и болтала, практически не обращая внимания на остальных, она была убеждена, что ее слушают, и этого было более, чем достаточно. И плевать, что каждый был погружен в свои мысли.

***

Без пятнадцати полночь. В глазах Аманды Тимидо стояли крупные слезы. Лицо побледнело, как полотно, мышцы шеи перенапряжены в попытках удержать рвавшийся наружу рвотный позыв. Она только и успела пробормотать: «Врача!», а потом спикировала на пол раненой птицей, не удержавшись на своих каблуках.

— Дези, нет! — крикнула Кана, но девушка, наплевав на платье, уже бросилась оказывать первую помощь. Она только успела положить руки на еле вздымавшуюся грудную клетку, как раздался хлопок. словно лопнул воздушный шарик. На лицо брызнули капли горячей крови, платье тут же потяжелело и неприятно прилипло к телу. Кого-то в толпе вырвало. И он был такой не один.

Не успела Дези вытереть лицо, как раздался вопль: «Убийца!» Медлить было нельзя. Кана схватила Дези за руку, на ходу сбрасывая туфли, и потянула за собой, к выходу. Поворот. Другой. Вой сирены.

«Далеко собрались?» — дорогу им перегородил Гектор Рива.

***

Полдесятого вечера.

После двух бокалов виски Рем пришел к выводу, что жара и духота были надуманные. Система вентиляции работала безукоризненно, воздух был влажным и тягучим. Накатывавшие волны злости и тревоги сменились ленивой сытостью. Непривычное чувство, которое наполняло все тело спокойствием. Мягкостью. И только чутье беспокойно вило под ребрами. Они ехали в маленьком трамвае, выведенном на линию специально для них. Аманда и Габриэль сидели впереди. Голова женщины покоилась на плече мужа. Кана и Рем сидели позади. Еле заметно Кана сжимала пальцы Рема в своей маленькой ладони. Сидевшая в конце Дези то и дело фыркала.

Дворец Науки располагался на несколько уровней ниже центра. Еще одно здание из стекла, напоминавшее аквариум. Через стены-окна можно было увидеть, как по галереям прогуливается весь высший свет города. Ученые, врачи, советники, политики. Когда трамвай выехал на площадку, Тимидо повернулся к своим сопровождающим.

— Напоминаю, нам нужно сделать так, чтобы Рем смог незаметно проникнуть в техническое помещение. Дамы, вся надежда на вас. Вы сегодня наше главное тактическое оружие.

— Не сомневайся в нас, — проворковала Аманда, увлекая мужа в еще один поцелуй.

На площади перед Дворцом скопились любопытные и все, кому было лень смотреть стримы. Они приветствовали Тимидо свистом и аплодисментами, кто-то выкрикивал вопросы о предвыборной кампании. Их голоса сливались в ушах Рема в неистовый гул. В кармане он сжимал таблетницу.

Он чуть сбавил шаг, чтоб поравняться с Дези. Та бросила на брата свой фирменный едкий взгляд, который расцехляла каждый раз, когда Рем собирался учить ее жизни.

— Ни во что не влезай. Держись в тени, а когда все закончится...

— Да, да, да. Ты найдешь меня и мы свалим. Кану предупредил о своих шикарных планах?

— Дез.

— Ой, извини, — отмахнулась она, но тут же посерьезнела. — Все будет хорошо. Я тебя услышала.

— Надеюсь.

Процедура досмотра была быстрой. Их похлопали по карманам, просканировали трекеры. На таблетницу никто не обратил внимания. А затем галантнейшим образом пригласили их пройти дальше, в большой освещенный зал.

Почти все гости уже были в сборе. По начищенным до блеска полам тянулись длинные шлейфы вечерних платьев, шокали каблуки и со скрипом катались роботы-официанты, предлагавшие гостям выпивку и легкие закуски. Креветки, свежие овощи, выпечку. Все такое крошечное, что даже рот толком открывать не надо, чтобы поесть.

Габриэль с женой гордо шествовали во главе их маленькой процессии, держались за руки и дружелюбно кивали каждому, кто их узнавал. То есть всем. Рем к собственному отвращению почувствовал, что его, Кану и Дези тоже облизывают взглядами. Кто-то шептался, не сводя с них глаз. Рем нахмурился и упер взгляд себе под ноги, чтоб случайно не наступить на искрящийся подол Аманды. И как ему свалить, когда чужие глаза наставлены на него, как прожекторы?

Как едва ощутимо коснулась его плеча. «Не переживай, им быстро надоест», —

улыбнулась она, но и сама продолжала осматриваться.

В центре зала была небольшая сцена, над которой дрожали голограммы — портреты кандидатов и описания их политических программ. Оказывается, у Тимидо и Никколо были конкуренты. Судя по лицам гостей, они тоже услышали об этом впервые.

Габриэль дошел до высокого стола и только там выпустил руку жены. Их тут же обступили другие гости, принялись здороваться и обмениваться комплиментами. Рем не стал сопротивляться, когда поток людей оттеснил его от столика, как мелкую помеху. По сути, он такой и был. Дези тоже оказалась за пределами избранного круга. Кана держала ее под руку, как давнюю подругу. Поймав взгляд Рема, ученая кивнула, мол, не беспокойся. Рем сунул руки в карманы и начал медленно обходить зал. Кана и Дез, со своей стороны, двинулись в противоположном направлении.

Из колонок лилась старая музыка. Гости вальяжно прохаживались, демонстрируя друг другу свои наряды и обсуждая «актуальную климатическую политику», а когда лишние уши удалялись, рассуждали кто с кем спит. Несколько богатеньких дамочек даже пытались ухватить Рема за руку и познакомиться, а тот не мог отделаться от ощущения, что уже видел их в спикизи-баре, наглаживающими булки молоденьким танцорам.

Прогулочным шагом он выбрался из зала в галерею. Нашел указатели к туалетам и помещениям «только для персонала». Как и везде, они почему-то располагались по соседству.

«Большую часть времени это здание — крупнейший научный центр на континенте. Но раз в несколько лет Дворец Науки открывает свои двери для простых смертных и позволяет нам провести здесь открытие выборов. Таким образом мы отдаем дань ученым и напоминаем себе, что если бы не развитие науки, человечество бы не пережило страшные кризисы, причиной которых стало», — голос разносился по коридору гулким эхо. Рем повернул в галерею и увидел Мартина Никколо в окружении десятка человек с диктофонами и камерами. Они жадно слушали каждое его слово. Рем опустил глаза и попытался побыстрее пройти мимо, но Никколо заметил его.

— А, вот вы, молодой человек! Вы — само воплощение будущего. Вы молоды, полны сил и амбиций. Как вы считаете, на что должна быть направлена политика, чтобы вы унаследовали мир как достойное место для жизни?

Журналисты тут же повернулись к нему и потянули свои диктофоны и микрофоны прямо к его рту. «Да еб твою мать», — только и подумал Рем, но вслух ответил.

— Э-э-э. Свобода равенство и братство, — выдавил он, про себя пытаясь вспомнить, из какого это фильма. А впрочем, неважно. Никколо громко рассмеялся, перетягивая на себя внимание журналистов. Последняя камера отвернулась от Рема, и только в этот момент он вспомнил, как дышать.

— Как видите... э-э-э... сегодняшние молодые люди настроены очень серьезно и радикально. И это правильно! Мы обещали им новый мир, который будет ничем не хуже прежнего, и мы...

— А как насчет высказывания Марион Рамирес, которая утверждает, что для благополучного процветания Лас-Риаса у избирателей должно быть больше двух кандидатов, за которых они голосуют? — тут же оттарабанила вопрос молодая журналистка с розовыми волосами. Никколо растерялся.

А Рем поторопился свинтить подальше.

Туалет с собственным музыкальным сопровождением. Ну вы когда-нибудь видали

такое? Он еще на шумоизоляции нарадоваться не успел, а тут такое.

Рем закрылся в кабинке, отмотал бумаги и принялся промакивать успевший пропотеть затылок. Затем достал из кармана таблетницу. На дне лежали две последние «витаминки». Рем несколько минут гипнотизировал их, прокручивая в памяти слова Каны. И чем дольше он отговаривал себя не жрать эти таблетки, тем яснее понимал, что по-другому просто не переживет этот вечер. Мысли копошились, звуки сбивались в какофонию, виски ломило от нараставшей боли. А ему нужно было предельно сконцентрироваться. Рем вытряхнул таблетку на ладонь и проглотил. Он уже собрался выходить, когда услышал шаги.

— Ну, есть что-то подозрительное? — Никколо, видимо, отделался от журналистов и теперь намывал руки в раковине. — Или ты смог унять свою паранойю.

— Тимида привел с собой ученую и девчонку из Нижнего города. Скорее всего, они будут говорить о неравенстве и...

— Было б кому на это не насрать, — вздохнул старик. — Что насчет личной безопасности?

— Ничего подозрительного не замечено.

— Хороший ответ, — хлопок по плечу и удаляющиеся шаги.

Хлопнула дверь соседней кабинки. Рем переждал пару секунд и вышел, и тут же наткнулся на Гектора Риву. Тот удивленно вскинул брови, заметив Рема, но ничего не сказал. Только кивнул в знак приветствия. То ли таблетка начала действовать, то ли Рем уже потратил все нервные клетки, но ему хватило спокойствия поприветствовать инспектора в ответ.

— Часто приходится тусоваться на таких встречах? — осклабился он.

— Чаще, чем хотелось бы, — кивнул Гектор. — А откуда ты? Я не спросил в прошлый раз.

Рем запнулся, а потом выдавил улыбку в стиле Тимида.

— Да из... Неважно, в общем. Этот район уже перестроили нахрен, — отмахнулся Рем. Рот Гектора разошелся в хищной улыбке, Рем напрягся, готовый то ли защищаться, то ли бежать, но дверь распахнулась, впуская шумную компанию мужчин в костюмах. Рем тут же выскочил в коридор и вернулся в зал.

Он поискал глазами Кану и Дези. Цветастое кимоно ученой выделялось мягким блеском на фоне сверкающих платьев местных леди. Рем двинулся было к ним, как вдруг его перехватил Габриэль. Схватил за локоть и отбуксировал в угол, к свободному столику.

— Ты где ошиваешься?

— Осматриваюсь.

— А под камеры тебя кто просил лезть? — шипел мужчина. На его лице не осталось ни тени обычной веселости. Только раздражение.

— Да кому какая разница, — пожал плечами Рем, но Тимида только сильнее стиснул его руку.

— Думай головой, Рамон. Думай. Головой. Второй такой ошибки я не прощу, — рыкнул он и вложил что-то в руку молодого человека. — Речь Никколо начнется через пять минут. В коридоре для техников камеры барахлят из-за перепадов напряжения.

Он отпустил молодого человека, одернул рукава пиджака и направился в центр зала, к жене. Рем разжал пальцы и увидел переливающиеся запонки Габриэля Тимида.

Рем взглянул туда, где минуту назад была Кана, но пятно кимоно пропало. Он осмотрелся, и увидел ее вместе с Дези. Рядом с ними стоял Никколо. Вокруг него суетились

многочисленные помощники, проверявшие петлички и микрофоны, а губернатор не обращал на них внимания и продолжал говорить с Каной.

— ... Должен сказать, меня крайне убедил наш последний разговор. Когда Вы говорили об открытых данных, это было так проникновенно. Так захватывающе. Жаль, Вас с головой поглотила работа, у меня появилось столько вопросов в результате всестороннего анализа.

— Как очаровательно. Я с радостью отвечу, когда закончится торжественная часть.

— Да, надеюсь, Вы удовлетворите мое любопытство, — сморщенная рука легла на ее белое предплечье. Рем прибавил шаг. Никколо обернулся к Дези. — И, надеюсь, вы познакомите меня со своей очаровательной спутницей.

Рем ускорился. Он даже не знал, что гнало его вперед: страх, что Дези сейчас что-то ответит ему или что она промолчит, и старый пройдоха воспользуется этим. Он не дошел и пары метров, когда Дези подняла взгляд, пригвождая его к месту. Махнула рукой, глядя куда-то сквозь него. Рем обернулся, а в следующую секунду сестра обняла его со спины.

— Ты что, блядь, делаешь?

— Ты думаешь, я это так оставлю?!

— Все нормально, — сжала его плечо Дези. — Иди за данными. И будь осторожен.

Она поднялась на цыпочки и ткнула носом ему в щеку. Никогда она себе подобных нежностей не позволяла. Тут бы заволноваться, но Рем опять наивно поверил, что все схвачено. А так всегда — только расслабишь будки, и все летит к...

И правда, пока он шел по коридору, камеры отворачивались от него, как смущённые подростки. Замок на двери технических помещений загорелся зеленым, стоило ему оказаться рядом. Рем ощупал запонки в кармане. Видимо, статус буквально открывал все двери.

Внутри было пусто. И холодно, как в холодильнике морга. Но местные обитатели были живее всех живых, хоть и не совсем в общепринятом значении. Они гудели, перемигивались, свистели вентиляторами, и каждую секунду обрабатывали терабайты информации, стекавшейся по толстым проводам к центральному компьютеру с гигантским, во всю стену, монитором.

Рем подошел к этой машине, надел очки и синхронизировал устройства с компьютером. Глазам открылась целая микро-вселенная. В одном скоплении данных — экранное время, в другом — экономические показатели. Он благоговейно коснулся сенсорной панели и начал бродить по этой карте в поисках темных пятен — данных о Нижнем городе.

Что-то мягко ткнулось ему в затылок. Он кожей почувствовал безразличный тепловатый упрочненный пластик. И над ухом тут же раздалось:

— Шаг назад и без глупостей, Рем.

— Рива.

Ему даже хватило спокойствия закатить глаза.

Глава 18. Когда все пошло по...?

«Резко развернуться.

Выбить одним ударом оружие.

Он раскроется, тогда нанести удар в солнечное сплетение. Сбить с ног. Удар затылком об пол. Затем...»

Мозг Рема с бешеной скоростью высчитывал возможные варианты устранения помехи в лице Гектора Ривы. Но что-то подсказывало, что убийство полицейского ему так просто с рук не сойдет, даже если Габриэль Тимидо решит посодействовать. Инспектор словно прочитал его мысли.

— Если решишь устроить замес, то есть риск повредить серверы. Ты же не можешь позволить себе уничтожить данные, за которыми пришел?

— Да я просто сортир искал, — хмыкнул Рем. Гектор усмехнулся и отступил на полшага назад. Рем медленно обернулся.

— Тебя подставили, Рамон Домингос-Сальва. Отпираться бессмысленно.

Он указал пистолетом на стеклянную стену, за которой простирался главный зал.

Свет погасили, оставили только несколько источников, направленных на главную сцену. Мартин Никколо взошел на нее, встал в скоплении лучей прожектора, сверкая белоснежными зубами и таким же белым костюмом, прям святой во плоти. Зал захлестнули аплодисменты. А Никколо с деланой скромностью махнул рукой, как бы прося свою преданную публику оставить эти почести. Дважды просить не пришлось, хлопки тут же стихли. Морщинистая и складчатая шея старика вытянулась из жестконо вотора, поднося голову поближе к микрофону. Сперва послышалось скрипучее и булькающее откашливание, а потом Никколо заговорил.

«Я безусловно рад видеть каждого присутствующего. Вечер во Дворце Науки, проходящий перед каждыми выборами губернатора, это в высшей степени демократическое мероприятие. Это случай, когда мы становимся не конкурентами, а союзниками, и делимся своими соображениями о том, как будет развиваться наш дорогой Лас-Риас. Одна голова, как говорится, хорошо, но этот город не был создан одним человеком»

Опять аплодисменты. В этот раз «вежливые», жиденькие. Кто-то в толпе даже позволил себе хлебнуть винца.

«В знакомом нам виде Лас-Риас существует уже почти двадцать лет. Все это время Верхний город бился с внутренними демонами и искоренял пороки прошлого, чтобы обеспечить достойную жизнь будущим поколениям...»

Гектор Рива пренебрежительно фыркнул. Пистолет в его руке дрогнул. И Рем бросился. Секунда — и Рива лежал на полу. Рем нависал сверху, прижимая его запястья к холодной плитке, сжимая так, чтоб инспектор все-таки выпустил оружие.

— Да стой ты, блядь! — рыкнул Рива и одним движением оторвал лопатки от пола. Ну и правда, с чего Рем взял, что его навыки могут сравниться с подготовкой инспектора? Риве понадобилась секунда, чтоб перехватить преимущество и поменяться с Ремом местами. Рем попытался отбиться, ухватить его за полы пиджака, добраться до шеи, но Рива пресек его попытки одной хлесткой пощечиной. Даже не болезненной, скорее, отвлекающей. Рем рыкнул и дернулся всем телом, и получил еще одну пощечину. — Да замри, еб твою мать. Я хочу помочь тебе и Дезире.

— Какого...?

— Кто-то слил ваш план Никколо. Смотри.

Он опустил руки и поднялся с Рема. Протянул ему раскрытую ладонь, помогая встать. Рем сам встал на ноги, сверля взглядом инспектора. Тот убрал оружие в кобуру и еще раз указал на стену-окно.

— Еще пару минут. Ты пришел за данными — ты их получишь.

Рем поравнялся с ним и, через силу отлепив взгляд от инспектора, перевел его на продолжавшего толкать речь Мартина Никколо.

«... Но времена меняются, и управлять Лас-Риасом старыми методами уже нельзя. Пора что-то менять»

В этот раз аплодисменты были живее. Энергичнее. По залу словно прокатился вздох облегчения.

«А потому я решил открыть международному сообществу доступ к Большим Данным Лас-Риаса».

Карта данных, поставленная на таймер, озарилась светом. Десятки черных пятен разблокировались и растеклись по общей сети. Словно в ночном небе зажигались новые звезды. Рем смотрел на это, пытаясь понять...

— Какого хрена?

— Быстро, — поторопил его Рива, подталкивая к приборной панели. — Он облегчил нам работу. Они раскроют не все данные. Найди те, что связаны с этим символом.

Он показал Рему сделанный от руки набросок. Двухголовая змея. Рем непонимающе уставился на рисунок.

— Быстрее, — пихнул его в плечо Рива. — Если хочешь, чтоб твоя сестра пережила ближайшую неделю.

— Или что?

— Или всем пиздец.

***

Зал аплодировал, наблюдая, как данные появляются на голограмме-карте метавселенной. Как «Кассандра» тянет к ним свои потоки. А Никколо пож восторженные вздохи и аханье продолжал.

«Мы долго изучали, каким образом мы можем улучшить жизнь всего Лас-Риаса, не только Верхнего города. Но предварительные оценки вынуждают меня принять тяжелое решение. Разрыв между Нижним и Верхним городом стал слишком велик. Его перекрытие потребует слишком больших ресурсов, а мы не можем жертвовать благополучием граждан, которые каждый день трудятся на улучшение жизни в нашем прекрасном обществе. Поэтому, я хочу дать независимость Нижнему городу. И сделать его лидером самого достойного кандидата. Своего давнего друга. Человека, которого я долго называл братом. Габриэля Тимидо»

Повисло тяжелое молчание. Настолько вязкое, что даже музыку засосало в него, как в вакуум. Дези и Кана удивленно переглядывались, пытаясь хоть как-то осознать, что только что произошло. Но ученая была так же удивлена и обескуражена, как Дез.

— Но если данные открыты, — пробормотала Кана, — то весь план...

Дез нашла взглядом Тимидо. На нем не было ница. Он сверлил Никколо полыхающим взглядом, раздувал ноздри, совершенно игнорируя жалостливые улыбки, которые ему посылали стоявшие поблизости люди. Аманда болталась на его согнутом локте, пытаясь

понять, что происходит, вытрясти из мужа хоть слово. А в следующую секунду он начал задыхаться.

«Нервное», — подумала Дез.

Политик становился все бледнее, свободной рукой он пытался дотянуться до пуговиц на воротнике, но пальцы не слушались. Он тяжело осел на пол, колени подкосились, Аманда чать не повалилась вместе с ним, но успела высвободить руку и сдавленно крикнула: «Врача!».

Дези рванулась вперед.

***

Сознание Рема будто распалось на десятки осколков. В одном отражалась нарастающая паника в зале. Вот, он видит, как Дези несется к Тимидо. Вот осевший на пол политик начинает дергаться и кашлять кровью. Вот, Аманда начинает вопить, указывая на Дези, и та срывается с места. И в то же время он бродил по лабиринту черным пятен. Не как аккуратный исследователь, а как неумелый грабитель. Он взламывал закрытые хабы с маниакальной жестокостью, не тратя время на реверансы и осторожность, пока, наконец, в одном из блоков не увидел знакомый символ.

— Нашел.

— Перегони в облако, я выведу вас с Дезире.

И прежде, чем Рем успел спросить, с чего такая щедрость, Гектор направился к выходу. Краем глаза Рем заметил оставленный на столешнице пистолет и значок.

***

«Далеко собрались?» — он успел перехватить Дез с каной недалеко от главного выхода. Дези неслась, как пуля, почти не разбирая дороги, но голос Гектора ее отрезвил, заставил остановиться. Обернуться.

Гектор медленно, прогулочным шагом, приближался к ним. На лице Дези появилось облегчение, и молодой человек уже успел обрадоваться, как вдруг маленькая ученая отпустила руку своей напарницы и бросилась на него. Взмах руки, вспышка цветастого рукава, и на лице Гектора запульсировала пощчина. Инспектор перехватил руки Каны, но та тут же начала вырываться. Дези подскочила к ним и попыталась разнять.

— Кана, стой. Стой! Он за нас! Он с нами, — тараторила она.

— Где Рем? — не унималась Кана. Ее взгляд метался от Гектора к Дези и обратно. — Какого, простите, хрена тут происходит?

— Мы со всем разберемся, но сейчас нужно уходить, — быстро проговорил Гектор. В его руке блеснули наручники. — Я выведу вас всех. К зданию уже стягивают дронов.

— А Рем?

— Все будет хорошо. Верь мне.

— Верь ему, — поддакнула Дези и, показывая пример, развернулась к Гектору спиной и свела запястья. — Я ни при чем! Я просто хотела помочь! Я просто...

Гектор заковал их в наручники и, придерживая за плечи, повел по коридору к выстроившимся у парадного входа дронам. Роботы для сопровождения задержанных выстроились в линию и сцепились механическими ручками, не давая возбужденной толпе хлынуть на площадь. Запищали колонки на фасаде Дворца. Никколо в своей обычной манере прочистил горло и заговорил: «Дорогие друзья, сограждане. Наш кандидат в губернаторы, человек, которому я с наибольшей уверенностью оставил бы свое место, Габриэль Тимидо, скончался. Его отравили вражеские агенты. Сепаратисты. Люди, которым он доверился, на

которых он ориентировал свою политику, отплатили ему отравой, как только узнали, что бедный Габриэль больше не может быть их марионеткой».

Динамик извергал фразу за фразой, и каждая хлестала Дези и Кану, как хлыст, прямо по обнаженным нервам. И только руки Гектора Ривы не давали им сорваться с места и начать вопить.

— Скажите мне, что у вас все спланировано, — простионала Кана. Каблук ее туфли попал в выбоину между плитками, девушка проковыляла пару шагов, а потом просто сбросила обувь и пошлепала дальше босиком.

— Тебя это успокоит? — хмыкнул Рива.

— И правда. У Тимидо тоже был план.

— Мой гораздо лучше, — ухмыльнулся инспектор. — Правда же, напарник?

— Иди в жопу, — послышался голос Рема. Рива аккуратно «передал» ему Кану, и мужчины с невозмутимым видом продолжили свой путь мимо бесновавшейся толпы.

— Но как...

— У нас есть тридцать секунд, чтоб пройти эту аллею, потом выйдет Аманда и вам кранты, — процедил Рива. И только он это сказал, как раздался визгливый голос вдовы Тимидо.

«Предатели!»

Дроны засуетились, не понимая, кого ловить. Рива и Рем одним движением сняли с девушек наручники. Рем сунул каждой в руку по запонке Тимидо. Дроны тут же ослепли и принялись слепо шариться по площади, аккуратно лавируя между жителями, пока не собрались в тесный круг в центре. Там, где валялись наручники и четыре трекера.

***

Сирены разрывали ночной покой Верхнего города, а четверка беглецов спускались вниз по склону, продираясь сквозь искусственные джунгли. Гектор остановил их у одного из деревьев и сунул руки в яму под корнями. Защуршали несколько слоев бумаги, и из-под земли и опавшей листвы показался плотный кулек тряпья.

— Переодевайтесь. Эта фигня дурит систему распознавания лиц, — объяснил он и принялся срывать с себя одежду. Рем начал было делать то же самое, но Рива его остановил. — Тебе Тимидо подогнал целый гардероб от этих ребят. Уступи девчонкам.

Дези с облегчением вылезла из забрызганного кровью платья и натянула рубашку с брюками. Кана хотела было сказать что-то вроде: «отвернитесь», но передумала и последовала примеру Дез. Рем взглянул сквозь листву на ощупываемый прожекторами небосвод.

— Мы можем выбраться через Башню Бедняков. Там проход, — проговорил он. Рива помотал головой.

— Этим проходом пользовались Тимидо и другие, и Никколо в курсе этого. В первую очередь он отправит людей туда.

— Мы уже видели, как его «люди» справляются, — фыркнула Дези.

— Не роботов и дронов, а людей. Их не обдуришь, в отличие от системы распознавания лиц.

— И что тогда делать?

— Ты же смотрела старое кино? — без особого энтузиазма спросил Рива. Он жестом приказал следовать за ним. Компания двинулась дальше сквозь листву, пока Гектор не подал

знак остановиться. Он принялся руками и ногами раскидывать землю, Рем вскоре присоединился к нему. Работа пошла быстрее, и вскоре из-под земли показалась тяжелая металлическая крышка с кодовым замком. Рива дернул ее на себя. В лица пахло затхлой сыростью.

— И в этом заключался твой гениальный план?! — визжала Дез, не зная, на кого броситься в своей бессильной ярости.

— Блять, Дез, завали рот нахрен, — рыкнул Рем и потянулся, чтоб отвесить ей пинка.

— Тебе лучше слушать брата, Дезире.

— Это вообще был план Тимидо, — напомнил Рем.

— А, сука, конечно! Может, мне к нему и обратиться? А, извините, как я могла забыть.

Хуй там!

— Дез, завали и дай мне руку!

И, не дожидаясь, когда она сообразит, Рем сам ухватил Дези за руку и потянул за собой, в темный зев ливневки.

«Радуйся, что это не канализация», — только и подумал он.

Вода доставала до щиколоток и была настолько холодной, что все тело било крупной дрожью. Одежда тяжелела и неприятно липла к ногам, а еще вокруг было темно и воняло. И чем дальше они продвигались, тем сильнее становился затхлый запах, проникавший под кожу, просачивавшийся в кровь. Но были в этом дискомфорте и свои плюсы. Думая о том, как не задохнуться или как не хлопнуться в ледяную воду лицом, никто не успевал промотать в памяти события последних часов. Вся паника и суета смазалась в памяти, застыла неопределенным пятном, и складывалось впечатление, как будто все четверо оказались в катакомбах под городом по чистой случайности, и от внезапно возникшей симпатии решили продолжить путь вместе.

— Как ты узнал про этот ход? — спросила Дез.

— Мой отец показал мне его в свое время, — подал голос Гектор. Рем закатил было глаза, мол, самое время для душевных разговоров, но легшая на плечо ледяная ладонь Каны заставила его проглотить недовольство и сконцентрироваться на внимании. На шагах. Правой.левой. Следить за танцем отблесков фонарика на воде. Лишь бы не упасть.

— Твой отец их построил?

— Да, когда он строил Верхний город, он сразу планировал связать его с Нижним. Но проект забраковали, и систему ходов пришлось переоборудовать в ливневки и стоки от системы вентиляции. Но мой отец всегда старался тем или иным способом разрушить стены между Верхним и Нижним городом.

— Но потом он погиб в том взрыве, — проговорила Дезире.

— Его убили. Вместе с делом всей его жизни, — проговорил Гектор. — Никколо и его приспешники. Тимидо, Бранко и другие.

— С чего ты взял? — взволнованно спросила Кана. До нее только начало доходить осознание о смерти Тимидо, а тут еще и это. Гектор обернулся. Пятно света фонаря выхватило Кану, совсем мелкую и тощую без своего кимоно, из темноты. Девушка прикрыла глаза рукой, но так и не смогла рассмотреть выражение лица молодого инспектора. Или, правильнее сказать, «бывшего инспектора»?

— Никколо, Гато и Тимидо — последние члены картеля «Коатль». Никколо и Гато стояли у его истоков во время хаоса, когда старый мир рухнул, и всюду царили беспорядки, хаос, разруха. Они сначала просто продавали наркотики, потом начали заниматься ржкетом,

давали «крышу» предпринимателям, исследователям, защищали врачей. Они отстроили целую империю, а когда дела более-менее устаканились, «Коатль» стал консервативной партией.

— Но от старых дел они не отказались, — подал голос Рем.

— Именно. Никколо сделал производство «препаратов» частью социальной политики Лас-Риаса. В старые времена он занимался фармакологией. Мог бы придумать лекарство от рака, но сперва клепал таблетки для похудения, а потом перешел на наркотики. С появлением метавселенной он вспомнил старые знания и начал создавать новые безвредные препараты. «Витаминки» и успокоительные. Никаких наркотических веществ, только натуральные компоненты. Потом он нанял Тимидо, чтоб тот соорудил ему прикрытие.

— И тот сделал клуб в Верхнем городе.

— У них была целая сеть клубов. И Тимидо занимался не только развлечениями, он заведовал еще и системой распространения, поставлял туда танцовщиц и шлюх. А Гато был казначеем. Ну и, конечно, был в курсе всех дел. Вел всю отчетность. И собирал весь компромат, избавлялся от тех, кто мог помешать работе картеля. Это была его подушка безопасности, и Тимидо о ней знал.

— И он хотел, чтоб мы слили эти файлы, — догнала Дези.

— Не совсем. Возможно, он и правда хотел, чтобы все узнали, на что Никколо обрек десятки тысяч людей из Нижнего города. Он же долго использовал их как дешевую рабочую силу.

— Но зачем это Тимидо?

— Ему надоело быть на вторых ролях. Представь себе, ты всю жизнь занимаешься только тем, что прикрываешь жопу упивающемуся властью старику. Конечно, Тимидо захотел доказать, что он не просто шестерка. Он хотел привлечь к этому и Гато, но хитрый старикан отказался. И тогда он решил вытащить файлы и взять казначея за жабры. А тот, видимо, все рассказал Никколо.

— А при чем тут твой отец?

— Мой отец был против политики Никколо. А «Коатль» решил использовать это себе на пользу. Они подстроили теракт и обеспечили себе поддержку Верхнего города.

— И ты уверен, что Никколо и Тимидо смогли это сделать? — пробормотала Кана.

— В спикизи-баре как-то проскочила эта история. Постоянники все в курсе, что это был никакой не несчастный случай, — вздохнул Гектор.

Дези сделала несколько булькающих шагов, чтоб поравняться с Гектором и взяла его за руку. Рем поморщился.

— И давно вы «сотрудничаете»?

— Ой, не начинай, я, — закатила глаза Дез.

— Да я просто спрашиваю, — фыркнул Рем с плохо скрываемым раздражением.

— Мы обсудим это, когда выберемся. Пойдет?

— И куда мы теперь? — поинтересовался Рем. — К нам домой нельзя.

— Найдем пустое жилье. Его, благо, достаточно.

— А что потом? — спросила Кана и тут же пожалела об этом. Стыд вцепился ей в глотку. Из ее уст это звучало как каприз привилегированной девчонки. Они вообще могли не брать ее с собой, оставить на растерзание толпе. Хотя может, ее, как иностранку, никто бы не тронул? А может...?

Рем перехватил ее руку и крепко сжал ладонь.

— Засядем где-нибудь в тихом месте. В Нижнем сейчас будет много разрушенных домов. Найдем еду, воду. А я пойду к Тай, — уверенно проговорил он. Что делать дальше? Да хрен его знает, честное слово. Но пока такой нехитрый план всех устраивал.

Трубы все сужались. Через несколько поворотов идти пришлось пригнувшись, потом на полусогнутых, а потом и ползком. С каждым движением холод пробирался все глубже, до самых костей, миллионом тонких игл просверливая себе путь напрямиком к костному мозгу. Тут уже было не до разговоров. Приходилось изо всех сил задирать голову, чтоб не нахлебаться воды.

И вот, впереди замаячил свет. Под ладонями и коленями заскрипел песок. А потом, сквозь ржавую решетку, они выбрались в огромное пятно вязкой грязи. Сухой прохладный воздух ударил в лицо, принося запахи копти и гниющего мусора. Они были в Нижнем городе.

Глава 19. С начала

Найти временное пристанище оказалось нетрудно. Они вылезли из ливневок возле давно заброшенного недостроенного района. От когда-то многообещающих домов, которые должны были стать прибежищем для сотен семей, теперь остались только полуразрушенные коробки стен. Крыши сорвали ураганы. Электричество и воду сюда так и не провели, жильцы так и не заехали, и толком никто по такому поводу и не беспокоился. Высокая смертность в городе компенсировала медленный ввод жилья. Рем и Гектор нашли более-менее прочную хибару: все четыре стены были на месте, на ближайшей свалке обнаружился кусок ткани, из которого в восемь рук удалось соорудить навес. Поблизости выкопали две ямы. Одну приспособили под туалет, в другой жгли дном мусор, чтоб прокипятить воду из ливневки, но на вкус все равно получались помои. Рем хлебал их и злился на себя, на предательское тело, которое, тварь, совсем расслабилось от жизни в уютном домике с кроватью, холодильником и душем. Но комментировать ситуацию он не решался, раз уж остальные хлебали с ним из одной и той же обрезанной бутылки и умудрялись не жаловаться.

Первый день они проспали. Соорудили себе укрытие и завалились вповалку, даже не договорившись о дежурствах. Просто уснули, а на следующее утро подорвались, как ошпаренные. Без трекеров и каких-либо средств связи понять, сколько времени и что происходит не получалось. Неясно было и что делать дальше — куда-то двигаться или оставаться на месте. Поэтому они просто сидели в своей хибаре и даже толком не разговаривали. Прислушивались к далекому гулу жилых кварталов, пытаясь разобраться, что же происходит. Не было ни шума, ни визга сирен. В Нижний город так никто и не спустился. И от этого ожидание становилось просто невыносимым.

На второй день они начали разговаривать. Так, просто о мелочах. Налаживали быт обломками гипсокартона и обрывками ткани, барахлом со свалок. Гектор сказал, что разумнее всего будет залечь на дно и не высовываться некоторое время, пока шумиха полностью не уляжется. Тогда можно будет подняться в Фундо. Растерянная Дези не спорила. Впервые в жизни делала то, что ей велят. Рем даже проникся к Гектору уважением за такое влияние на сестру. Ему самому так и не удалось научить Дез слушаться. Кана с ледяным спокойствием переносила сон на твердом полу и кое-как усваиваемую еду. Рем боялся, что без всех устройств и умного дома у девушки крыша поедет, но ученая держалась молодцом. И в какие-то моменты Рему становилось стыдно перед ней. Не то, чтобы он собирался пообещать ей все звезды с неба, но, признаться честно, он иногда допускал мысль о том, что в каком-то фантастическом будущем они смогут быть вместе. Зародились эти мысли, ясное дело, до того, как Габриэль Тимидо превратился в харкающее кровью месиво. Теперь Рем открывал глаза, видел пыльный пол, косые стены, выгребную яму, и тот саркастичный внутренний голос, который помогал ему продираться через эту жизнь, едко скалился: «Ну вот оно, твое совместное будущее. Ты рассчитывал на что-то другое? На вот, пыли наверни». И его разум лихорадочно вился в паутине мыслей, пытаясь найти выход из этого положения.

Последнюю таблетку «Витамина» Рем разделил на четыре части и медленно рассасывал, чтоб притупить голод, пока никто не видит. Ему казалось это правильным. Никто ничего не говорил, когда он под покровом темноты уходил обшаривать дома в

поисках хотя бы горсти сушеных бобов или крысы. Иногда он добирался до жилых кварталов и шарился по мусорным ящикам или тайникам.

На четвертый день Рем понял, что если никто еще не успел свихнуться, то он будет первым.

— Давай еще раз свой план, — сказал он, сев на пол рядом с Ривой. Бывший инспектор поднял глаза от своих изрезанных ладоней. Сидеть без действия этот парень не умел. Первые дни, пока адреналин еще играл в крови, Рива старался поддерживать настрой остальных. Рассказывал истории, вещал о своем маленьком расследовании, потом начал суесться и принялся конструировать им мебель буквально из говна и палок. В общем, славный парень оказался. Рем даже сказал ему об этом вслух.

— Нам нужно добраться до оборудования. Компьютера или хотя бы планшета, собрать данные, которые ты перегнал в облако, а потом залить их на все устройства в Верхнем городе.

— Ты хочешь перелить просто массив данных, — покачала головой Кана. — Никто не захочет в них разбираться.

— И что ты предлагаешь? — нахмурился Гектор.

— Надо сделать типа блога, — подала голос Дези. — Запустить стрим, например, рассказать, что происходит на самом деле.

— Сначала в Нижнем городе, потом в Верхнем, — кивнул Рем. Гектор потер подбородок.

— Нужна техника. Камеры, микрофоны, компьютеры опять же.

— Тай, — обреченно проговорил Рем. — Я пойду к ней.

— Я с тобой, — вызвалась Дези, но Рива мягко удержал ее за руку, не давая подняться на ноги вслед за братом. Дези протестующе нахмурилась. — Эй, я тут выросла! Я тут все знаю.

— Поэтому ты лучше останешься здесь. На случай, если со мной что-то случится.

— Не говори так, — нахмурилась сестра.

— Все будет хорошо, — ответила вместо него Кана. Она обернулась к Дези. — Мы пока придумаем, как оформить данные, чтоб их понял даже...

— ... самый сторчавшийся утырок, — едко проговорила Дез.

***

Алый закат разлился над дюнами. Кана сидела на пороге домика, теребя выбившуюся из рукава нитку. Подбородок лежал на острых коленках, взгляд устремлен вдаль. Всего месяц назад она пересекла эти дюны на вездеходе, придерживаемая крепкими руками Тимида. Теми же руками, что пустили ее жизнь под откос. Она пыталась взглядом найти конец песчаной пустоши, пристани, за которыми начинается обмелевший океан, безгранично синий, стоит только пробраться подальше. А потом, за бесконечными волнами, будут родные острова. Интересно, там хоть кто-нибудь заметил ее отсутствие? Представлял ли кто-то там, что жизнь, которую она проживает день за днем, вообще возможна? И что скажет «Кассандра», когда ее цифровой взгляд коснется данных о Лас-Риасе?

Рем сел рядом с ней. Молча просидел несколько минут, чувствуя, как остывающий воздух шлепает по щекам своими сухими ладонями, словно вывалянными в песке. Он перевел взгляд на ноги Каны.

— Ты тут ходи осторожнее. В песке дохера осколков.

— Спасибо, — устало пробормотала она. Рем придвинулся ближе и аккуратно положил

руку ей на плечо. Кана подалась к нему. Хотелось сказать что-то, разорвать затянувшееся узлом молчание. Но на языке вертелись то извинения, то оправдания, то какие-то уточняющие факты про него и Тай. Абсолютно бесполезные. И Рем гнал эти мысли от себя, перебирая пальцами по плечу ученой.

— Я постараюсь надыбать вам с Дез обувку. У Тай целые залежи. И шмотье. Что-нибудь найдется.

— Спасибо, — повторила Кана и положила голову ему на плечо. Прикрыла глаза, представляя, что все в порядке. Спокойствие, разлившееся под ребрами, казалось противоестественным, но оно было так сладко, что девушка старалась продлить это мгновение.

Но вот, солнце зашло, и Рем по темноте начал пробираться в город.

Костюм после путешествия по ливневкам истрепался, и теперь в нем едва угадывался шикарный дизайнерский наряд для званого вечера. По правде сказать, даже местные попрошайки выглядели получше Рема. Он кое-как подкатал рукава и выпустил заляпанную рубашку в попытке выдать это за «стиль». В прибрежных районах было тихо и пустынно, но чем ближе Рем пробирался к главной трамвайной линии, тем громче становилось возбужденное гудение Нижнего города. Оно приятно щекотало уши, и Рем сам не заметил, как начал по-идиотски лыбиться, шагая нога в ногу с оборванцами, направлявшимися в Фундо.

Стоило выбраться на оживленные улицы, и нервозность сменилась облегчением. Он снова был в своей стихии, среди петляющих переходов и гроыхающих трамваев, среди гомона толпы и выкриков, песен, орущих теток и запаха вонючих самокруток и не менее вонючего самогона. Рем вдыхал этот воздух полной грудью, и тяжесть на душе проходила сама собой. Он был дома. Вот только, стоило прислушаться, и становилось все не так радостно.

Оказавшись рядом с центральной линией, Рем поразился количеству людей. Он никогда не видел такой толчеи за всю жизнь в Нижнем городе. Рем наострил слух. Ждавщие трамвая негромко переговаривались, обсуждая задержку в доставке пайков и гуманитарной помощи от Верхнего города. По соседству переговаривались те, кого утром не пустили на утреннюю смену на плантациях. Теперь они ждали трамвай, чтоб попытать счастья и пробиться на вечернюю смену, презрительно зыря на тех, у кого она стояла в расписании.

С третьей попытки Рем смог залезть в трамвай. Люди набились так плотно, что дышать удавалось через раз. Молодого человека впечатали в окно, и то и дело при остановках кто-то цеплялся за него либо наваливался, заезжая локтями по пояснице и почкам. А народ все пытался залезть в салон, так что пассажиры сначала теснились, а потом с криками и руганью принялись выталкивать тех, кто все пытался втиснуться. Трамвай натужно ныл и стонал, с огромным трудом преодолевая каждый метр в гору. Кто-то ссаживался добровольно и пытался продолжить путь пешком, но вскоре застревал в толпе, разлившейся по улице. К концу концов и бедный трамвайчик увяз. Люди вышли на рельсы и галдели, кричали или просто стояли, толком не продвигаясь никуда. Трамвай беспомощно распахнул двери, словно присоединяясь к общей забастовке. На несколько секунд салон захлестнуло недовольное гудение, а потом люди начали неторопливо вытекать на улицу, на ходу выясняя друг у друга, что происходит.

Рему даже не пришлось шевелить ногами, чтоб оказаться на дороге. Его вынесло человеческим потоком и, вместе со всеми, он застыл, вытягивая шею и пытаясь разглядеть

хоть что-то поверх сотен шатавшихся туда-сюда голов.

— Пидарасы, — хмыкнул мужик рядом. Трясущимися руками он достал из кармана таблетницу и высыпал себе в ладонь целую горсть.

— И давно так? — спросил Рем. Мужик окинул его удивленным взглядом. Рем постарался сохранять невозмутимость. — Я отсыпался.

— Ну, теперь у тебя времени отоспаться будет до жопы. На плантации выпустили работать машины. Пидарасы, — цокнул он и плюнул под ноги. Плевков вышел не очень меткий и попал на ботинок стоявшему рядом человеку. Тот обернулся и, недолго думая, ударил мужика в челюсть. Началась потасовка.

Рему пришлось изрядно поработать локтями, чтобы отгрести подальше от дерущихся. Толпа неохотно расходилась, пропуская его вперед. Кто-то даже отвлекался от разговоров, чтоб крикнуть молодому человеку, что впереди тоже ни хрена не происходит, только давка.

«Они даже дронов поставили!», — крикнула женщина, до этого спрашивавшая каждого, что делать дальше. Кажется, ни один из присутствующих не знал, что должно произойти. Как будто решение должно было появиться само собой, как только улицы наводнит достаточно людей. А их было целое море. Кто поумнее не спускался на землю, а забирался на крыши. Рисковая затея, учитывая, что город только недавно растрепало ураганом.

На боковых улицах народу было не меньше. Там сарафанное радио гудело еще громче. Дозорные с крыш рассказывали, что творится в толпе, но пока Рем пробирался все выше и выше, ситуация не менялась. То там, то тут прокатывались волны недовольных вскриков, люди трясли кулаками и скандировали требования, но возглас утихал, не успевая докатиться до стен города.

По мере приближения к Фундо толпа становилась живее. Правда, и тут скопившаяся ярость была направлена во все стороны сразу. Люди больше орали друг на друга, одни пытались разнять других, то и дело вспыхивали мелкие потасовки. Рем уже видел ворота клуба, как вдруг заметил в толпе знакомую белобрысую голову.

Мигель Никколо болтался в руках тощего визгливого парня несильно старше его самого. Прыщавое испещренное рытвинами лицо перекосило гримасой гнева. Он тряс пацана так, что его голова мотылялась во все стороны, а его дружки глядели на это с довольными ухмылками.

— Че ты сказал, пиздюк? Из Верхнего города, значит? Сильно умный, блядь! Ну сейчас мы покажем копам, что мы делаем с вашей братией.

Тошная жилистая рука взметнулась в воздух под возбужденное гиканье, но через секунду наткнулась на преграду. Рем выставил предплечье, защищая пацана. Мигель поднял на него глаза. Одна бровь была рассечена, нос разбит.

— Какого блядь...?! — рыкнул прыщавый, но Рем тут же отвесил ему тяжелую глухую пощечину и вырвал Мигеля, как затравленного щенка.

— Хочешь зарамсить с Верхними — быкани на копа. А с этим пусть мамка разбирается, — рявкнул механик и, придерживая Мигеля за шиворот, потащил сквозь толпу.

Пацан всхлипывал, но послушно перебирал ногами, пока Рем буксировал его через толпу. Вскоре нестройные ряды плеч и спин надежно закрыли их от воинственных подростков.

— Ты-то тут откуда? — процедил сквозь зубы Рем. Мигель всхлипнул.

— Съебался.

— Я заметил, — Рем чуть напряг руку, подтаскивая пацана ближе к себе и выводя его

вперед. — А нахрена?

— Не твое дело.

— Ты не в том положении, чтоб тут барагозить. Молись, чтоб твоя мамка знала, что делать.

— Ты знаешь, кто моя...?

— Вы похожи, — только и цокнул он.

Клуб толпа обступила со всех сторон, но в служебку, благо, пока никто не думал пробраться. Там, возле заваленной хламом двери, рем наконец разжал хватку на шкирке Мигеля и встряхнул затекшей рукой. Тут даже дышалось свободнее.

Пацан все тер рассеченную бровь и шмыгал носом.

— Не тереби, а то отвалится, — шикнул Рем. Мигель явно хотел ответить, но, похоже, краткий опыт знакомства с Нижним городом научил его держать язык за зубами.

Рем подошел к двери и приподнял крышку на кодовом замке. К счастью, пароль Тай сменить не успела. Он приоткрыл тяжелую дверь, протолкнул Мигеля внутрь и сам пролез следом.

Внутри царил темнота. Он на секунду решил, что Тай тоже где-то на улицах, но в ту же секунду услышал ее голос.

— В смысле ты его проебала? Зачем ты вообще его взяла?!

— Потому что его место рядом с тобой! Дура ты бешеная!

— И где он, блядь, теперь?!

Звон битого стекла. Рем придержал Мигеля за плечо и крикнул в неосвещенный зал.

— Тай, с кем ты?

Тишина. Цокот каблуков и пляска отблеска ручного фонарика на стенах. Тайнара приближалась, на секунду свет фонаря ослепил его, а через секунду фонарь с грохотом упал на пол и откатился к стене. Тай всхлипнула, и Мигель, растеряв всю свою спесь промямлил: «Ма?»

***

— А может, нам просто попросить политическое убежище? Где-нибудь на Островах, — озвучила мысль Дези. Они уже час сидели в их скудно освещенной халупе и остатками углей расписывали стены. Начала это Кана. Она сказала, что организовать данные — все равно, что книгу написать. И, взяв огарок какого-то куска мусора, принялась водить по стене, оставляя ровный след. Постепенно линии и черты превращались в структуру: тут — история, там — фрагмент данных, здесь — слова очевидца. Гектор довольно быстро подхватил ее идею и подсказывал, а Дези старалась придумать, как это все упихнуть так, чтобы даже тупому было ясно, что их все это время нае...

— До Островов еще нужно добраться, — хмыкнул Рива. — Как ты себе это представляешь? Вдаришь пешком двести километров по дюнам?

— Ну, может. Были же и те, кто так делал.

— Ну ладно, а дальше как? Вплавь?

— Ой, блядь. А ты что предлагаешь?

— Не ссоримся, — одернула их Кана. Руки у нее по локти были испачканы углем. — Сначала нужно понять, что происходит в городе.

— Согласен. Потом доберемся до средств связи. Может, действительно направим сигнал бедствия или еще что. Доктора Хикари нам точно нужно вернуть домой.

— Ну, за мной никто не приедет, — хмыкнула ученая. Дези округлила глаза, а Кана на

это только повела плечами.

— Ты же, вроде, важная фигура. Дочь там кого-то...

— Не настолько важная, чтобы ради меня одной подвергать опасности целый город, — ответила она и улыбнулась, глядя на удивленное лицо девушки. — Это называется радикальный утилитаризм. На нем построено все наше общество.

— Пиздец. А есть, где люди нормально живут? — не выдержала Дези и пнула лежавший рядом кусок мусора.

— Нормально — это как? — вскинул бровь Рива. Дез махнула рукой.

— Да хрен его знает.

***

Собеседницей Тай была Вера. Она обрадовалась Рему куда больше, чем управляющая. Пока Тай трясла и обливала слезами Мигеля, Вера рассказала, что пока в Верхнем городе все стояли на ушах, смоталась через подземный ход под Башней. Там-то и встретила Мигеля.

«Он упрямый, как баран. Даже не знаю, в кого. Это либо гены Тай, либо влияние его ублюдка папаши», — закатывала глаза она, отпивая самогон прямо из горла. Рем сидел рядом с ней за пустой барной стойкой и вдумчиво жевал соленые орехи, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не начать их пихать за щеки целыми горстями.

— ...Наверху говорят, что в Нижнем городе беспорядки, они собираются штурмовать Верхний Лас-Риас. Сэр Никколо с тяжелым сердцем ввел чрезвычайное положение и отменил выборы до лучших времен, ограничил передачу данных о здоровье. Расшатывает лодку, чтоб все пересрались и уверовали, что больше всего нам нужна твердая рука, — закатила глаза Вера. Видно, Тай не очень интересовали новости Верхнего города. Уж точно не теперь.

— И что будете делать? — спросил Рем, протягивая руку. Вера с очаровательной улыбкой передала ему самогон.

— Хер его знает, сладенький. В душе не знаю. Надо мелких вытаскивать. Может... — она перебрала пальцами в воздухе, будто копошась в собственных мыслях, но вместо светлых идей находила одну хуже другой. — Хер его знает. Пацана Никколо будет искать.

— Сбежать особо некуда, — поддакнул Рем.

— Припасов ни хрена нет. Через неделю люди будут жрать друг друга. С какой стороны ни посмотри, мы в жопе, — она понизила голос, заметив приближение Тай.

Та светилась от счастья, глаза припухли от слез. Пожалуй, Рем никогда не видел, чтобы она одновременно выглядела так плохо и так хорошо.

— Где малой? — спросил Рем, потягивая самогон.

— Сидит с компрессом, — махнула рукой Тай.

— У тебя был лед? — вскинула брови Вера.

— Наморозила на случай, если перекроют подачу воды. Так что пока есть.

— А ты основательно подготовилась, — хмыкнул Рем. — Куда дела остальных?

— Отправила по домам, — тяжело вздохнула Тай. — Клуб был делом моей жизни, не их.

— И что, будешь просто сидеть тут и ждать, когда все кончится? — напрягся Рем. В груди завихрилось беспокойство. Тай неопределенно пожала плечами. — А пацан? Ты же понимаешь, что ты под самой стеной, вас разнесут в первую очередь. Вы...

— Я знаю! — рыкнула она и шлепнула ладонями по стойке. Должно было получиться грозно, но она только сама ушиблась. — Что ты мне, блядь, предлагаешь? Влезть на

баррикады и коктейли Молотова смешивать? Или съебаться в пустыню и сдохнуть там? Еще можем нажраться таблеток и сдохнуть, как Ромео и Джульетта!

— Они не так умерли, — подняла руку Вера.

— А ну завали! — огрызнулись оба.

— Какие вы токсичные, — она подтянула поближе бутылку с самогоном.

Тай устало потеряла виски и рухнула на стул рядом с Ремом.

— Как Дези? — спросила она, растеряв весь свой пыл.

— У подножья. Ты просто охренеешь, когда я расскажу тебе, что произошло. И у меня есть предложение, — проговорил он, преодолевая мерзкое чувство, что он тащит все больше людей хрен пойми куда. — У нас есть план, как все исправить. Шансы не весть какие, и риска до жопы. Но блядь...

— У нас? — вскинула бровь Тайнара. Рем кивнул.

— У тебя же связь еще работает?

— Пока да.

— А припасов хватит еще на троих человек?

— Блядь, Рем... — закатила глаза Тай. — Ну, в теории. Если мы не планируем прожить больше трех дней, то да.

— А кто нам больше даст, — хмыкнул он. — Жди гостей. И поменяй пароль от служебки.

Глава 20. Не план, а сказка

— Команда мечты, — хмыкнул Рива, оглядывая собравшуюся в закрытом клубе компанию. Механик-хакер из Нижнего города, несостоявшийся врач, доктор медицинских наук, которая толком и не медик, барменша-проститутка и управляющая клубом, который больше функционирует. В довесок двое детей и, собственно, он сам. Атмосфера царила соответствующая. Никто не знал, что толком нужно делать, все хотели, чтобы это закончилось, но получалось только суетиться.

По крайней мере, так дела обстояли, когда они только-только все познакомились. Пьяненькая Вера была рада всем. Для нее единственным новым лицом была Дези. Простальных она выдала все, как на духу. Рассказала, как на Кану подрачивал Никколо, как Рива оказывал спикизи-бару визиты вежливости, как Рем перетирал дела с Тимидо. В общем, сдала всех с потрохами. Тайнара сперва неплохо относилась к Кане, но стоило девушке встать рядом с Ремом, в глазах новоиспеченной матери промелькнуло то самое выражение под названием: «Ну, все понятно». Она была оскорблена до глубины души, но с величайшей любезностью она проявляла обходительность к молодой ученой. И в то же время так и льнула к Рему, стоило ему только оказаться достаточно близко.

«Ну еб твою мать», — думал Рем.

— То есть твой план, малыш, разоблачить Никколо? — хмыкнула Вера, прикладывая к затылку холодную бутылку самогона. — Это пытались сделать столько раз, и он все еще у власти, солнышко. Его данные и сливали, и переписки вскрывали, и истории очевидцев, и...

— Это все прекрасно, — ответил Гектор. — Но это никогда не делали в прямом эфире.

— О, ты хочешь пробраться прямо к нему? — глаза Веры засверкали. Тут вздыбилась Дези и схватила Риву за руку.

— Ты суициднуться решил, придурок?

Но на губах Ривы уже играла полупьяная улыбка.

— У меня есть план.

— Я с ним, — подал голос сидевший до этого тихо Мигель.

— Хрен тебе! — рыкнула Тай.

— К сожалению, тут нужны мы все, — опустил глаза Гектор.

— А если что-то пойдет не так? — хмыкнула Вера.

— Ну, тогда мы в жопе.

***

Улицы Нижнего города все еще наполнились людьми. Это была уже не кипящая недовольством толпа. Несколько дней ожидания измотали ее, но в то же время сделали злее. Растекшаяся по улицам человеческая масса напоминала магму в вулкане: сверху покрыта застывшей коркой, но стоит чуть надломить — и поток горячего воздуха снимет тебе все слои эпидермиса до самых зубов. Шутить с жителями города теперь не следовало. Они окружили стеклянный купол со всех сторон, сидели у каждого КПП, ожидая чего-то, каких-то изменений, как в первые дни. Иногда двери и ворота приоткрывались, выходили техники, снимали данные с дронов-патрульных и скрывались в городе, оставляя машины на страже порядка вместо себя. Гектор до сих пор не знал, как истолковать это решение. С одной стороны то, что Верхний город не послал живых людей, внушало оптимизм. Но он отозвал с

мест и полицейских. В любом случае, свои плюсы были. Ничто не помешает им стащить одного такого бота.

«Эти камеры передают данные на сопряженные устройства. Ты прямо в режиме реального времени можешь монтировать и отправлять отснятый материал в эфир на центральные каналы. Нужно только достать такую камеру и отвязать от старого канала... хотя, можно и не отвязывать», — слова Гектора вились в голове, и на губах Дези порхала возбужденная улыбка. Надо бы нервничать, но у нее осталось не так много сил, и она не хотела тратить их попусту. Нужно было еще как-то выносить напряжение, которое курсировало в треугольнике между Ремом, Каной и Тай. Дез даже была рада выбраться из их пропитанного дымом и самогоном бункера. Хотя, запах дима и спирта никуда не пропал — с ней направилась Вера. По ней вообще нельзя было понять, что в городе что-то происходит, она как будто в реалити шоу участвовала в роли той странной телки, которая все знает наперед, но морозит полнейший бред.

— Ты вообще уверена, что это хороший план?

— Чего ты у меня спрашиваешь, твой же женишок придумал, — хмыкала женщина.

— Ну, ты вроде тоже в Верхнем городе жила, знаешь, что к чему, — пожимала плечами Дези. Их путь лежал через изрядно поредевшую, но все еще плотно сбитую толпу, протянувшуюся от дальних границ района Фундо к главному КПП, из которого каждый месяц выезжала гуманитарная помощь и «витаминки».

— Жизнь в Верхнем городе научила меня только тому, что любое лицемерие можно простить человеку, если он грамотно сортирует мусор. Это как-то применимо к нашей ситуации?

— Не очень.

— Извиняй, — хохотнула Вера.

«Становлюсь как Рем», — проворчала про себя Дези, натягивая маску повыше, до самых глаз.

Толпа неохотно расступалась, позволяя им протискиваться вперед, к воротам. Небо, с утра пронзительно-синее, теперь выцвело и поблекло затянутое тучами. Хотя сезон ураганов уже прошел, некоторые спешили убраться в свои хлипкие домики уверенные, что сейчас на них накатит еще одна волна порывистого ветра. А кто-то даже утверждал, что это Верхний город использует погодные пушки, чтобы разогнать демонстрантов.

Дези привычным движением вскинула запястье, чтобы посмотреть время на трекере и поморщилась. Вместо знакомого сенсорного экрана на руке болтались древние наручные часы. Ей пришлось несколько секунд поломать голову, чтоб вспомнить причудливый язык короткой и длинной стрелки.

— У нас еще пятнадцать минут, — подсказала Вера. — И не тряс их так, умоляю, это раритет.

— Прощу прощения, — закатила глаза Дез.

Чем ближе они пробирались к центру, тем растеряннее выглядели люди. Они словно застряли, зажатые между холодным безразличием стен и закипающим нетерпением горожан. «А вот и самый активный», — подумала Дези, заметив подвижный силуэт. Парень в цветастой рубашке скакал вокруг роботов-патрульных, стучал по их механическим головам и все пытался достучаться до камер.

«Готова поспорить, они просто ждут, когда он оторвет голову несчастной железке», — фыркнула Вера. Дези хотела было спросить, что будет потом, но тут можно было и самой

догадаться. Снимут записи с камеры наблюдения, назовут это жесточайшим актом вандализма, и дело с концом.

Дез недоверчиво осматривала дрона. Это был небольшой бот на гусеничном ходу, который при желании мог отращивать прыгучие ножки для более эффективного преследования. Имел несколько прицелов, чтобы фокусироваться на цели в любых условиях, тепловизор, микрофон, встроенная камера с искусственным интеллектом. И им нужно было каким-то образом это украсть. На глазах у целой толпы.

«Такой маневр можно повернуть только один раз. Вы должны не просто сломать бота, а победить его. Эти дроны выглядят, как машины-убийцы, и живые люди их боятся. Но если вы покажете, что металл и пластик может проиграть костям и мышцам, то вы вдохновите сотни человек, которые это увидят», — вещал Гектор.

По сути, это было никакое не ограбление, а шоу. И с этим у Веры проблем не было. Ей было даже приятно вспомнить старые добрые времена работы с Тай. На волне ностальгии Тайнара позволила им вытащить из клуба колонки и расставить их на улицах. Они закончили обход и, переступая через спавших прямо на земле, забрались на более-менее крепкую крышу.

«Доброе утро, Нижний город!» — голос Веры разнесся над улицей, выводя толпу из оцепенения. В ответ послышались хрипы и невнятная ругань.

«Я слышала, дела у нас не ахти. Наши друзья и покровители из Верхнего города дали нам независимость, но забыли оставить продукты. Очень недальновидно, но, как говорила моя бабуля — и на том спасибо. Правда же?!»

Гомон сменился внимательной тишиной. Люди внимательно смотрели на эту женщину с огненно-рыжими волосами, полыхавшими даже в слабых солнечных лучах. Они изныли, им был нужен лидер, и вот — она появилась, громкая, с микрофоном и маленькой коробочкой в руке. Роботы тоже насторожились. Встроенные камеры нацелились на Веру и стоявшую рядом с ней девушку, скрывавших лица под масками.

«А еще моя бабуля говорила, что во всем нужно видеть хорошее. И я вот подумала. У нас нет нихрена работы, правда? Да! Зато у нас впервые достаточно времени, чтоб как следует оторваться. Так, как Верхние в жизни не смогут со своими фитнес-коктейлями. Да?! Покажем им, что они проебали! Никакого больше самогона! Никаких девчонок! Ни дорожки нашей они больше не получат!»

Она вскинула руку с передатчиком над головой. Дроны начали приподниматься, выпуская ноги, по черному наряду Веры заскакали красные точки прицелов. Палец опустился на красную кнопку, и толпу разорвало возбужденным воплем, в котором смешался ужас и долгожданное облегчение, ярость и гнев. А потом все утонуло в гудке и мощном бите, волнами накатывавшем со всех сторон. Красная кнопка оказалась ротором и, пританцовывая, Вера крутила его, настраивая громкость, темп и бит. Толпа непроизвольно начала покачиваться ей в такт.

Настала очередь их маленьких агентов. Мигель и Анита — дочь Веры — курсировали в толпе, засовывая в руки людям маленькие бутылочки самогона, «порционки» из запасов Тай. От этой спиртовой диверсии боевой настрой толпы расшатался быстрее. Многие не ели по несколько дней и теперь опьянели, стоило алкоголю попасть на язык. Толпа начала танцевать. Трястись. Беситься. Скопившаяся агрессия выплескивалась резкими взмахами рук и воплями в такт, прыжками и запрокидыванием голов. Вера с упоением наблюдала за этим. Дез снова немного нервно поправила маску.

Дроны все еще напряженно сканировали территорию, пытаясь рассмотреть признаки опасности в раскинувшемся посреди улиц рейве. Дез нервно следила за стрелкой часов. Когда она описала еще один круг, в воздух с громким хлопком вырвались несколько столпов красного, желтого и оранжевого цвета. Толпа разразилась новой волной воплей. Это можно было спутать со взрывом, они специально смешали так сухие пигменты. И роботы повелись. Они начали вползать в толпу на своих гусеницах, пробираясь к центру «взрыва».

«Пора», — тихо скомандовала Вера. Дез спустилась с крыши и стянула с лица маску.

***

«Никколо наверняка уверен, что Мигеля похитили. Он не станет объявлять это вслух, но сможет сложить два и два. Он точно запросит, чтоб полицейские дроны сканировали всех подозрительных людей, а также его кадры из Нижнего города. Дез тоже находится в этой базе, а если она еще и связана с Тай и Тимидо, то я на сто процентов уверен, что при идентификации дрон перейдет в режим преследования. Используем это как приманку»

***

Дези двинулась сквозь толпу наперерез одному из дронов. Люди с опаской расступались перед машинами. Зыркали на них недовольно, кривлялись в камеру, но все же уступали дорогу. Возле точки, где был заложен первый заряд краски, толпа поредела достаточно, чтобы робот мог активнее сканировать лица. Тут-то Дези и появилась. Встала прямо перед дроном, глядя в его единственный глаз-камеру. Толпа вокруг нее замедлилась, наблюдая за этой сценой. Робот замер, с тихим щелканьем переключил несколько линз, а потом механическим голосом произнес: «Дезире Мария Августа Домингос-Сальва, вы обвиняетесь в незаконном пересечении границы Верхнего города, в незаконном пребывании, а также подозреваетесь в убийстве советника Габриэля Тимидо...»

Последовавшие слова о необходимости добровольной сдачи утонули в возбужденном гудении и аплодисментах. Робот приподнялся на гусеницах, выпуская ножки. Дез согнула колени, выжидая, когда новость о ее присутствии достигнет не только других роботов, но и людей. Трек сменился на мощный гулкий бит. Заискрились до этого пустовавшие голографические рекламные щиты. На них вывелось видео с камеры дрона, а внизу бегущей строкой давал пояснения центральный канал: «Опасная нарушительница обнаружена в центре Нижнего города». Толпа возбужденно засвистела. Кто-то кинул свой стакан в голограмму. Дроны, находившиеся вдали от Дези, отправились на поиски хулиганов, в то время, как первый только окончил зачитывание Дез ее прав при задержании. Он двинулся в ее сторону.

«Беги!» — рявкнул кто-то в толпе. И Дез побежала. На экранах мелькнула ее спина. Несколько секунд она удалялась от робота, потом как будто замерла, а через мгновение стала приближаться. Робот начал преследование. Он быстро перебирал многочисленными ножками, с силой отталкиваясь от неровной дороги. Люди расступались, дезориентированные из-за громкой музыки, воплей и внезапно охватившего толпу возбуждения. Кто-то даже осмеливался бросать мусор и бутылки в спину роботу, но тот и не думал отвлекаться от жертвы, петлявшей между людьми. Она пробиралась все дальше от КПП. Прочь от звуков музыки, собравших на площади, кажется, всех жителей из ближайших районов.

Уже на соседней улице было посвободнее и дышать стало легче. Дез осмотрелась в поисках ориентиров. На глаза попала красная стрелка на одной из стен. Дез повернула в указанном направлении. Переулок. Еще одна стрелка. Шелест гравия под механическими

ногами. Угрозы, звенящие из колонок. Поворот. Пробежка по лестнице, ведущей в соседний квартал. Поворот. Еще один спуск. Когда люди научились делать машины, которые почти не дребезжат? «Дезире Мария Августа Домингос-Сальва, это последнее предупреждение...»

Еще одна стрелка. Дез сбавила ход. Ноги гудели, в ушах шумела кровь. Перед глазами красным пятном пульсировала дверь, обведенная несколько раз красной краской, а рядом подпись: «СРАЗУ НАЛЕВО!!!!!!!». Дези с трудом протолкнула в легкие еще одну порцию воздуха, изо всех сил оттолкнулась от земли и рванула вперед, через узкую дверь. Робот тоже ускорился. На секунду спина Дезире мелькнула в дверном проеме, дрон протянул механические клешни для захвата, а потом в линзу ударил яркий солнечный свет, открылась панорама города, но лишь на мгновение. Потом все закрутилось перед камерой, и робот прокатился вниз по склону, мимо таких же разваленных ураганом домов, как тот, в который его завела Дез. Влекомый инерцией, робот катился все ниже и ниже, пока полотно рельсов не остановило его движение. Робот уперся многочисленными конечностями в землю и попытался встать. Город мелькнул перед камерой еще раз, а через мгновение все пространство перед цифровым взглядом занял трамвай, бодро катившийся под гору привычным маршрутом. Затормозить он не успел, и совершеннейшая машина для поимки преступников превратилась в смятую жестянку.

Дези, стоявшая на уцелевшей доске прямо рядом со стеной, издала радостный крик. И толпа, наблюдавшая эту погоню на экранах, ответила ей звонким эхом.

***

В новостях Верхнего города это назвали «прямой угрозой общественной безопасности». Последние фрагменты записи крутили безостановочно, в эфир выходили политики и ученые, подтверждавшие, что подобные ситуации в очередной раз подчеркивают необходимость отделения Верхнего города от Нижнего. Тут же, конечно, припоминали бедолагу Тимида, который пожертвовал жизнью, пытаясь защитить права людей, способных празднично веселиться посреди дня. Никколо с довольной ухмылкой следил, как его собственный рейтинг доверия потихоньку начинает расти. Эти репортажи позволили даже смягчить падение рейтинга в связи с переносом выборов. Все складывалось лучше некуда.

Зазвонил телефон. Мелодичный и тягучий голос на том конце растворялся в звуках музыки спикизи клуба.

— Как поживает моя очаровательная вдовушка? Мигель еще не появлялся?

— Нет, Мартин. Тут все через задницу, — простонала женщина. — Я обещала тебе помочь, но ты меня обманул. Ты сказал, что это как вечеринку организовать, а тут...

— Если дешевая шляха из Нижнего города с этим справлялась — то и у тебя получится, — выплюнул губернатор. — О Мигеле ничего не слышно?

— Не-е-ет, — выдавила Аманда, явно разочарованная, что ее персону волнует губернатора не так сильно. — И эта шляха с островов тоже не появлялась.

— Да ты что? — процедил Никколо. Вдова Тимида, похоже, проявляла исключительные когнитивные способности, только когда дело касалось мести. В остальных ситуациях она была тупее пробки. Никколо покопался в своем словарном запасе, чтоб хоть как-то успокоить эту бестию.

— Март! Март! Срочно включи Центральный канал. Просранный бот вышел на связь!

Губернатор тут же включил большой экран. Сперва казалось, что никакого сигнала нет, а потом, видимо, робот переключился на ночное видение. На экране показалась серая копошащаяся масса, постепенно обретавшая резкость. Проступили очертания: три головы,

три человека, привязанные к стульям. В женщине с опущенной на грудь головой он едва узнал доктора Кану Хикари, справа от нее дергался из стороны в сторону Гектор Рива. Бровь у него была рассечена, нос сломан. А прямо в камеру смотрел Мигель. Он чуть заметнс пошевелил губами, так, чтобы даже тупой смог разобрать слово: «Папа». А затем сигнал пропал.

— Вот ублюдки, — прошипела в трубку Аманда. Мартин и забыл, что они разговаривали.

— Пришли ко мне Гато. Срочно.

— Но...

— Немедленно.

Глава 21. Постановова

— Ты перегнул. Они нихрена не поверят, — цокала языком Тайнара. Гектор Рива только хмыкнул и принялся стирать с лица остатки красного пигмента. — Вот если бы ты меня попросил нос тебе разбить...

— Это мое право, — вздыбилась Дези. Тай только улыбнулась и потрепала ее по голове.

— Моя крошка стала совсем взрослой, — мечтательно вздохнула она, всем своим видом показывая, что совершенно не обращает внимания на проскользнувшую мимо, как тень, Кану.

Как только ученую отвязали от стула, она направилась в “офис” к обосновавшемуся там Рему. Механик всю ночь ковырял несчастного дрона. В лучших традициях своего ремесла, Рем отключал ему геолокацию, проверял, как работают камеры и микрофоны. Когда он убедился, что отследить их не получится, они нашли стену потемнее и разыграли там сценку с демонстрацией заложников. Теперь Рем ковырял двух других дронов, которых разгромили горожане. Каждый из них теперь больше напоминал гремящее ведро запчастей. Рем с точностью хирурга вынимал из роботов камеры, линзы, платы, шокеры и собирал из них инструменты для осуществления плана Ривы.

Кане он уступил рабочий стол. Девушка за компьютером изучала слитые файлы. Иногда приходила Дези, и они вместе занимались разработкой материалов. Наверное, Никколо и Тимидо, никогда так не жалели, что в свое время провели в клубе защищенный канал связи, независимый от интернета ни в Верхнем, ни в Нижнем городе. Полностью автономный. Не было лишь вопросом времени, когда они догадаются. Рем, как мог, строил мосты и путал следы в надежде, что специалисты из Верхнего города потратят хотя бы лишнюю минуту, блуждая по выстроенному им лабиринту.

Рем никогда не интересовался тем, как работало телевиденье. Мама в детстве рассказывала истории о том, как целые семьи собирались у экранов, чтобы услышать новости, но ему и в голову не приходило, как жили люди, работавшие там. Теперь у него, кажется, был ответ. Они работали в несколько смен. По крайней мере, девчонки. Дез, Вера и Тай забрали одну выковырянную из робота камеру и все время что-то снимали, проверяли. Они выходили из города и записывали жизнь простых людей, а потом монтировали с учетом информации, которую выудила из облака Кана. Рива вместе с Дез и Тай планировали выпуск: решали, в каком порядке они будут скормливать зрителям те или иные фрагменты информации, чтобы в итоге собрать целостную картину.

«Пока наши сливы позволяют Никколо подтверждать, что в Нижнем городе варвары живут, он позволит нам и дальше заполнять эфир. Нужно собрать максимальное число зрителей, и тогда мы сможем вывалить на них всю правду», — возбужденно вещал Рива, и его запал перескакивал на остальных. Даже Тай, кажется, прониклась к нему симпатией.

Что уж говорить, он и Рема мог вдохновить время от времени. Но после очередных пяти дней без сна, Рем снова чувствовал себя так, словно его эмоции завернули в одеяло и заморозили. И как бы его ни раздражало такое состояние, он раз за разом тянул руку к банке с «витаминами» из запасов Тай. Когда он так делал, Кана бросала на него быстрый предупреждающий взгляд, но ничего не говорила. Они оба прекрасно понимали, что так было нужно.

Верхний город поставил новых дронов на КПП. Теперь их было не три, а пять. Толпа

осмелела и начала их провоцировать. Иногда Вера выходила, чтобы подогреть запал людей. И Рива, негласно ставший главой этой операции, внимал эху толпы, как самой сладкой музыке на свете.

***

Никколо никогда не думал, что будет так сильно скучать по Тимидо. Этому временами невыносимому, фонтанирующему идеями хлыщу, абсолютно уверенному, что ласковым словом и улыбкой можно завоевать весь мир. Без него все рассыпалось к чертовой матери. Телефон и мессенджеры разрывались от звонков и сообщений журналистов, полиция требовала начать спасательную операцию. Черт возьми, даже Острова решили вежливо поинтересоваться, какого хрена доктор Кана появилась в криминальной хронике. Никколо не хотел рубить с плеча. Надо сказать, он был уверен, что все происходящее — часть плана Тимидо. Гаденыш был хорош в составлении сложных партий и схем. Так хорош, что больше всего Никколо хотелось высыпать его прах, оживить и сжечь заново.

Старый телефон-автомат в углу квартиры зазвонил. Никколо оторвался от разглядывания видов за окном и поднял трубку.

— Гато? Есть новости?

— Пока только одна. Они снова в эфире. Ты смотришь?

Мартин промычал что-то нечленораздельное и нажал кнопку на телевизоре. В этот раз освещения хватало, чтобы у дрона работала основная камера. Доктора Хикари и Гектора Ривы в кадре не было. Зато оставался Мигель — здоровый, довольный и отмытый, сидевший на коленях у женщины, похожей на него, как две капли воды.

«Вот сука», — проскрипел зубами Никколо и прибавил звук.

— ... так ты правда моя мама? — спрашивал Мигель с детской наивностью, которой сам Мартин ни разу от сына не слышал.

— Да, милый, — Тайнара с нежностью погладила его по волосам.

— Но почему ты не жила с нами?

— Потому что твой папа решил разлучить нас и под шумок выдворил меня из Верхнего города. Он пообещал, что с тобой ничего не случится, если я буду помогать ему вести бизнес в Нижнем городе.

— Какой бизнес?

Экран потемнел. Заиграла жуткая скрипящая и ухающая музыка. Будто на складе со списанной техникой включили все машины сразу, и они очнулись от своего цифрового сна под дружное шипение, завывание вентиляторов и писк передатчиков. На экране появился человек. Весь закутанный, так что лица не разобрать. А за ним, на фоне, начали мелькать фотографии, виде, записи хроник. Фотографии, которые, Никколо был уверен, надежно спрятаны.

«Картель Коатль долгое время был настоящим бизнес-ангелом всего Лас-Риаса, у его истоков стояли три человека. Вы наверняка знаете их всех: Мартин Никколо, в прошлом талантливый фармаколог, Гато Бранко...»

На том конце провода повисло тяжелое молчание. А вот Никколо, наоборот, охватило спокойствие, тягучее и приятное, как после секса. Он оскалился в трубку и хищно клацнул зубами.

— И как это ты проебал такой компромат, расскажи, пожалуйста? — поинтересовался Мартин. Ему не нужно было видеть Гато, чтобы знать, сейчас он нервно ищет свои таблетки

от давления и пытается промакнуть испарину, но салфетки далековато, а провод от телефона так сильно не растягивался.

— Мы знаем, что к делу причастна Тай. Это точно ее план. Они скорее всего в клубе, можно отправить туда спецназ и...

— Продолжай.

— И забрать пацана. Скажем, что это фейк. Достанем свидетельство о смерти его матери. Еще мы...

— Гато, ты мелко мыслишь, старая ты шваль. Если у них есть информация о Тайнаре, то скоро они докопаются и до таблеток. И тогда нам пиздец.

— Я отдам распоряжение Фабио, он соберет лучших людей. Они отправятся через час.

— Ну, не суетись. Нам же интересно узнать их требования, — проворковал Никколо. — Как-никак, у них целых три значимых заложника.

Словно в ответ на его просьбу, голос из колонок заговорил:

«Нам не нужны ни выкупы, ни взятки. Мы хотим, чтобы жителей Нижнего города признали полноправными гражданами Лас-Риаса. Многие поколения наших семей стремились работать на благо общества, но в то время как одни получали все, другим оставались только крохи этой жизни на задворках. Нам не нужна независимость, мы просто хотим мирной и спокойной жизни. И если вы все еще уверены, что мы недостаточно люди, чтобы дышать с вами одним воздухом, то придется рассказать вам правду. Одну вы уже узнали — о сыне Мартина Никколо и его делах. Но как насчет загадочной судьбы людей, которые старались навести мосты между Верхним и Нижним городом. Забавно, что каждый раз, как они пытались это сделать, они погибали. Да-да! Мы говорим об архитекторе Риве. Его сын — главный герой следующего эфира. Подписывайтесь и следите за обновлениями!»

— Звони Фабио, — цокнул языком Никколо.

***

«Подписывайтесь и следите за обновлениями? Серьезно?!» — закатывала глаза Вера. Она с трудом сдерживалась, чтобы не начать разбрасывать посуду и топтать ногами, как делала это обычно на репетициях, когда кто-нибудь лажал. Но тут на коленях у нее дремал Мигель, и Вере очень не хотелось его будить.

— Так все сейчас говорят, — пожала плечами Дези, оглядывая присутствующих в поисках поддержки.

Тай только устало терла лоб. Проведение таких эфиров вызывало тошноту. К тому же на мозг давила внезапно начавшаяся бессонница. Тай уже двенадцать часов провела в попытках заснуть, но безуспешно. Стоило мыслям хоть немного устаканиться, как мозг тут же посылал вспышку какой-нибудь суматошной идеи, которая пробежала искрой по всем извилинам, возобновляя бодрствование.

— Говорят и ладно, — махнул рукой Рива. — Нам нужно сменить декорации. Если я прав, то они обращаются к Фабио, и у нас есть всего несколько часов...

— Ты блядь откуда взялся такой энергичный? — простонала Тайнара. Ей пришлось обхватить голову руками, чтоб сфокусировать взгляд. Гектор, до этого казавшийся расплывчатым пятном, предстал перед ней, сияя улыбкой и сверкая глазами, будто под кайфом.

— Просто я давно об этом мечтал, — пожал он плечами. — Мне и таблетки не нужны, чтобы оставаться в сознании.

— С таблетками или без — ты вот-вот крышей поедешь, — рыкнула женщина.

Последние остатки веселости, пусть и наигранной, тут же испарились. — Дружище, когда ты сказал, что у тебя есть план по разоблачению Никколо, я и слова не сказала, правда же? Я готова была помочь. Я хотела помочь. Но ты ни разу не заикнулся блядь, что через час после слива мою дверь будет ломать ебанный спецназ! Это хуже дронов. И что ты предлагаешь делать теперь?

— Перегруппироваться, оставить камеры, провести включение из другой точки, я все спланировал, — затараторил Гектор, но направленные на него взгляды заставили его затихнуть. — Вот только не говорите, что вы этого не ожидали, а!

— Я не ожидала пьесы в трех актах, — продолжала давить Тай. — И пока тут не стало жарко, я сваливаю. Меня все заебало. У меня сын. У Веры тоже есть ребенок, вообще-то. Покривлялись — и хватит. У нас есть причины сидеть тихо и не подставлять лишний раз жопы.

— Но мам... — попытался возразить Мигель.

— Не мамкай! — рыкнула Тай. — Жопу в руки и вперед. Или ты хочешь вернуться к отцу?

И, не оставляя соучастникам шансов переубедить ее, направилась к гримеркам. Загрохотали падающие вешалки и банки. Тай перебирала свои нехитрые пожитки. Мигель следовал за ней неторопливой тенью.

— Куда мы пойдём? — спросил он, когда ее движения перестали быть слишком дергаными.

— Не знаю.

— А что мы будем делать?

— Не знаю, блядь!

— Тогда чем твой план лучше задумки Гектора?

— Более высокими шансами выжить? Как тебе такое, гений? — вспыхнула она, и Мигелю она почему-то сразу напомнила отца. Может, именно из-за этого характера он и не смог терпеть бывшую танцовщицу рядом. Но Тай ни разу не была похожа на Мартина. Она, может, и любила ударить кулаком по столу и ввернуть крепкое словцо, но Мигелю рядом с ней было спокойно. А это было непривычное для него состояние.

— А если из-за того, что мы уйдем, все останется, как есть? И Мартин будет править дальше...?

— А если мы умрем? — Тай попыталась подорваться наверх, но налетела головой на вешалку и тут же тяжело осела вниз с протяжным стоном. Мигель метнулся в зал и позвал Кану. Та уже не пыталась отпираться и говорить, что она не врач.

Ученая села рядом с Тай и, со всей вежливостью и деликатностью, принялась ощупывать наливавшуюся на макушке шишку. От ее холодных пальцев по всему телу бежали толпы мурашек, как от щекотки. И Тай, сколько бы ни сверлила молоденькую девчонку взглядом, не находила в себе сил, чтобы злиться на нее. Может, сказывалась бессонница, но Кана Хикари даже стала казаться ей милой.

— Все будет хорошо, — наконец, подала голос ученая.

— Твои слова, да богу в уши. Вот только старый пердун явно отключил телефон, — хмыкнула Тай и, приняв руку, поднялась на ноги. Перед глазами все закачалось, как с похмелья. — Нужно выпить.

— Тебе нужно поспать, — мягко проговорила Кана. Тай едко усмехнулась.

— Эх, милашка, тебе досталось мое лучшее сновторное.

Кана стыдливо опустила глаза и тут же залилась краской.

— Вы не подумайте, мы не...

— «Вы не» что? Он не пытается закрыть тебя ото всех и встать перед тобой, как живой щит? Ты не улыбаешься каждый раз, когда он смотрит на тебя? Да ты что? Моя хорошая, вот мне тут заливать не надо. Я все это говнище видела уже сотни раз. То есть, это не говнище, я за вас очень рада. Но не от всего сердца. И Скорее всего эта ваша «связь», построенная на фоне всеобщего пиздеца, распадется, как только дела придут в норму. И если вы до этого дня доживете. Ах, точно! Про выживание!

И она с новыми силами кинулась паковать вещи. Кана нервно следила за ее движениями. Не то, чтобы она сама не говорила себе все эти слова, но из уст Тай они звучали так хлестко и правдиво. Кана много раз представляла себе этот разговор. Как Тай будет бросать ей в лицо оскорбления, а следом за ними мелкий мусор и рюмки. И теперь, когда они все же коснулись этой темы, Кана неожиданно для самой себя испытала облегчение.

— Послушай, я знаю, что мне тут не место, — заговорила девушка, выуживая из памяти заготовленные на этот случай слова.

— О, расслабься, — махнула рукой Тай. — Вообще не надо тут хуем по столу водить и слезы мазать. Кому тут место или нет — это вопрос философский. Мы тут как живем? Дают — бери. Вот и все. Но мой тебе совет, крошка. Ни в коем случае не переворачивай свою жизнь ради мужика. Даже если тебе кажется, что ты его пиздец как любишь. Думай о себе. Остальные подождут. В конце концов, никому не всрутся твои жертвы. Поверь мне.

Она снова огляделась. Вокруг нее валялись разбросанные вещи. Такой же хаос и мешанина царили в мыслях. Осознание накатывало волнами, память подкидывала потоки образов. Вот, она танцует в Верхнем городе, вот впервые видит новорожденного сына. Вот Гато предлагает ей сделку, потом вихрь из Нижнего города и лиц всех мужчин и женщин, отметившихся в ее воспоминаниях отдельными чертами. Образы давили на череп изнутри, распирали его. Тай схватилась за голову, сдерживая очередную волну мигрени. Она даже не сразу поняла, что кричит. Что все обитатели маленького бункера набились в их тесную каморку, пытаясь предложить хоть какую-то помощь. Дези и Кана в четыре руки укладывали ее на барахло, а Тай все тряслась, цеплялась скрюченными пальцами за волосы.

«Это то, о чем ты говорила?» — спросила Дези. Кана кивнула.

«Уведите детей!» — скомандовала Вера и сама же исполнила свой приказ. Рем метнулся к бару и вернулся через секунду с бутылкой самогона, протянул ее Дези. Девушка выругалась, но все же принялась вливать пойло в горло Тайнаре.

— Что вы делаете?! — завопила Кана. — Это же не лекарство!

— Других нет. Ее нужно вырубить, — помотала головой Дези. Тай в ее руках обмякла. Тяжело задышала и закрыла глаза. С губ срывались прерывистые стоны.

— Это из-за таблеток? — спросил Рем, не в силах отвести взгляд. Кана кивнула и погладила Тай по волосам.

— Ей нужна помощь. Искусственная кома, ИВЛ, полноценные обследования.

— Об этом нужно рассказать в следующем выпуске, — ляпнул Рива и тут же получил по лицу. Удар был таким увесистым, что в глазах потемнело. А когда Гектору все же удалось проморгаться, перед ним стояла Дезире, растиравшая костяшки.

— Ты совсем ебнулся, а? А?!

— Дез, тише, — попытался осадить ее Рем, но быстро понял, что просто хотел задать

этот вопрос сам.

— Твой план летит в пизду! Тай поддыхает! А мы должны об этом снять документалку? Охренеть. Ну давай, помрем смертью смелых журналистов, когда сюда вломится спецназ. Хули нет-то?

— Дезире, ты не понимаешь, это важно. Сейчас нужно идти до конца. Никколо уже паникует. Еще немного и мы победим. Мы все.

Она смотрела на него, как оглушенная. Потом шмыгнула и вернулась к Тай. Принялась подсовывать ей под голову тряпье и едва заметно глотать всхлипы.

— Дези, — окликнул ее Гектор. Рем тут же вырос у него на пути.

— Тебе для твоего плана нужны были бойцы или хотя бы собственная партия. Нас тут кучка любителей. И нам пора сматываться, если хотим дожить до завтра. Добро?

Он и сам не ожидал от себя такой спокойной речи. Видимо, состояние Тай окончательно расставила на свои места его суждения о ценности жизни и вообще обо всем важном. Гектор заметил по-новому зажегшуюся решимость в его глазах.

— Добро.

— Я не буду тебя останавливать, но...

— Нет, спасибо. У меня есть запасной план, — пожал плечами Рива. — Можешь поставить на отложенную публикацию весь массив данных, какой у нас есть? Это будет моя последняя просьба. После этого разойдемся.

Рем кивнул. И в груди мерзко заскребло. Они направились в офис и принялись жонглировать файлами и доступами.

— Я запустил безостановочное копирование. Каждую секунду облако воспроизводит само себя, так что полностью удалить данные ни за что не получится. Они все равно всплывут. А если кто-то попытается их удалить, то они тут же будут рассылаться на все устройства в городе.

— Шикарно, — вздохнул Рива почти влюбленно. — Ты не думаешь о том, чтобы продолжить.

— Мне нужно защищать Дез.

— Я понимаю. Это и моя цель тоже, и я от нее не отказываюсь. Держи, — он снял с шеи маленькую подвеску, металлический цилиндр на цепочке. — Это универсальный пропуск отца. Слепое пятно в системе безопасности. Открывает любые двери и не оставляет цифровых следов.

Дези дождалась, когда Рива уйдет, и, едва шевеля губами, спросила:

— Куда мы пойдём?

— Для начала отнесем Тай в безопасное место, — сказал Рем и принялся сооружать носилки.

— Я останусь с Гектором, — пробубнил отделавшийся от Веры Мигель.

— Нет! — рыкнула Дези, точь-в-точь Тайнара.

— Ей со мной опасно! — выпалил он и тут же рванул прочь. Дези подорвалась было, но Рем положил руку ей на плечо, удерживая на месте. Дез всхлипнула и разревелась.

— Если вы закончили, — в каморку зашла Вера, — я знаю местечко. Заберем туда Тай. Тай!

Но Тай уже уснула навсегда. Тихо и незаметно, как только она умела уходить. В самый разгар вечеринки.

Глава 22. Второй акт

«Охренеть», — только и смогла выдавить Дези, когда Вера провела их в домик на другом конце Фундо. Рем и Кана плелись следом, каждый погруженный в свои мысли. Они толком не разговаривали, но если бы хотя бы попробовали, их поразило бы, насколько схоже они мыслили. Оба терзались вопросом: не было бы лучше, отправься Кана в Верхний город? И оба гнали эту мысль прочь. Вера в своей обычной манере пыталась разогнать тоску, хотя ей и самой рвало душу на части.

— Габри был тем еще контрол-фриком. Ему все нужно было контролировать, его аж до трясушки бесило, когда что-то было не так. А еще он был перестраховщиком. Не как Рива. Хлеще. У него всегда был план «В», потом план «С» и еще план, на случай, если оба эти пойдут по пизде. Когда он активно вел дела с Нижним городом, он постоянно оставался тут, — болтала она, показывая спутникам жилище. Свиду это был простой домик. Однокомнатный, с четырьмя стенами. Но стоило им открыть подвальную дверь, как все стало ясно. Внизу, вместо закутка метр на метр, где только прах родственников хранить рядом с закатками, оказалась лестница. Вера щелкнула переключателем и повела остальных вниз.

— Нижний ярус весь на кодовых замках, имеет собственное электропитание. У него там даже запас консервов был, вы прикиньте!

— Да уж, охренеть... — повторил за сестрой Рем.

— А главное, тут есть душ, туалет и связь. И выход в Верхний город, но мы туда не попадем, для него нужен специальный ключ.

Рем запнулся, но ничего не сказал. Даже когда Дез обожгла его пристальным взглядом, а Кана придержала его за руку. Они почему-то думали, что смерть Тай прокатилась по нему, как асфальтоукладчик, и Рем был вынужден подыгрывать, принимая их жалость и сочувствие. Потом, когда-нибудь, он, может, и взвоет от этой мысли, а сейчас в его груди ширилась звенящая пустота и чувство вины за то, что он нихрена не чувствует. Только желание, чтоб все это закончилось как можно скорее.

Нижний этаж оказался раза в три просторнее верхнего помещения. Он очень напоминал домик Каны — те же деревянные полы, душ, пол в ванной с подогревом, кофеварка, куча техники. Был даже кабинет с рабочим столом. Рем по-хозяйски принялся выдвигать ящики. В одном он нашел целый ворох трекеров. Некоторые даже узнал. Он «ломал» их собственными руками.

«Сука», — только и процедил он. В глазах защипало так сильно, что Рем захотел дать себе пощечину прямо в мозг. Он и так знал, что попал в авантюру Тимидо неслучайно, но каждое напоминание об этом пускало по телу разряд электрического тока.

В спальне была просторнейшая кровать. При желании, они могли поместиться на ней все вчетвером. Тело заныло, напоминая, что до этого они несколько недель спали на полу и на кучах тряпья. Не раздеваясь, Вера завалилась на кровать. Кана придержала Рема за руку, как бы спрашивая, не хочет ли он поговорить. Молодой человек помотал головой. Кана понятливо кивнула и отправилась в душ.

Дези Рем нашел сидящей на диване. Она листала каналы на телевизоре, пока не нашла центральный. Рем сел рядом.

— Ну, рассказывай, — сказал он.

— Что?

— Ну что-нибудь. Как ты?

— Херово.

— А если конкретнее?

— Так себе из тебя психотерапевт, если честно. Надеюсь, в твоих нынешних отношениях за все разговоры отвечает Кана, — фыркнула Дези. Рем придвинулся ближе и обхватил Дези за плечи, притянул к себе. Та попыталась вывернуться. — Ты воняешь.

— Давай честно, этот пидарас разбил тебе сердце?

Дез замерла, а потом зарылась носом в сгиб его локтя и тихо угукнула.

— Когда-нибудь ты поймешь, что оно того не стоило. И все будет хорошо.

Послышалось еще одно сдавленное «угу».

Когда Рем открыл глаза, оказалось, что на диван влезли все обитатели их маленького жилища. Он тупо осмотрелся, молча уговаривая мозг наконец включиться и собрать мелькавшие перед глазами пятна в полноценную картинку. Рем так и не понял, удалось ли ему поспать или нет. Он просто несколько часов проболтался где-то на границе сна и бодрствования, и теперь его терзала подкатывавшая к горлу паника. А что, если он помрет также, как Тай? Сердце зашлось бешеным ритмом от одной мысли об этом. Рука потянулась к карману, в котором хранились таблетки. На середине движения его запястье перехватила Кана.

— Все хорошо. Ты спал, — сказала она с твердой уверенностью.

— Этот Рива просто псих, — хмыкнула Вера и указала на экран. Рем немного заторможенно перевел взгляд на мешанину картинок, мелькавших под бодрый голос диктора.

Запись с нагрудных камер спецназа сопровождалась гордым рассказом, как бойцы Верхнего города вскрыли дверь и вошли в здание клуба. Как нашли связанных Мигеля и Риву без сознания и вытащили их на улицу. Плевое дело, но люди, собравшиеся в Фундо свистели и орали, кидали в них мусор и пустые банки. Кто-то даже попытался броситься на бойца, камера дернулась, и на секунду показался скрюченный силуэт, упавший в дорожную пыль. Ведущий эфира, довольно цокая языком, повторял на разные лады, что недовольства в Нижнем городе сходят на «нет», и вскоре жизнь снова вернется на круги своя. На секунду камера задержалась на темноволосой девушке. Она плелась за одним из бойцов, опустив голову, завернутая в причудливую красную тряпку. Внизу пробежала подпись: «Доктор Кана Хикари тоже освобождена и находится в безопасности. Похитители сбежали».

— Слышала? — хмыкнула Дези. — Они говорят, что ты в порядке.

— Видимо, чтоб еще и Острова не впутывать, — вздохнула Кана, не проявляя особых эмоций. — Не хватало им еще, чтобы Пятерка прислала свою комиссию по социальной безопасности.

— А они могут это сделать? — вскинула брови Вера. Кана пожалала плечами. Интересно, родители хоть раз попытались до нее дозвониться за все это время? Она быстро отогнала эту мысль.

— Ну, вот и все, — вздохнула Дези, ерзая на диване.

— Что «все»? — прохрипел Рем.

— Не знаю. Просто все.

— Если бы мне платили каждый раз, когда я так говорю, — мечтательно протянула

Вера. — Кстати, я пошуршала по местным запасам. Габриэль смог сныкать тут пиво со старых времен. В банках. Вы обязаны попробовать, это разрыв.

— Пир во время чумы, — констатировала Кана.

— Чего?

Девушка принялась объяснять. Рем смотрел за ее движениями рук, как замороженный. Она наклоняла голову, кивала, как бы подтверждая свои слова, ловила взгляды прислушивавшихся к ней. И это действовало так успокаивающе. Поток информации, никак не связанный с тем, что происходило в их жизни, лился прямо в мозг, как самое совершенное успокоительное. Рем даже подумал, что, может, перспектива отсиживаться в этом странном убежище в такой компании не так уж и плоха.

Но тут в его мысли ворвался нервный голос диктора.

«У нас какие-то помехи в эфире. Не переживайте, технические проблемы будут исправлены в ближайшее время. Мы скоро...»

Экран потемнел. А через секунду озарился ярким светом кабинета инспектора Ривы. Или, вернее сказать, бывшего инспектора, которого изволил посетить губернатор Мартин Никколо.

***

Гектор знал, что план у него самоубийственный, но других выходов он не видел. Мальчишку действительно нужно было вернуть, а себе — обеспечить встречу с Никколо наедине. Ему хватило одного взгляда на губернатора, чтобы понять — тот уже составил свое видение всех событий. Все происходящее в Нижнем городе, по его мнению, было продолжением хитрой схемы Тимида, которая работала даже после его смерти с единственной целью — разнести в клочья с таким трудом созданный порядок. Единственный вопрос, который беспокоил бессменного губернатора, это какую роль во всей истории играл Гектор Рива? В этом Никколо решил разобраться лично. Он не дал Гектору даже освежиться после трущов и, не снимая с него наручников, привел в участок, завел в кабинет.

Молодой человек все пытался вывернуть руку, чтобы включить закрепленную на груди камеру. С третьей попытки ему это удалось.

— Должен сказать, когда ты говорил о предателях из Нижнего города, я считал, что ты бредишь, Гектор, — заговорил Никколо, включая голографическую доску со всеми портретами и схемами, которые молодой инспектор успел создать за последний месяц. — Но вот, мы здесь, и ты оказался прав. Черт возьми, твое грандиозное мышление, это, конечно...

— Я ошибся, — улыбнулся Гектор.

Губернатор окинул его недовольным взглядом. Он привык, что каждый провинившийся готов соглашаться с ним, что бы он ни говорил, лишь бы вымолить себе прощение.

— Что ты хочешь сказать?

— Я был уверен, что люди в Нижнем городе алчны и жестоки. Что им нужны наши дома и наши рабочие места. А потом я понял, что это не им нужно. А вам. И всем таким как вы, Тимида и другие. Вы создали идеальную систему со всеми социальными рейтингами. Люди занимаются спортом, пьют больше воды, много работают, ложатся пораньше спать, перевыполняют планы, чтобы получить дом получше, работу по-престижнее или просто возможность не работать неделю-другую. А вы в это время предоставляете им препараты, стимуляторы и антидепрессанты. Строите все новые дома, за которые они должны грызть

друг другу глотки. Мой отец знал об этом и был с Вами несогласен, так что вы убили его. Я это знаю.

Никколо сунул руки в карманы и покачнулся вперед-назад.

— И кто же тебе поверит?

— Надеюсь, что все, кому хватит мозгов посмотреть на свою жизнь критически. Вы же и сами говорили, как важно критическое мышление.

— А еще верность, парень. Тебе ее вот настолько не хватило, — он сомкнул большой и указательный пальцы, — чтобы получить все в этом городе.

— До тех пор, пока сын не подрастет и не займет Ваше место? — вскинул голову Рива.

В кабинете зазвонил телефон. Рива дернулся было, чтобы ответить первым, но Никколо его опередил. Старик снял трубку со старого рожка и поднес ее к уху, не сводя взгляда с Ривы. Раздался трескучий и сбивчивый голос. Гектор тряхнул головой и расправил плечи так, чтобы камера в нагрудном кармане могла захватить каждое изменение в выражении лица Никколо.

Старик положил трубку и посмотрел на Гектора, пылая от гнева.

«Мелкий говнюк», — проговорил он и на секунду озарился яркой вспышкой. А потом Гектор покачнулся, сделал пару шагов назад и осел на пол. Никколо медленно подошел к нему и сел рядом. Ладонь накрыла камеру, и цифровой взгляд померк.

***

Дези взвыла от ужаса. Потом вскочила на ноги и принялась орать прямо на телевизор. Остальные прятали глаза, пытаясь хоть как-то отгородиться от захлестнувшего ее отчаяния. Девушка вопила то на умершего Риву, то на Никколо, то на появившееся на экране лицо ведущего. Трясла кулаками и топала ногами, пока не выдохлась. Но замерла она только на секунду, а уже через мгновение, крича: «Я убью их всех нахуй», рванулась к лестнице. Тут-то Рем и Вера успели ее перехватить. Дез вырывалась, дергалась и дрожала всем телом, упиралась ногами, а через секунду начинала брыкаться, пока снова не обмякла.

Рем прижал ее к себе, потом просунул вторую руку ей под колени и, оторвав от пола, как маленькую, понес в сторону спальни. Вера открыла ему дверь, Кана тут же появилась со стаканом воды. Его и самого трясло. То ли от напряжения, то ли от осознания, что большинству людей, которые увидят этот слив, уже через час будет глубоко плевать, кто такой Гектор Рива и как он умер. Их не будет беспокоить, как этот малый жил и что он делал. А потом все его слова назовут фейком и удалят. От этого просто голова шла кругом.

Рем уложил сестру на кровать и потормошил ее за плечо. Хотелось сказать что-то в духе: «все будет хорошо», но достаточно было взглянуть на Дез, чтобы понять — одно слово, и она заедет ему с ноги в челюсть. Девушка перевернулась на бок, так, чтобы не видеть склонившихся над ней лиц и тяжело задышала, пытаясь сдержать волну подкатывавших к горлу рыданий.

Пружины матраса скрипнули, и кто-то улегся рядом. Дези с силой втянула сопли и пробубнила: «Свали, Рем».

— Это я, — тихо подала голос Кана. Ее крошечная рука мягко легла на плечо Дезире. — Я просто побуду рядом. Но если ты захочешь поговорить...

— Нет, — хмыкнула Дез, но сжалась калачиком и вжалась спиной в живот и грудь Каны, позволяя девушке обнять себя. Кана просунула руку ей под голову и принялась мягко перебирать кудри.

— Знаешь, у меня дома нейросеть сама определяет, кем тебе стать, когда ты вырастешь,

от кого рожать детей, как одеваться, какие витамины принимать.

— Заебись система.

— Многие так думают, это правда. Но оказавшись здесь, пообщавшись с вами я поняла, что это ужасно несправедливо. «Кассандра» планирует весь наш путь, определяет, с кем мы будем расти и общаться, она... закладывает даже социальный фон. То есть ты всегда оказываешься в окружении «правильных людей», которые не сомневаются в правильности ее решений. А тут все иначе. Ваша жизнь похожа на хаос, но в ней столько возможностей. Столько шансов встретить настоящих людей, а не тех, кто уже наполовину машины.

— Я, конечно, очень внимательно слушаю, что ты там болтаешь, — Дези отлепила от подушки заплаканное лицо. — Но я нихрена не понимаю, что ты несешь.

— Как бы тебе ни было тяжело, ты всегда можешь выбирать, кем тебе быть и за что бороться, кого любить, и кого ненавидеть. Ты свободнее сотен людей, которых я знаю. Ты и твой брат, — улыбнулась Кана, проводя ладонью по ее лицу. — И так будет, пока вы живы.

— Так! — раздался крик Веры. — Подберите сопли и дуйте сюда! Что-то происходит!

***

Вся техника словно взбесилась. На всех экранах, фасадах и мониторах всплывали фотографии, видео, весь архив — и убрать его было невозможно. Даже высочайшее распоряжение губернатора не помогало остановить эту кибератаку. Как только кто-то убирал файл или обновлял монитор, атака возобновлялась с утроенной силой. Люди выходили на улицы и, постепенно, до них доходила суть произошедшего. Они толпились, стягивались к центру города, точь-в-точь как толпа в Нижнем городе. Они запускали стримы, заполняя эфир, «воруя» зрителей у центрального канала. Тут же у каждого второго обнаружился знакомые и родственники, оказавшиеся свидетелями злодеяний Никколо. Они кричали и требовали, они забрасывали мусором окна Дворца Ученых и центральных зданий.

То тут, то там, в толпу врывались полицейские, но вскоре они просто стали ее частью. Тогда выпустили дронов. И люди схлестнулись с металлом. Сколько каналов ни пролистай, вскоре они все оказались об одном: слезоточивый газ, крики, вспышки света, клубы дыма, бегущие люди.

А потом все затихло. Сигнал пропал. Лас-Риас, когда-то свободный и живой, погрузился в молчание.

— Они отрубили связь! — вскрикнул Рем, подпрыгивая с дивана.

— Их всех перебьют, — протянула Дез. Кана тут же окутала ее объятиями. Она долго смотрела вперед, а потом с тяжелым сердцем произнесла.

— А что, если мы...?

— Попытаться стоит, — уловила ее мысль Вера. — Только в этот раз без плана. Чистая импровизация.

Глава 23. Ключ от всех дверей

«Открыть ворота, включить связь, найти Никколо — делов-то», — повторял про себя Рем. Все разворачивалось слишком быстро. Они собрались и, как были, направились к переходу в Верхний город. Вера, конечно, удивилась, когда он разблокировал дверь мастер-ключом, полученным от Ривы, но никак это не комментировала. Их маленькую команду сковало молчание, и никто не решался его нарушить, чтоб не спугнуть решимость, с которой они двигались вперед. Плана, как такового, не было. Была только цель и единственное желание — чтобы все это закончилось.

Проход напоминал ливневку, по которой Гектор вывел их из города. Шаги разлетались гулким эхом, но чем дальше они проходили, тем громче становились звуки погрузившегося в беспорядки Верхнего города. Люди кричали, скандировали, требовали. Наконец, они добрались до тупика, освещенного скудной россыпью пятен, пробивавшихся через решетку над их головами. Слабо поблескивали металлические скобы-ступеней, приглашая подняться наверх.

Рем обернулся к следовавшим за ним женщинам.

— Надо будет разделиться.

— Мы с тобой пойдем во Дворец науки. Оттуда, скорее всего, получится открыть ворота и включить связь, — сказала Вера.

— Дези с нами, — сказал Рем.

— Я с Каной. Хочу посмотреть Никколо в глаза, — поджала губы девушка. Кана взяла ее за руку и с холодной уверенностью взглянула на Рема.

— Все будет хорошо. Я присмотрю за ней, — пообещала она.

— Вы даже не знаете, где его искать.

— Он со своими приближенными, скорее всего, заныкается в баре, — сказала Вера.

— Такому человеку больше подходит какой-нибудь личный бункер, — хмыкнула Дез. Вера покивала.

— Приватная комната номер двадцать четыре.

Кана дернулась и тряхнула головой.

— Ну все, — хлопнула в ладоши Вера, залпом осушая прихваченную из убежища Тимидо банку. — Обнимаемся и лезем.

***

Наверху было громко. Суточно. То и дело мерцали вспышки — видимо, дроны распугивали толпу. Люди разбегались, перегруппировывались и ревушим роем направлялись дальше по улицам. Это было какое-то безумие. Кто-то терялся в толпе, кто-то орал, смятый давкой.

Они вылезли из ливневки в густых зарослях плодовых деревьев. Рем осмотрелся — совсем рядом из-за ветвей показались крыши знакомых домиков.

— Там твой дом, — указал Рем Кане. Девушка возбужденно улыбнулась и облизнула губы.

— Отлично. За мной.

— А если там кто-то есть?

Но она не слушала, и уже бежала к зданию. Дези рванулась за ней. Рем хотел была последовать за ними, но Вера удержала его за шиворот и втянула обратно в заросли.

Вовремя. Стоило девушкам показаться на дорожке, их тут же окружили дроны и принялись зачитывать их права. Рем чертыхнулся, но Вера положила руку ему на затылок.

«Все нормально. Их доставят прямиком к Никколо. У девчонки котелок варит, что надо», — хмыкнула она и, пригнувшись, повела Рема за собой, через соседние улицы, пока они, наконец, не выбрались к трамвайным путям и не влились в спасительную толпу.

Сопrotивление в Верхнем городе было куда активнее, чем в Нижнем. Видимо, сказывался уровень жизни: сытые и выспавшиеся люди, имевшие что-то вроде ценностей, активнее защищали то, что им дорого, и с десятикратной яростью мстили за обман. Толпа требовала сместить и судить Никколо, открыть ворота и впустить в город людей из Нижнего, а потом и вовсе отключить систему рейтинга и мониторинга. Людей стало так много, что дроны уже едва могли втиснуться в толпу, и люди окружали их, раскачивали, толкали, пока те не выпускали слезоточивый газ, но это только сильнее распалило людей.

Протискиваться через это месиво было трудно. Рем и Вера по очереди буксировали друг друга, пока не встали в «пробку» возле дворца науки. Там толпа застыла и лишь медленно покачивалась в такт выкрикам, прокатывавшимся по ней волнами. Рему и Кане пришлось поработать локтями, протискиваясь вперед.

— А тут какого-нибудь тайного хода нет? — едко поинтересовался Рем.

— Хуй его знает, я тебе не энциклопедия по истории города, — фыркнула Вера. — Посторонись!

Она с силой пихнула появившегося из ниоткуда парня. Тот обернулся. Его взгляд лишь на секунду задержался на Вере и тут же перескочил на Рема. На лице мелькнуло узнавание.

— Это он! Смотрите! Это тот парень из новостей! Это он!

Толпа загудела, отворачиваясь от научного центра и переключая внимание на Рема. Они свистели и аплодировали ему, как будто он был какой-то знаменитостью. В воздух полетели кулаки и выкрики: «Свобода, равенство и братство!» Рем хотел было дать заднюю, но Вера тут же подсутилась и удержала его за шиворот.

— Ребят, нам очень нужно пройти вон к тому зданию. Будет просто заебись, если вы поможете. Давайте, друженько. Разойдись!

И толпа расступилась, пропуская их вперед. Все дальше и дальше, к массивным дверям, украшенным надписями на латыни. Перед ними выстроились три плотных ряда дронов, сканировавших толпу и выкрикивавших приказ разойтись по домам. Самые нетерпеливые кидали в машины мусор. Вера и Рем замерли во главе толпы.

— Какие идеи? — спросила женщина.

— Они реагируют на триггер, — сказала стоявшая рядом молодая девушка с фиолетовыми волосами. — Например, на лицо, находящееся в розыске. Или на противоправное действие. Типа такого.

И, не теряя времени, она распахнула рубашку. Роботы, как замороженные, уставились на голую грудь и стали подъезжать к женщине. «Мисс, ваше поведение непристойно и может оскорблять других. В соответствии с законом номер сто семнадцать пункт пять подпункт двадцать пять, поправка сорок два, вы не имеете права демонстрировать молочные железы, а также другие половые признаки в публичных пространствах, даже если целью демонстрации является творческий акт, политическое заявление, а также...»

Слова зазвучали эхом, потому что стоявшая рядом Вера сделала то же самое, а оказавшиеся поблизости женщины следовали ее примеру, одна за другой. Пуговицы летели во все стороны, как пули. Следом за ними в воздух взлетали футболки и рубашки, кто-то

безжалостно рвал одежду на себе и через секунду принимался раздевать других, а роботы беспомощно смотрели на это, забыв о толпе. Между их покрытыми белом эмалью боками появился просвет, и Рем с Дези рванули вперед, к дверям здания. Рывок — и они оказались внутри.

— Незаперто, — удивленно отметил Рем. Вера обреченно вздохнула и заозиралась по сторонам. Рядом со входом стоял ряд пластиковых стульев с металлическими ножками. Она, не церемонясь, разбила один ногой и взяла в каждую руку по ножке с острыми остатками креплений.

— На первое время сойдет. Если будут стрелять, старайся, чтоб не попали. Нам на нижние этажи, там комнаты для ручного управления.

В коридорах было пусто, даже камеры погасили свои злые глаза. И впервые Рему от этого стало совсем не по себе.

***

Вера оказалась права, дроны провели их в центр по системе переходов под улицами. Видимо, это была сеть бункеров, в которых люди десятилетия назад переживали экологические кризисы. Теперь это были подсобки, складские помещения, а система переходов оставалась доступной только для исключительных случаев. Кана и Дези шли плечом к плечу, изредка соприкасаясь руками. Иногда из вентиляционных отверстий доносились крики людей и вой толпы, выкрики и лозунги. Они поднимались все выше и выше, пока не оказались под баром. Роботы издали звонкую трель и расступились перед женщиной, ожидавшей их в конце перехода.

«Аманда», — стиснула зубы Дези.

— А где брат-акробат? — вскинула голову Аманда, отбрасывая челку. — Бросил вас? Так с этими мужчинами, никогда нельзя на них полагаться. Правда же, Кана? Ты это знаешь не понаслышке.

Ученая смирила ее холодным взглядом.

— Мы пришли добровольно. У меня есть сообщение для Мартина Никколо.

— О, вот как? Какое же? Что ты не против и на его члене прокатиться?

— Я знаю, что у него проблемы со здоровьем из-за употребления таблеток. Я знаю, как ему помочь, — проговорила она.

— А эта тебе зачем? — Аманда указала на Дези. В тусклом освещении перехода блеснула маленькая, даже изящная, пушка.

— Она мой ассистент и по совместительству полевой врач. Машины же сейчас толком не работают, — невозмутимо продолжала Кана. Аманда недовольно нахмурилась, цокнула языком и скомандовала роботам следовать за ней.

— Только без приколов, а то пришью вас обеих раньше времени, — цыкнула она.

Они поднялись по винтовой лестнице. Через хранилище с сотнями бутылок и консервных банок вверх, в зал, разделенный стеклянными перегородками. На всех диванах и креслах сидели люди: перепуганные, нервно хлебавшие алкоголь из вместительных стаканов. Они тихо переговаривались, бросая перепуганные взгляды на Аманду и пистолет в ее руке. В углу лежало накрытое простыней тело. Дези шла вплотную к Кане и тихо прошептала: «Что ты задумала?»

«Разговорчики!» — рыкнула Аманда и повела их дальше, к приватным комнатам, к двери с номером двадцать четыре.

Как и во всех приватных комнатах, большую часть пространства занимала огромная

кровать, заваленная подушками разных форм, игрушками и прочей приبلудой. В этот раз все добро сгребли на дальний край, а на кровати развалился губернатор Никколо с холодным компрессом на голове. В ногах у него сидел Мигель. Фингал у него почти рассосался, зато на брови появилась свежая ссадина, и вся щека была фиолетовая. Присмотревшись, Дези заметила, что мальчик за ногу пристегнут к кровати.

— Они пришли, — объявила Аманда.

— Спасибо, дорогая, — простонал Никколо и с трудом поднялся с кровати. Снял со лба компресс. — Доктор Хикари. Прекрасна, как всегда.

Аманда позади фыркнула.

— Когда Габриэль Тимидо привез Вас сюда, он сказал, что Вы, как квалифицированный сомнолог, можете решить мою проблему с бессонницей. Но Вы только и делали, что избегали меня. Это очень непрофессионально.

— Видимо, произошло недопонимание.

— О, конечно. Спишем это на разрыв поколений. Мое предпочитает решать вопросы с глазу на глаз, а не выставлять проблемы на всеобщее обозрение. Верно, мисс Домингос-Сальва?

Дези неопределенно пожала плечами.

— Так Вы разобрались с действием моих «витаминок»? — просипел мужчина, ласково улыбаясь ученой.

— Да, они... стимулируют мозг. Не вызывают привыкания, но имеют накопительный эффект.

— Я старался их сдерживать, но только отсрочил этот, как Вы выразились, «эффект». И он проявился очень невовремя, я нужен моему городу как никогда, — он хотел сказать что-то еще, но закашлялся. Зажмурился изо всех сил, словно каждый вдох выдавливал ему глаза. Мигель поднялся с кровати и проковылял к столику в другом конце комнаты. Взял графин с водой и наполнил стакан, поковылял обратно. Рядом с Дези он запнулся и чуть не упал, так что девушке пришлось придержать его за плечи.

— Спасибо, — проговорил мальчик и бросил быстрый взгляд вниз. Дези проследила его и увидела валяющуюся прямо у ее ног синюю таблетницу Тай. Девушка осторожно наступила на нее, закрывая от чужих глаз.

Пил Никколо долго, сосредоточенно, словно уговаривая организм принять живительную воду. Потом откинулся на подушки и восстанавливал дыхание.

— Мне нужно быстро восстановить силы. И некоторым моим друзьям тоже, вы наверняка видели их в зале.

Девушки переглянулись. Кана кивнула.

— Может, подойдет капельница. Это лучший вариант, если нужен быстрый эффект.

— Да, соединим физраствор, магний, Омегу, — принялась болтать Дези, с каждым словом повышая голос, пока Никколо не заткнул уши.

— Отлично, делайте. Аманда проводит вас в лабораторию. И без шуток, тут повсюду мои лояльные люди.

— Живо, шагом марш, — скомандовала Аманда.

Дези развернулась и тут же грохнулась на пол. Аманда закатила глаза.

— Простите, мэм. Тут ковры неровно положены, — суетливо сказала Дез, отскребая себя от пола. Синяя таблетница была надежно прижата резинкой штанов.

***

Верхний этаж здания пустовал. Видимо, всех ценных сотрудников эвакуировали. Либо же они сами покинули рабочие места и стали частью беснующейся толпы. Вера и Рем двигались через коридоры. Рему казалось, что он был тут целую вечность назад. Ничто не напоминало о пафосном приеме, музыкантах и наряженных гостях. Теперь здание выглядело заброшенным и пустым.

— Ручное управление наверняка находится под землей. Город же построили над системой бункеров времен Кризисов, — вещала Вера, чтоб хоть как-то развеять обстановку. Толпа с улицы начала прорываться через дронов и вбегала в здание. Одни пытались забаррикадировать двери, другие просто занялись мелким вандализмом, сопровождая это бешеными криками.

— Ситуация выходит из-под контроля, — заметил Рем, в очередной раз обернувшись назад.

— А так всегда, один ебет — другой орет, — фыркнула Вера, почти буксируя его в сторону лестниц и служебных помещений.

Рем все озирался, ожидая, когда появится какой-нибудь очередной дрон или коп. Толпа валила за ними, как лавина, сделав их лидерами и главарями. Не сговариваясь, Рем и Вера ускорились, пока не добрались до массивной двери с надписью: «Только для административного персонала».

Рем приложил цилиндр к магнитному замку. Дверь со скрежетом открылась, впуская их в слабо освещенное помещение. В полумраке мигали десятки и сотни кнопок, гудели и завывали вентиляторы. А люди в белых плащах сидели за тремя огромными пультами и потели, несмотря на прохладу. Среди них бродил Гато Бранко.

Вера придержала дверь, чтобы та не хлопала, и тут же присела, скрываясь за ограждением. Рем повторил за ней.

— Я предлагаю убить его, — прошептала Вера.

— Чего?

— А что ты хочешь? Вырубить и связать? Да ну нахрен.

— А перспектива стать убийцей тебя не смущает?

— Нашел время для морально-этических дилемм, — покачала головой женщина.

— Вообще-то, Вера, солнышко, тут отличная слышимость, — проговорил Гато. — Приятно увидеть тебя, родная. Не представишь мне своего спутника.

Вера пригнулась еще ниже. В этот момент раздался выстрел, и в металлическом ограждении, прямо рядом с головой Веры, образовалась идеальная дырочка.

— Невежливо, киса. Я вот своего тебе только что представил, — облизнул губы старик и медленно двинулся к ним. — Я так и знал, что твоя рыжая голова как-то замешана в этом беспорядке. Что заставило тебя покинуть насиженное местечко? Ностальгия? Тоска по бедноте?

Он все приближался. Рем видел, как его тень с каждым шагом уменьшалась. Еще немного, и он просто расстреляет их в упор. Рем вцепился вспотевшими ладонями в металлический прут, сделал вдох, другой, пока легкие не расперло от воздуха, а потом рванулся вперед и вверх, прямо на старика. С виду немощный, он яростно отбивался, пытался выстрелить, но Рем был быстрее, злее. Ему было не до расшаркиваний и красивых приемов. Он наносил удар за ударом, пока ярость не ослепила, пока каждое движение не подчинилось размеренному ритму. И пока на его руке не повисла всем своим весом Вера.

— Тише, ковбой, он все, — сказала она, указывая на месиво в том месте, где был череп.

— Камеры тут не работают, а мы ничего не видели, — тут же сообщил малый в халате.

— Мы просто ученые.

— Хотим делать свою работу.

Рем махнул окровавленной железкой и скомандовал:

— Открыть ворота. Восстановить связь. По громкой связи объявить, что у Никколо еще как минимум двое заложников, и что они находятся за баром «Old Fashioned».

Он тяжело перевел дыхание и отбросил свое оружие. Вера сунула ему под нос флягу.

— Тише-тише, дружище. Ты его, конечно, знатно отделал. Дай угадаю, представил на его месте отца? Я бы представила.

— Ага, — кивнул Рем, толком не зная, врет он или нет.

Люди в халатах нажимали на переключатели. Обменивались короткими фразами. И вот, свет загорелся также ярко, как на торжественном приеме, запиликали трекеры на запястьях ученых.

Молодой человек в очках обратился к Рему.

— А Вы теперь лидер? Кого слушаться?

Рем непонимающе уставился на него, переваривая каждое слово по отдельности. Ему бы таблетку сейчас, хотя бы одну, чтоб просто дожить до конца этого дня.

На помощь снова пришла Вера.

— Никого не слушайте, делайте, что должны. Обеспечьте стабильный эфир для начала.

***

— Вы что думаете, я совсем тупая? — трясла пушкой Аманда.

Она привела девушек в лабораторию. На первый взгляд это было просто подсобное помещение, но стоило нажать на кнопку, и из потайных ниш выезжали столы, центрифуги, настольные холодильники. Стоило им взять в руки препараты и приборы, Аманда тут же отогнала их и крикнула в коридор: «Приведите Реджину». На пороге появилась бабушка. Дези с болью в сердце признала, что несмотря на годы, Реджина выглядела гораздо лучше Фелиз. Вот только теперь ее, а не мамино, лицо было перекошено страхом смерти.

— Реджина проследит, чтоб вы херни не намешали, — сказала Аманда.

— Никколо мог бы напрямую к ней обратиться, — пожалала плечами Дези.

— Сэр Никколо, — рявкнула Аманда. Ее глаза метались по помещению. Ремарка явно поставила ее в тупик, но на помощь пришла Реджина.

— Бабушка специализируется на омоложении, а не на сне, крошка, — проворковала она и встала между девушками, положила руки на стол. — Ну, что тут у нас?

— Капельница, — проговорила Кана, чувствуя себя лишней на пороге очередной семейной драмы.

— Отлично. Приступим, крошки, — она включила сенсорную панель и заозиралась по сторонам. — Аманда, дорогая, позволишь мне сходить за очками.

Аманда закатила глаза.

— Лучше Вы оставайтесь, а я принесу очки. Они на диване?

Бабушка благодарно кивнула, а когда их надзирательница скрылась, повернулась к Дези.

— Ты так похожа на мою Фелиз, — проговорила она и тут же посерьезнела. — Я не буду вам мешать, делайте, что хотите.

Кана удивленно вскинула брови. Дези нахмурилась.

— Как я могу тебе доверять? После того, что произошло с мамой...

— Ты думаешь, я не пыталась ее вернуть? — зашипела Реджина. — Это был ее выбор,

остаться в Нижнем городе. И если бы не ее гордость...

— Давайте разберемся с этим потом, — проговорила Кана. Дези согласно кивнула и положила перед ней таблетницу Тайнары. Кана округлила глаза.

— Убивать не надо, но кома ему не повредит, — тихо сказала Дези.

В этот момент зажегся свет, и трекер на руке Реджины запищал, возобновляя работу.

— Кажется, у нас мало времени.

***

Ворота открылись, и в Верхний город хлынула толпа обитателей Фундо и других районов Нижнего города. Они бросились вверх, как волна, сметая все на своем пути, переворачивая дронов. Жители Верхнего приветствовали их и впускали в свои ряды. Громкие шествия обернулись толчеей, начался хаос.

Рем и Вера направились к выходу из радиоцентра, но уже в дверях наткнулись на миниатюрную немолодую женщину в толстенных очках и с взведенным пистолетом. Рем тут же закрыл Веру собой и поднял руку, запоздало понимая, что его «оружие» осталось рядом с телом Гато. Женщина окинула их быстрым оценивающим взглядом и опустила пистолет.

— Я так понимаю, вы в ответе за возвращение связи, так?

Рем и Вера кивнули.

— Меня зовут Марион Рамирес, — представилась женщина. — И я буду очень благодарна, если вы поможете мне пробиться в эфир и взять под контроль это безумие, пока люди не начали убивать друг друга.

— Но Кана и Дези... — заговорил Рем.

— Это наши подруги, они в заложниках у Никколо, — пояснила Вера.

— Я понимаю, — проговорила Марион. — Но если толпа продолжит буйнить, Никколо может запаниковать и стать совершенно неуправляемым. И тогда вашим подругам точно несдобровать.

Рем кивнул и посторонился, позволяя Марион пройти вперед. При виде ее у ребят в белых халатах вырвался вздох облегчения.

***

— Эта сука Марион встала у руля! — все присутствующие в баре слышали, как вопит Аманда. Голос Никколо же было почти не разобрать. А через секунду женщина появилась в лаборатории.

— Вы закончили? Уже час тут возитесь!

— Я не могу ускорить протекание химических реакций, — раздраженно проговорила Кана. Она вообще не была химиком и действовала по инструкции и по советам Реджины. Старушка оказалась весьма сведущей, а на вопросы, откуда она знает столько способов отправить человека в кому, она только отвечала: «Несколько лет в законодательстве Лас-Риаса был пробел, фактически разрешавший эксперименты над людьми в научных целях». Уточнять подробности никому не хотелось.

— У нас каждая минута на счету, — рыкнула Аманда. — Толпа уже слушается эту либераснутую на всю голову.

— Пять минут, дорогая, — проворковала Реджина. Дези с ненавистью смотрела на блондинку, растирая в ступке таблетки в мелкий порошок. Им и пяти минут было много. Целый час они только и делали, что тянули время в надежде, что вот-вот сюда ворвется толпа. Но Марион Рамирес, теперь вещавшая со всех экранов, своим спокойнейшим голосом каким-то образом смогла унять людей и объяснить им, что суд и последующий приговор

принесут человечеству куда больше пользы, чем быстрая и кровавая расправа. И все же люди стягивались в центр.

Кана заправила капельницу и передала шприц Дези.

— Можно я? — вежливо поинтересовалась Реджина. Дез смирила родственницу недоверчивым взглядом. — У меня свои счета с этими говнюками.

Дез согласно кивнула и передала шприц бабушке. Та погладила внучку по плечу.

— Ты так похожа на мою Фелиз, — улыбнулась она.

— Ты еще моего брата не видела, — только и сказала Дези, незаметно пряча в рукав еще один шприц.

Аманда провела их обратно в приватную комнату. Мартин Никколо стонал и мотал головой, пытаясь избавиться от лихорадки. Рядом сидел Мигель. Безразличный и нетерпеливый, как ангел смерти. Кана подкатила капельницу к изголовью, а Реджина села рядом с Мартином и сжала его ладонь в руке.

— Реджи, старушка, — усмехнулся Никколо.

— Потерпи, дружище. Будет небожно. Как комарик укусит, — улыбнулась она и безукоризненно попала в вену. Никколо блаженно простонал и улыбнулся.

Аманда перегнулась через плечо Реджины.

— И что, скоро ему станет лучше?

— Остается надеяться, что да, — пожала плечами Кана.

— Блядь, вот поэтому врачей заменили машины и правильно сделали. Вы ни точного прогноза сказать не можете, ни врачебную тайну хранить, ни...

— Это ты про свои аборты говоришь или про свой возраст? — вскинула бровь Реджина. В этот момент Никколо заорал. Истошно, выгибаясь всем телом. Аманда завопила и вскинула руку с пистолетом.

Раздался выстрел, закрепленное над кроватью зеркало рассыпалось на осколки. Мигель метнулся к Аманде, сбивая ее с ног. Та упала на пол, прямо на осколки, пистолет улетел в сторону, но она тут же схватила осколок и принялась махать им, истошно визжа. Кана и Дези бросились к ней, закрывая собой мальчишку. Свет блеснул, отраженный от окрашенного кровью зеркала. Кана инстинктивно выставила руку, а второй ударила Аманду в живот, в шею, в бок. Она продолжала, пока в глазах не потемнело, и все тело не окутала слабость. Она еще слышала, как Дези трясет ее и пытается наскоро соорудить жгут, а потом все завертелось и подернулось дымкой.

Глава 24. После всего

Кана открыла глаза и несколько секунд смотрела в белоснежный потолок. Легкие наполнил аромат свежесваренного кофе. Кофеварка на кухне еще пыхла и шипела, извергая из себя последние капли. Кана все копошилась в памяти, пытаясь достать из мешанины образа обрывки сна, но они ускользали, стоило ей только как следует сконцентрироваться, оставляя после себя мучительное тревожное чувство. Как будто она прослушала что-то очень важное.

Зазвонил телефон. Кана поворочалась несколько секунд, но все же поднялась с кровати и нажала зеленую кнопку со старомодной телефонной трубкой.

«Доктор Хикари, добрый день. Мы по поводу сегодняшнего интервью о вашей книге “Сны Нижнего города”. Скажите, вам будет удобно, если мы его чуть-чуть перенесем? Скажем, на день-два. Хочется выпустить его уже после оглашения приговора Мартину Никколо. Ну, понимаете, маркетинг все-таки никто не отменял», — бодро тараторил мужчина на том конце. Кана скосила глаза на часы. Было только восемь утра. И откуда берутся настолько энергичные люди в такое время суток?

Она угукнула, пробормотала в микрофон несколько вежливостей и отключилась. Кровать, еще теплая, манила мягкими объятиями одеяла, но кофе и в этот раз, как всегда, победил. Кана потянулась и, похрустев шей, направилась на кухню.

— Опять пьешь из графина? — шутливо нахмурилась она, заметив Рема с кофейником в руках. Мужчина виновато пожал плечами.

— Моя чашка в мойке.

— У нас чашек на двенадцать человек.

— Это моя любимая, — проговорил он с трепетом влюбленного, а затем приблизился к Кане и оставил на ее губах кофейный поцелуй. Потом перехватил ее левую руку и огладил пальцы. — Как чувствительность?

— Потихоньку возвращается, — улыбнулась она, со вздохом осматривая длинный тонкий шрам, тянувшийся от запястья до локтя.

Рем выпустил ее руку и поставил перед ней чашку кофе и сэндвич. Кана села за стол и с удовольствием сделала первый глоток. Кофе обжег горло и язык, теплой волной прокатился по горлу.

— Звонила Дези, — сказал Рем. — Сказала, что ее экспедиция задерживается, и она вернется только через месяц. Нашла что-то. Я уверен, скоро Реджина не выдержит и вычеркнет ее из завещания.

— Или кого-то, — усмехнулась Кана.

— С чего ты взяла?

— По иной причине ни одна уважающая себя женщина не застрянет в какой-то дыре без канализации даже на день.

— Тебе виднее, — усмехнулся Рем. — Марион сегодня дала выходной, так что можем посидеть дома. Посмотреть процесс над Никколо, если хочешь.

— Давай посмотрим просто фильм. Что-то из старого, — улыбнулась Кана.

Рем кивнул и тут же потянулся за планшетом в поисках какого-нибудь подходящего фильма. Кана сползла с высокого стула, взяла здоровой рукой кофе и отправилась на балкон.

Она все еще привыкала к высоте. Каждый раз ей было некомфортно, казалось, ей

достаточно вытянуть руку, чтобы коснуться стеклянного купола Лас-Риаса. Но она обещала себе привыкнуть. Такой же немой страх она замечала на лицах соседей, переехавших вместе с ними в заново отстроенную Башню Ривы.

Перед ее взглядом раскинулся новый Лас-Риас. То есть, на самом деле это был все тот же город, со все теми же географическими координатами, но теперь он был совсем другой. Он словно стал медленнее, проще. Без всех этих безумных рейтингов и ограничений. Он стал живым.

Кана прикрыла глаза и прислушалась. По стеклянному куполу барабанил первые за долгие годы дождь. И город распахнул ворота, чтобы все желающие могли выйти и убедиться в этом сами.

Больше книг на сайте - Knigoed.net